

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Васильевича. Николай Михайлович Карамзин кага
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://karamzinnikolai.ru/> приятного чтения!

История государства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Васильевича. Николай Михайлович Карамзин

Глава I

Государь, державный Великий князь Иоанн III Васильевич. 1462–1472 г.
Вступление. Князь Рязанский отпущен в свою столицу. Договор с князьями Тверским и Верейским. Дела Псковские. Ахмат восстает на Россию. Всеобщая мысль о скором преставлении света. Кончина супруги Иоанновой. Избрание нового Митрополита. Походы на Казань. Война с Новымгородом. Явление комет. Завоевание Перми. Нашествие Ахмата на Россию. Смерть Юрия, Иоаннова брата.
Отселе История наша приемлет достоинство истинной государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния Царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической. Уже союзы и войны наши имеют важную цель: каждое особенное предприятие есть следствие главной мысли, устремленной ко благу отечества. Народ еще коснеет в невежестве, в грубости; но правительство уже действует по законам ума просвещенного. Устраются лучшие воинства, призываются Искусства, нужнейшие для успехов ратных и гражданских; Посольства Великокняжеские спешат ко всем Дворам знаменитым; Посольства иноземные одно за другим являются в нашей столице: Император, Папа, Короли, Республики, Цари Азиатские приветствуют Монарха Российского, славного победами и завоеваниями от прадедов Литвы и Новгорода до Сибири. Издыхающая Греция отказывает нам остатки своего древнего величия: Италия дает первые плоды рождающихся в ней художеств. Москва украшается великолепными зданиями. Земля открывает свои недра, и мы собственными руками извлекаем из оных металлы драгоценные. Вот содержание блестящей истории Иоанна III, который имел редкое счастье властвовать сорок три года и был достоин оно, властвуя для величия и славы Россиян.

Иоанн на двенадцатом году жизни сочетался браком с Мариєю, Тверскою княжною; на осьмнадцатом уже имел сына, именем также Иоанна, прозванием Младого, а на двадцать втором сделался Государем. Но в лета пылкого юношества он изъявлял осторожность, свойственную умам зрелым, опытным, а ему природную: ни в начале, ни после не любил дерзкой отважности; ждал случая, избирал время; не быстро устремлялся к цели, но двигался к ней размеренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности и несправедливости, уважая общее мнение и правила века. Назначенный Судьбою восстановить Единодержавие в России, он не вдруг предпринял сие великое дело и не считал всех средств дозволенными. Московские Наместники управляли Рязанью; малолетний князь ее, Василий, воспитывался в нашей столице: Иоанн одним словом мог бы присоединить его землю к Великому княжению, но не хотел того и послал шестнадцатилетнего Василия господствовать в Рязани, выдав за него меньшую сестру свою, Анну. Признал также независимость Твери, заключив договор с шурином, Михаилом Борисовичем, как с братом и равным ему Великим князем; не требовал для себя никакого старейшинства; дал слово не вступаться в Дом Святого Спаса, не принимать ни Твери, ни Кашина от Хана, утвердил границы их владений, как они были при Михаиле Ярославиче. Зять и шурином условились действовать заодно против Татар, Литвы, Польши и Немцев; второй обязывался не иметь никакого сношения с врагами первого, с сыновьями Шемяки, Василия Ярославича Боровского и с Можайскими; а Великий князь обещал не покровительствовать врагов Тверского. Михаил Андреевич Верейский по договорным грамотам уступил Иоанну некоторые места из своего Удела и признал себя младшим в отношении к самым меньшим его братьям; в прочем удержал все старинные права князя Владетельного.

Псковитяне оскорбили Иоанна. Василий Темный незадолго до кончины своей дал им в Наместники, без их воли, князя Владимира Андреевича они приняли его, но не любили и скоро выгнали: даже обругали и столкнули с крыльца на вече. Владимир поехал жаловаться в Москву, куда вслед за ним прибыли и Бояре Псковские. Три дня Великий князь не хотел их видеть; на четвертый выслушал извинения, простил и милостиво дозволил им выбрать себе князя. Псковитяне избрали князя Звенигородского, Ивана Александровича: Иоанн утвердил его в сем достоинстве и сделал еще более: прислал к ним войско, чтобы наказать Немцев за нарушение мира: ибо жители Дерпта посадили тогда наших купцов в темницу. Сия война, как обыкновенно, не имела важных следствий. Немцы с великим стыдом бежали от

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал передового отряда Российского; а Псковитяне, имея у себя несколько пушек, осадили Нейгаузен и посредством Магистра Ливонского скоро заключили перемирие на девять лет, с условием, чтобы Епископ Дерптский, по древним грамотам, заплатил какую-то дань Великому Князю, не утесняя в сем городе ни жителей Русской слободы, ни церквей наших. Воевода Иоаннов, Князь Федор Юрьевич, возвратился в Москву, осыпанный благодарностию Псковитян и дарами, которые состояли в тридцати рублях для него и в пятидесяти для всех бывших с ним Бояр ратных.

Новгородцы не взяли участия в сей войне и даже явно доброжелательствовали Ордену: в досаду им Псковитяне отложились от их Архиепископа, хотели иметь своего особенного Святителя и просили о том Великого Князя. Еще Новгород находился в дружелюбных сношениях с Москвою и слушался ее Государя: благоразумный Иоанн отвечал Псковитянам: «В деле столь важном я должен узнать мнение Митрополита и всех Русских Епископов. Вы и старшие братья ваши, Новгородцы, моя отчина, жалуетесь друг на друга; они требовали от меня Воеводы, чтобы смирить вас оружием: я не велел им мыслить о сем междоусобии, ни задерживать ваших Послов на пути ко мне; хочу тишины и мира; буду праведным судьей между вами». Сказав, совершил дело миротворца. Псковитяне возвратили церковные земли Архиепископу Ионе и взаимными клятвами подтвердили древний союз братский с Новгородцами. Через несколько лет Духовенство Псковское, будучи весьма недовольно правлением Ионы, обвиняемого в беспечности и корыстолюбии, хотело без его ведения решить все церковные дела по Номоканону и с согласия гражданских чиновников написало судную для себя грамоту; но Великий Князь вторично вступился за древние права Архиепископа: грамоту уничтожили, и все осталось, как было.

Три года Иоанн властвовал мирно и спокойно, не сложив с себя имени данника Ординского, но уже не требуя милостивых ярлыков от Хана на достоинство Великокняжеское и, как вероятно, не платя дани, так что Царь Ахмат, повелитель Волжских Улусов, решился прибегнуть к оружию; соединил все силы и хотел идти к Москве. Но счастье, благоприятствуя Иоанну, воздвигло Орду на Орду: Хан Крымский, Ази-Гирей, встретил Ахмата на берегах Дона: началась кровопролитная война между ими, и Россия осталась в тишине, готовясь к важным подвигам.

[1466–1467 гг.] Кроме внешних опасностей и неприятелей, юный Иоанн должен был внутри Государства преодолеть общее уныние сердец, какое-то расслабление, дремоту сил душевных. Истекала седьмая тысяча лет от сотворения мира по Греческим хронологам: суеверие с концом ее ждало и конца миру. Сия несчастная мысль, владычествуя в умах, вселяла в людей равнодушие ко славе и благу отечества; менее стыдились государственного ига, менее пленялись мыслию независимости, думая, что все ненадолго. Но печальное тем сильнее действовало на сердца и воображение. Затмения, мнимые чудеса ужасали простолюдинов более, нежели когда-нибудь. Уверяли, что Ростовское озеро целые две недели страшно выло всякую ночь и не давало спать окрестным жителям. Были и важные, действительные бедствия: от чрезвычайного холода и морозов пропадал хлеб в полях; два года сряду выпадал глубокий снег в мае месяце. Язва, называемая в летописях железью, еще искала жертв в России, особенно в Новгородских и Псковских владениях, где, если верить исчислению одного Летописца, в два года умерло 250652 человека; в одном Новгороде 48402, в монастырях около 8000. В Москве, в других городах, в селах и на дорогах также погибло множество людей от сей заразы.

Огорчаясь вместе с народом, Великий Князь сверх того имел несчастье оплакать преждевременную смерть юной, нежной супруги, Марии. Она скончалась внезапно: Иоанн находился тогда в Коломне: мать его и Митрополит погребли ее в Кремлевской церкви Вознесения (где со времен Василия Димитриевича начали хоронить княгинь). Сию неожиданную кончину приписывали действию яда, единственно потому, что тело умершей вдруг отекло необыкновенным образом. Подозревали жену Дворянина Алексея Полуевктова, Наталью, которая, служа Марии, однажды посылала ее пояс к какой-то ворожее. Доказательства столь неверные не убедили Великого Князя в истине предполагаемого злодейства; однако ж Алексей Полуевктов шесть лет не смел показываться ему на глаза.

К горестным случаям сего времени Летописцы причисляют и то, что Первосвятитель Феодосий, добродетельный, ревностный, оставил Митрополию. Причина достопамятна. Набожность, питаемая мыслию о скором преставлении света, способствовала неумеренному размножению храмов и Священнослужителей: всякий богатый человек хотел иметь свою церковь. Празднолюбцы шли в Диаконы и в Попы, соблазняя народ не только грубым невежеством, но и развратною жизнью. Митрополит думал пресечь

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Васи́лиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал зло: еженедельно собирал их, учил, вдовых постригал в Монахи, распутных лишал сана и наказывал без милосердия. Следствием было, что многие церкви опустели без Священников. Сделался ропот на Феодосия, и сей Пастырь строгий, но не весьма твердый в душе, с горести отказался от правления. Великий Князь призвал в Москву своих братьев, всех Епископов, духовных сановников, которые единодушно избрали суздальского святителя, Филиппа, в Митрополиты; а Феодосий заключился в Чудове монастыре и, взяв в келию к себе одного прокаженного, ходил за ним до конца жизни, сам омывая его струпы. Россияне жалели о Пастыре столь благочестивом и страшились, чтобы Небо не казнило их за оскорбление святого мужа.

Наконец Иоанн предприял воинскими действиями рассеять свою печаль и возбудить в Россиянах дух бодрости. Царевич Касим, быв верным слугою Василия Темного, получил от него в Удел на берегу Оки мещерский городок, названный с того времени Касимовым, жил там в изобилии и спокойствии; имел сношения с Вельможами Казанскими и, тайно приглашенный ими свергнуть их нового Царя, Ибрагима, его пасынка, требовал войска от Иоанна, который с удовольствием видел случай присвоить себе власть над опасною Казанью, чтобы успокоить наши восточные границы, подверженные впадениям ее хищного, воинственного народа. Князь Иван Юрьевич Патрекеев и Стрига-Оболенский выступили из Москвы с полками: Касим указывал им путь и думал внезапно явиться под стенами Ибрагимовой столицы; но многочисленная рать Казанская, предводимая Царем, уже стояла на берегу Волги и принудила Московских Воевод идти назад. В сем неудачном осеннем походе Россияне весьма много претерпели от ненастья и дождей, тонули в грязи, бросали доспехи, утомили своих коней и сами, не имея хлеба, ели в пост мясо (что могло случиться тогда единственно в ужасной крайности). Однако ж возвратились все живы и здоровы. Царь не смел гнаться за ними, а послал отряд к Галичу, где Татары не могли сделать важного вреда: ибо Великий Князь успел взять меры, заняв воинскими дружинами все города пограничные: Нижний, Муром, Кострому, Галич.

[1468 г.] Немедленно другая рать Московская с Князем Симеоном Романовичем пошла из Галича в Черемисскую землю (в нынешнюю Вятскую и Казанскую Губернию) сквозь дремучие леса, уже наполненные снегом, и в самые жестокие морозы. Повеление Государя и надежда обогатиться добычею дали воинам силу преодолеть все трудности. Более месяца шли они по лесным пустыням, не видя ни селений, ни пути пред собою: не люди, но звери жили еще на диких берегах Ветлуги, Усты, Кумы. Вступив в землю Черемисскую, изобильную хлебом и скотом – управляемую собственными Князьями, но подвластную Царю Казанскому, – Россияне истребили все, чего не могли взять в добычу; резали скот и людей; жгли не только селения, но и бедных жителей, избирая любых в пленники. Наше право войны было еще древнее, варварское; всякое злодейство в неприятельской стране считалось законным. – Князь Симеон доходил почти до самой Казани и, без битвы пролив множество крови, возвратился с именем победителя. – Князь Иван Стрига-Оболенский выгнал Казанских Разбойников из Костромской области. Князь Даниил Холмский побил другую шайку их близ Мурома: только немногие спаслись бегством в дремучие леса, оставив своих коней. Муромцы, Нижегородцы опустошили берега Волги в пределах Ибрагимова Царства.

Иоанн еще хотел подвига важнейшего, чтобы загладить первую неудачу и смирить Ибрагима; собрал всех Князей, Бояр и сам повел войско к границе, оставив в Москве меньшего брата, Андрея. По древнему обыкновению наших Князей он взял с собою и десятилетнего сына своего, чтобы заблаговременно приучить его к ратному делу. Но сей поход не совершился. Узнав о прибытии Литовского, Казими́рова Посла, Якова Писаря, то есть Секретаря Государственного, Иоанн велел ему быть к себе в Переславль и ехать назад к Королю с ответом; а сам, неизвестно для чего, возвратился в Москву, послав из Владимира только малый отряд на Кичменгу, где Казанские Татары жгли и грабили села. Оставив намерение лично предводительствовать ратию, Иоанн дал повеление Воеводам идти к берегам Камы из Москвы, Галича, Вологды, Устюга и Кичменги с детьми Боярскими и Козаками. Главными начальниками были Руно Московский и Князь Иван Звенец Устюжский. Все соединились в земле Вятской, под Котельничем, и шли берегом реки Вятки, землю Черемисскую, до Камы, Тамлуги и перевоза Татарского, откуда поворотили Камою к Белой Воложке, разрушая все огнем и мечом, убивая, пленяя беззащитных. Настигнув в одном месте 200 вооруженных Казанцев, Полководцы Московские устыдились действовать против них всеми силами и выбрали охотников, которые истребили сию толпу, взяв в плен двух ее начальников. Иных битв не было: Татары, привычные ко впадениям в чужие земли, не умели оборонять своих. Перехватив на Каме множество богатых купеческих судов, Россияне с знатною добычею возвратились через великую Пермь к Устюгу и в Москву. – С другой стороны ходил на Казанцев Воевода

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал Нижегородский, Князь Федор Хрипун-Ряполовский с Московскою дружиною и, встретив на Волге отряд Царских телохранителей, побил его наголову. В числе пленников, отосланных к Иоанну, в Москву, находился знаменитый Князь Татарский, Хозяин Бердей.

Но Казанцы между тем присвоили себе господство над Вяткою: сильное войско их; вступив в ее пределы, так устрашило жителей, что они, не имея большого усердия к Государям Московским, без сопротивления объявили себе подданными Царя Ибрагима. Сие легкое завоевание было непрочное: Казань не могла бороться с Москвою.

[1469 г.] В следующую весну Иоанн предпринял нанести важнейший удар сему Царству. Не только Двор Великокняжеский с Боярскими детьми всех городов и всех Уделов, но и Московские купцы вместе с другими жителями столицы вооружились под особенным начальством Князя Петра Васильевича Оболенского-Нагого. Главным предводителем был назначен Князь Константин Александрович Беззубцев, а местом соединения Нижний Новгород. Полки сели на суда в Москве, в Коломне, в Владимире, Суздале, Муроме. Дмитровцы, Можайцы, Угличане, Ростовцы, Ярославцы, Костромичи плыли Волгою; другие Окою, и в одно время сошлись при устье сих двух величественных рек. Такое знаменитое судовое ополчение было зрелищем любопытным для северной России, которая еще не видала подобных.

Уже Главный Воевода, Князь Константин, сделав общие распоряжения, готовился идти далее; но Иоанн, вдруг переменяя мысли, написал к нему, чтобы он до времени остался в Нижнем Новгороде и только легкими отрядами, составленными из охотников, тревожил неприятельскую землю на обеих сторонах Волги. Летописцы не сказывают, что побудило к тому Иоанна; но причина кажется ясною. Царевич Касим, виновник сей войны, умер: жена его, мать Ибрагимова, взялась склонить сына к дружбе с Россиею, и Великий Князь надеялся без важных усилий воинских достигнуть своей цели и смирить Казань. Случилось не так.

Воевода объявил Князьям и чиновникам волю Государеву: они единогласно ответствовали: «мы все хотим казнить неверных» – и с его дозволения немедленно отправились, по тогдашнему выражению, искать ратной чести, имея более ревности, нежели благоразумия; подняли паруса, снялись с якоря, и пристань скоро опустела. Воевода остался в Нижнем почти без войска и даже не избрал для них главного начальника. Они сами увидели необходимость сего: приплыв к месту старого Нижнего Новгорода, отпели там молебен в церкви Преображения, роздали милостыню и в общем совете выбрали Ивана Руна в предводители. Им не велено было ходить к Казани; но Руно сделал по-своему: не теряя времени, спешил к Царской столице и, перед рассветом вышедши из судов, стремительно ударил на ее посад с криком и трубным звуком. Утренняя заря едва осветила небо; Казанцы еще спали. Россияне без сопротивления вошли в улицы, грабили, резали; освободили бывших там пленников Московских, Рязанских, Литовских, Вятских, Устюжских, Пермских и зажгли предместие со всех сторон. Татары с драгоценнейшим своим имением, с женами и детьми запираясь в домах, были жертвою пламени. Обратив в пепел все, что могло сгореть, Россияне, усталые, обремененные добычею, отступили, сели на суда и пошли к Коровничьему острову, где стояли целую неделю без всякого дела: чем Руно навлек на себя подозрение в измене. Многие думали, что он, пользуясь ужасом Татар, сквозь пламя и дым предместия мог бы войти в город, но силою отвел полки от приступа, чтобы тайно взять окуп с Царя. По крайней мере никто не понимал, для чего сей Воевода, имея славу разума необыкновенно, тратит время; для чего не действует или не удаляется с добычею и пленниками?

Легко было предвидеть, что Царь не будет дремать в своей, кругом обожженной столице: наконец Русский пленник, выбежав из Казани, принес весть к нашим, что Ибрагим соединил все полки Камские, Сыплинские, Костяцкие, Беловолжские, Вотяцкие, Башкирские и готовится в следующее утро наступить на Россиян конною и судовою ратию. Воеводы Московские спешили взять меры: отобрали молодых людей и послали их с большими судами к Ирихову острову, не велев им ходить на узкое место Волги; а сами остались на берегу, чтобы удерживать неприятеля, который действительно вышел из города. Хотя молодые люди не послушались Воевод и стали как бы нарочно в узком протоке, где неприятельская конница могла стрелять в них, однако ж мужественно отбили ее. Воеводы столь же удачно имели бой с лодками Казанскими и, прогнав оные к городу, соединились с своими большими судами у Ирихова острова, славя победу и Государя.

Тут прибыл к ним главный Воевода, Князь Константин Беззубцев, из Нижнего Новгорода, сведав, что они, в противность Иоаннову намерению, подступили к

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин каган Казани. Доселе успех служил им оправданием: Константин хотел еще важнейшего: отправил гонцов в Москву, с вестием о происшедшем, и в Вятку, с повелением, чтобы ее жители немедленно шли к нему под Казань. Он еще не знал их коварства. Иоанн, послав весною главную рать в Нижний, в то же время приказал Князю Даниилу Ярославскому с отрядом Детей Боярских и с полком Устюжан, а другому Воеводе, Сабурову, с Вологжанами плыть на судах к Вятке, взять там всех людей, годных к ратному делу, и с ними идти на Царя Казанского. Но правители Вятских городов, мечтая о своей древней независимости, ответствовали Даниилу Ярославскому: «Мы сказали Царю, что не будем помогать ни Великому Князю против него, ни ему против Великого Князя; хотим сдержать слово и остаемся дома». У них был тогда Посол Ибрагимов, который немедленно дал знать в Казань, что Россияне из Устюга и Вологды идут к ее пределам с малыми силами. Отказав в помощи Князю Ярославскому, Вятчане отказали и Беззубцеву, но выдумали только иной предлог, говоря: «Когда братья Великого Князя пойдут на Царя, тогда и мы пойдем». Около месяца тщетно ждав Полков Вятских, не имея вести от Князя Ярославского и начиная терпеть недостаток в съестных припасах, Воевода Беззубцев пошел назад к Нижнему. На пути встретилась ему вдовствующая Царица Казанская, мать Ибрагимова, и сказала, что Великий Князь отпустил ее с честью и с милостию; что война прекратится и что Ибрагим удовлетворит всем требованиям Иоанновым. Успокоенные ее словами, Воеводы наши расположились на берегу праздновать воскресный день, служить обедню и пировать. Но вдруг показалась рать Казанская, судовая и конная. Россияне едва успели изготавиться. Сражались до самой ночи; Казанские суда отступили к противному берегу, где стояла конница, пуская стрелы в наших, которые не захотели биться на сухом пути, и ночевали на другой стороне Волги. В следующее утро ни те, ни другие не думали возобновить битвы; и Князь Беззубцев благополучно доплыл до Нижнего.

Не столь счастлив был Князь Ярославский. Видя непослушание Вятчан, он решился идти без них, чтобы в окрестностях Казани соединиться с Московскою ратью. Уведомленный о походе его, Ибрагим заградил Волгу судами и поставил на берегу конницу. Произошла битва, достопамятная мужеством обоюдным: хватались за руки, секлись мечами. Главные из Вождей Московских пали мертвые; другие были ранены или взяты в плен; но князь Василий Ухтомский одолевал многочисленность храбростию: сцеплялся с Ибрагимовыми судами, разил неприятелей ослопом и топил их в реке. Устюжане, вместе с ним оказав редкую неустрашимость, пробились сквозь Казанцев, достигли Новгорода Нижнего и дали знать о том Иоанну, который, в знак особенного благоволения, прислал им две золотые деньги и несколько кафтанов. Устюжане отдали деньги своему иерею, сказав ему: «Молись Богу за Государя и Православное воинство; а мы готовы и впредь так сражаться».

[1469 г.] Обманутый льстивыми обещаниями Ибрагимовой матери, недовольный и нашими Воеводами, Иоанн предпринял новый поход в ту же осень, вручив предводительство своим братьям Юрию и Андрею. Весь Двор Великокняжеский и все Князья Служивые находились с ними. В числе знатнейших Воевод Летописцы именуют Князя Ивана Юрьевича Патрекеева. Даниил Холмский вел передовой полк; многочисленная рать шла сухим путем, другая плыла Волгою; обе подступили к Казани, разбили Татар в вылазке, отняли воду у города и принудили Ибрагима заключить мир на всей воле Государя Московского: то есть исполнить все его требования. Он возвратил свободу нашим пленникам, взятым в течение сорока лет.

Сей подвиг был первым из знаменитых успехов государствования Иоаннова: второй имел еще благоприятнейшие следствия для могущества Великокняжеского внутри России. Василий Темный возвратил Новгородцам Торжок: но другие земли, отнятые у них сыном Донского, Василием Димитриевичем, оставались за Москвою: еще не уверенные в твердости Иоаннова характера и даже сомневаясь в ней по первым действиям сего Князя, ознаменованным умеренностию, миролюбием, они вздумали быть смелыми, в надежде показаться ему страшными, унижить гордость Москвы, восстановить древние права своей вольности, утраченные излишнею уступчивостию их отцов и дедов. С сим намерением приступили к делу: захватили многие доходы, земли и воды Княжеские; взяли с жителей присягу только именем Новгорода; презирали Иоанновых Наместников и Послов; властью Веча брали знатных людей под стражу на Городище, месте, не подлежащем народной управе; делали обиды Москвитянам. Государь несколько раз требовал от них удовлетворения: они молчали. Наконец приехал в Москву Новгородский Посадник, Василий Ананьин, с обыкновенными делами земскими; но не было слова в ответ на жалобы Иоанновы. «Я ничего не знаю, – говорил Посадник Боярам Московским, – Великий Новгород не дал мне никаких о том повелений». Иоанн отпустил сего чиновника с такими словами: «Скажи Новгородцам, моей отчине, чтобы они, признав вину свою, исправились; в

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал земли и воды мои не вступалися, имя мое держали честно и грозно по старине, исполняя обет крестный, если хотят от меня покровительства и милости; скажи, что терпению бывает конец и что мое не продолжится».

Великий Князь в то же время написал к верным ему Псковитянам, чтобы они, в случае дальнейшей строптивости Новгородцев, готовились вместе с ним действовать против сих ослушников. Наместником его во Пскове был тогда Князь Феодор Юрьевич, знаменитый Воевода, который с Московскою дружиною защитил сию область в последнюю войну с Немцами: из отменного уважения к его особе Псковитяне дали ему судное право во всех двенадцати своих пригородах; а дотоле Князья судили и рядили только в семи: прочие зависели от народной власти. Боярин Московский, Селиван, вручил Псковитянам грамоту Иоаннову. Они сами имели разные досады от Новгородцев; однако ж, следуя внушениям благоразумия, отправили к ним посольство с предложением быть миротворцами между ими и Великим Князем. «Не хотим кланяться Иоанну и не просим вашего ходатайства, – ответствовали тамошние правители: – но если вы добросовестны и нам друзья, то вооружитесь за нас против самовластия Московского». Псковитяне сказали: «увидим» – и дали знать Великому Князю, что они готовы помогать ему всеми силами.

[1470 г.] Между тем, по сказанию Летописцев, были страшные знамения в Новгороде: сильная буря сломила крест Софийской церкви; древние Херсонские колокола в монастыре на Хутыне сами собою издавали печальный звук; кровь являлась на гробах, и проч. Люди тихие, миролюбивые трепетали и молились богу: другие смеялись над ними и мнимыми чудесами. Легкомысленный народ более нежели когда-нибудь мечтал о прелестях свободы; хотел тесного союза с Казимиром и принял от него Воеводу, Князя Михаила Олельковича, коего брат, Симеон, господствовал тогда в Киеве с честью и славою, подобно древним Князьям Владимирова племени, как говорит Летописцы. Множество Панов и витязей Литовских приехало с Михаилом в Новгород.

В сие время скончался Новгородский Владыка Иона: народ избрал в Архиепископы Протодиакона Феофила, коему нельзя было ехать в Москву для поставления без согласия Иоаннова: Новгородцы чрез Боярина своего, Никиту, просили о том Великого Князя, мать его и Митрополита. Иоанн дал опасную грамоту для приезда Феофилова в столицу и, мирно отпуская Посла, сказал ему: «Феофил, вами избранный; будет принят с честью и поставлен в Архиепископы; не нарушу ни в чем древних обыкновений и готов вас жаловать, как мою отчину, если вы искренно признаете вину свою, не забывая, что мои предки именвались Великими Князьями Владимирскими, Новгорода и всея Руси» [1471 г.] Посол, возвратясь в Новгород, объявил народу о милостивом расположении Иоанновом. Многие граждане, знатнейшие чиновники и нареченный Архиепископ Феофил хотели воспользоваться сим случаем, чтобы прекратить опасную распрю с Великим Князем; но скоро открылся мятеж, какого давно не бывало в сей народной державе.

Вопреки древним обыкновениям и нравам Славянским, которые удаляли женский пол от всякого участия в делах гражданства, жена гордая, честолюбивая, вдова бывшего Посадника Исаака Борецкого, мать двух сыновей уже взрослых, именем Марфа, предприняла решить судьбу отечества. Хитрость, велеречие, знатность, богатство и роскошь доставили ей способ действовать на правительство. Народные чиновники сходились в ее великолепном или, по-тогдашнему, чудном доме пировать и советоваться о делах важнейших. Так, Св. Зосима, Игумен монастыря Соловецкого, жалуюсь в Новгороде на обиды двинских жителей, в особенности тамошних прикащиков Боярских, должен был искать покровительства Марфы, которая имела в Двинской земле богатые села. Сперва, обманутая клеветниками, она не хотела видеть его; но после, узнав истину, осыпала Зосиму ласками, пригласила к себе на обед вместе с людьми знатнейшими и дала Соловецкому монастырю земли. Еще не довольная всеобщим уважением и тем, что Великий Князь, в знак особенной милости, пожаловал ее сына, Димитрия, в знатный чин Боярина Московского, сия гордая жена хотела освободить Новгород от власти Иоанновой и, по уверению Летописцев, выйти замуж за какого-то Вельможу Литовского, чтобы вместе с ним господствовать, именем Казимировым, над своим отечеством. Князь Михаил Олелькович, служив ей несколько времени орудием, утратил ее благосклонность и с досадою уехал назад в Киев, ограбив Русу. Сей случай доказывал, что Новгород не мог ожидать ни усердия, ни верности от Князей Литовских; но Борецкая, открыв дом свой для шумных сонмищ, с утра до вечера славил Казимира, убеждая граждан в необходимости искать его защиты против утеснений Иоанновых. В числе ревностных друзей Посадницы был Монах Пимен, Архиепископский Ключник: он надеялся заступить место Ионы и сыпал в народ деньги из казны Святительской, им расхищенной.

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал
Правительство свело о том и, заключив сего коварного Инока в темницу, взыскало
с него 1000 рублей пени. Волнуемый честолюбием и злобою, Пимен клеветал на
избранного Владыку Феофила, на Митрополита Филиппа; желал присоединения
Новгородской Епархии к Литве и, лаская себя мыслию получить сан Архиепископа от
Григория Киевского, Исидорова ученика, помогал Марфе советом, кознями, деньгами.

Видя, что Посольство Боярина Никиты сделало в народе впечатление, противное ее намерению, и расположило многих граждан к дружелюбному сближению с Государем Московским, Марфа предприняла действовать решительно. Ее сыновья, ласкатели, единомышленники, окруженные многочисленным сонмом людей подкупленных, явились на вече и торжественно сказали, что настало время управиться с Иоанном; что он не Государь, а злодей их; что Великий Новгород есть сам себе Властелин: что жители его суть вольные люди и не отчина князей Московских; что им нужен только покровитель; что сим покровителем будет Казимир и что не Московский, а Киевский Митрополит должен дать Архиепископа Святой Софии. Громогласное восклицание: «Не хотим Иоанна! да здравствует Казимир!» – служило заключением их речи. Народ восколебался. Многие взяли сторону Борецких и кричали: «Да исчезнет Москва!». Благоразумнейшие сановники, старые Посадники, Тысячские, Житые люди хотели образумить легкомысленных сограждан и говорили: «Братья! что замышляете? Изменить Руси и православию? поддаться Королю иноплеменному и требовать Святителю от еретика Латинского? Вспомните, что предки наши, Славяне, добровольно вызвали Рюрика из земли Варяжской; что более шестисот лет его потомки законно княжили на престоле Новгородском; что мы обязаны истинною Верою Святому Владимиру, от коего происходит Великий Князь Иоанн, и что Латинство донныне было для нас ненавистно». Единомышленники Марфины не давали им говорить; а слуги и наемники ее бросали в них камнями, звонили в Вечевые колокола, бегали по улицам и кричали: «Хотим за Короля!» Другие: «Хотим к Москве православной, к Великому Князю Иоанну и к отцу его, Митрополиту Филиппу!» Несколько дней город представлял картину ужасного волнения. Нареченный Владыка Феофил ревностно противоборствовал усилиям Марфиных друзей и говорил им: «Или не изменяете православию, или не буду никогда Пастырем отступников: иду назад в смиренную келию, откуда вы извлекли меня на позорище мятежа». Но Борецкие превозмогли, овладели правлением и погубили отечество, как жертву их страстей личных. Совершилось, чего издавна желали завоеватели Литовские и чем Новгород страдал иногда Государей Московских: он поддался Казимиру, добровольно и торжественно. Действие незаконное: хотя сия область имела особенные уставы и вольности, данные ей, как известно, Ярославом Великим; однако же составляла всегда часть России и не могла перейти к иноплеменникам без измены или без нарушения коренных государственных законов, основанных на Естественном Праве. Многочисленное Посольство отправилось в Литву с богатыми дарами и с предложением, чтобы Казимир был Главою Новгородской Державы на основании древних уставов ее гражданской свободы. Он принял все условия, и написали грамоту следующего содержания:

«Честный Король Польский и Князь Великий Литовский заключил дружественный союз с нареченным Владыкою Феофилом, с Посадниками, Тысячскими Новгородскими, с Боярами, людьми Житыми, купцами и со всем Великим Новымгородом; а для договора были в Литве Посадник Афанасий Евстафиевич, Посадник Димитрий Исакович (Борецкий)... от людей Житых Панфил Селифонтович, Кирилл Иванович... Ведать тебе, честному Королю, Великий Новгород по сей крестной грамоте и держать на Городище своего Наместника Греческой Веры, вместе с Дворецким и Тиуном, коим иметь при себе не более пятидесяти человек. Наместнику судить с Посадником на дворе Архиепископском как Бояр, житых людей, младших граждан, так и сельских жителей, согласно с правдою, и не требовать ничего, кроме судной законной пошлыны; но в суд Тысячского, Владыки и монастырей ему не вступаться. Дворецкому жить на Городище во дворце и собирать доходы твои вместе с Посадником; а Тиуну вершить дела с нашими приставами. Если Государь Московский пойдет войной на Великий Новгород, то тебе, господину, честному Королю, или в твое отсутствие Раде Литовской дать нам скорую помощь. – Ржев, Великие Луки и Холмовский погост остаются землями Новгородскими; но платят дань тебе, честному Королю. – Новгородец судится в Литве по вашим, Литвин в Новгороде по нашим законам без всякого притеснения... В Русе будешь иметь десять соляных варниц; а за суд получаешь там и в других местах, что издревле установлено. Тебе, честному Королю, не выводить от нас людей, не купить ни сел, ни рабов и не принимать их в дар, ни Королеве, ни Панам Литовским; а нам не таить законных пошлын. Послам, Наместникам и людям твоим не брать подвод в земле Новгородской, и волости ее могут быть управляемы только нашими собственными чиновниками. – В Луках будет твой и наш Тиун: Торопецкому не судить в Новгородских владениях. В Торжке и

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал Волоке имей Тиуна; с нашей стороны будет там Посадник. – Купцы Литовские торгуют с Немцами единственно чрез Новгородских. Двор Немецкий тебе не подвластен: не можешь затворить его. – Ты, честный Король, не должен касаться нашей православной Веры: где захотим, там и посвятим нашего Владыку (в Москве или в Киеве); а Римских церквей не ставить нигде в земле Новгородской. – Если примиришь нас с Великим Князем Московским, то из благодарности уступим тебе всю народную дань, собираемую ежегодно в Новгородских областях; но в другие годы не требуй оной. – В утверждение договора целуй крест к Великому Новгороду за все свое Княжество и за всю Раду Литовскую вправду, без извета, а послы наши целовали крест Новгородскою душою к честному Королю за Великий Новгород».

И так сей народ легкомысленный еще желал мира с Москвою, думая, что Иоанн устрасится Литвы, не захочет кровопролития и малодушно отступится от древнейшего Княжества Российского. Хотя Наместники Московские, быв свидетелями торжества Марфиных поборников, уже не имели никакого участия в тамошнем правлении, однако ж спокойно жили на городище, уведомляя Великого Князя о всех происшествиях. Несмотря на свое явное отступление от России, Новгородцы хотели казаться умеренными и справедливыми; твердили, что от Иоанна зависит остаться другом Святой Софии; изъявляли учтивость его Боярам, но послали Суздальского Князя, Василья Шуйского-Гребенку, начальствовать в Двинской земле, опасаясь, чтобы рать Московская не овладела сею важною для них страню.

Еще желая употребить последнее миролюбивое средство, Великий Князь отправил в Новгород благоразумного чиновника, Ивана Федоровича Товаркова, с таким увещанием: «Люди Новгородские! Рюрик, Св. Владимир и великий Всеволод Юрьевич, мои предки, повелевали вами; я наследовал сие право: жалую вас, храню, но могу и казнить за дерзкое ослушание. Когда вы бывали подданными Литвы? Ныне же раболепствуете иноверным, преступая священные обеты. Я ничем не отяготил вас и требовал единственно древней законной дани. Вы изменили мне: казнь Божия над вами! Но еще медлю, не любя кровопролития, и готов миловать, если с раскаянием обратитесь под сень отечества». В то же время Митрополит Филипп писал к ним: «Слышу о мятеже и расколе вашем. Бедственно и единому человеку уклониться от пути правого: еще ужаснее целому народу. Трепещите, да страшный серп Божий, виденный пророком Захариюю не снидет на главу сынов ослушных. Вспомните реченное в Писании: беги греха яко ратника; беги от прелести, яко от лица змиина. Сия прелесть есть Латинская: она уловляет вас. Разве пример Константинополя не доказал ее гибельного действия? Греки царствовали, Греки славились во благочестии: соединились с Римом и служат ныне Туркам. Доселе вы были целы под крепкою рукою Иоанна: не уклоняйтесь от Святой великой старины и не забывайте слов апостола: Бога бойтесь, а Князя чтите. – Смиритесь, и Бог мира да будет с вами!» – Сии увещания остались бесполезны: Марфа с друзьями своими делала что хотела в Новгороде. Устрашаемые их дерзостью, люди благоразумные тужили в домах и безмолвствовали на вече, где клеветы или наемники Борецких вопили: «Новгород Государь нам, а Король покровитель!» Одним словом, летописцы сравнивают тогдашнее состояние сей народной державы с древним Иерусалимом, когда Бог готовится предать его в руки Титовы. Страсти господствовали над умом, и Совет Правителей казался сонмом заговорщиков.

Посол Московский возвратился к Государю с уверением, что не слова и не письма, но один меч может смирить Новгородцев. Великий Князь изъявил горесть: еще размышлял, советовался с матерью, с Митрополитом и призвал в столицу братьев, всех Епископов, Князей, Бояр и Воевод. В назначенный день и час они собрались во дворце. Иоанн вышел к ним с лицом печальным: открыл Государственную Думу и предложил ей на суд измену Новгородцев. Не только Бояре и Воеводы, но и святители ответствовали единогласно: «Государь! возьми оружие в руки!» Тогда Иоанн произнес решительное слово: «Да будет война!» – и еще хотел слышать мнение Совета о времени, благоприятнейшем для ее начала, сказав: «Весна уже наступила: Новгород окружен водою, реками, озерами и болотами непроходимыми. Великие Князья, мои предки, страшались ходить туда с войском в летнее время, и когда ходили, то теряли множество людей». С другой стороны поспешность обещала выгоды: Новгородцы не изготавились к войне, и Казимир не мог скоро дать им помощи. Решились не медлить, в надежде на милость Божию, на счастье и мудрость Иоаннову. Уже сей Государь пользовался общею доверенностию: Москвитяне гордились им, хвалили его правосудие, твердость, прозорливость; называли любимцем Неба, Властителем Богоизбранным; и какое-то новое чувство государственного величия вселилось в их душу.

Иоанн послал складную грамоту к Новгородцам, объявляя им войну [23 мая 1471 г.]

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал с исчислением всех их дерзостей, и в несколько дней устроил ополчение: убедил Михаила Тверского действовать с ним заодно и велел Псковитянам идти к Новгороду с Московским Воеводою, Князем Феодором Юрьевичем Шуйским; Устюжанам и Вятчанам в Двинскую землю под начальством двух Воевод, Василья Федоровича Образца и Бориса Слепого-Тютчева; Князю Даниилу Холмскому с детьми Боярскими из Москвы к Русе, а Князю Василью Ивановичу Оболенскому-Стриге с Татарскою конницею к берегам Мсты.

Сии отряды были только передовыми. Иоанн, следуя обыкновению, раздавал милостыню и молился над гробами Святых Угодников и предков своих; наконец, приняв благословение от Митрополита и Епископов, сел на коня и повел главное войско из столицы. С ним находились все Князья, Бояре, дворяне Московские и Татарский Царевич Данияр, сын Касимов. Сын и брат Великого князя, Андрей Меньший, остались в Москве: другие братья, Князья Юрий, Андрей, Борис Васильевичи и Михаил Верейский, предводительствуя своими дружинами, шли разными путями к Новгородским границам; а Воеводы Тверские, князь Юрий Андреевич Дорогобужский и Иван Жито, соединились с Иоанном в Торжке. Началось страшное опустошение. С одной стороны Воевода Холмский и рать Великокняжеская, с другой Псковитяне, вступив в землю Новгородскую, истребляли все огнем и мечем. Дым, пламя, кровавые реки, стон и вопль от востока и запада неслися к берегам Ильменя. Москвитяне изъявляли остервенение неописанное: Новгородцы-изменники казались им хуже Татар. Не было пощады ни бедным земледельцам, ни женщинам. Летописцы замечают, что Небо, благоприятствуя Иоанну, иссушило тогда все болота; что от Маия до Сентября месяца ни одной капли дождя не упало на землю: зыби отвердели; войско с обозами везде имело путь свободный и гнало скот по лесам, дотоле непроходимым.

Псковитяне взяли Вышегород. Холмский обратил в пепел Русу. Не ожидав войны летом и нападения столь дружного, сильного, Новгородцы послали сказать Великому Князю, что они желают вступить с ним в переговоры и требуют от него опасной грамоты для своих чиновников, которые готовы ехать к нему в стан. Но в то же время Марфа и единомышленники ее старались уверить сограждан, что одна счастливая битва может спасти их свободу. Спешили вооружить всех людей, волею и неволею; ремесленников, гончаров, плотников одели в доспехи и посадили на коней: других на суда. Пехоте велели плыть озером Ильменем к Русе, а коннице, гораздо многочисленнейшей, идти туда берегом. Холмский стоял между Ильменем и Русою, на Коростыне: пехота Новгородская приблизилась тайно к его стану, вышла из судов и, не дожидаясь конного войска, стремительно ударила на ополшных Москвитян. Но Холмский и товарищ его, Боярин Феодор Давидович, храбростию загладили свою неосторожность: положили на месте 500 неприятелей, рассеяли остальных и с жестокосердием, свойственным тогдашнему веку, приказав отрезать пленникам носы, губы, послали их искаженных в Новгород. Москвитяне бросили в воду все латы, шлемы, щиты неприятельские, взятые в добычу ими, говоря, что войско Великого князя богато собственными доспехами и не имеет нужды в изменнических.

Новгородцы приписали сие несчастье тому, что конное их войско не соединилось с пехотным и что особенный полк Архиепископский отрекся от битвы, сказав: «Владыка Феофил запретил нам поднимать руку на Великого князя, а велел сражаться только с неверными Псковитянами». Желя обмануть Иоанна, Новгородские чиновники отправили к нему второго Посла, с уверением, что они готовы на мир и что войско их еще не действовало против Московского. Но Великий Князь уже имел известие о победе Холмского и, став на берегу озера Коломны, приказал сему Воеводе идти за Шелонь навстречу к Псковитянам и вместе с ними к Новгороду: Михаилу же Верейскому осадить городок Демон. В самое то время, когда Холмский думал переправляться на другую сторону реки, он увидел неприятеля столь многочисленного, что Москвитяне изумились. Их было 5000, а Новгородцев от 30000 до 40000: ибо друзья Борецких еще успели набрать и выслать несколько Полков, чтобы усилить свою конную рать. Но Воеводы Иоанновы, сказав дружине: «Настало время послужить Государю; не убоимся-ни трехсот тысяч мятежников; за нас правда и Господь Вседержитель», бросились на конях в Шелонь, с крутого берега и в глубоком месте; однако ж никто из Москвитян не усомнился следовать их примеру; никто не утонул; и все, благополучно переехав на другую сторону, устремились [14 июля] в бой с восклицанием: Москва! Новгородский Летописец говорит, что соотечественники его бились мужественно и принудили Москвитян отступить, но что конница Татарская, быв в засаде, нечаянным нападением расстроила первых и решила дело. Но по другим известиям Новгородцы не стояли ни часу: лошади их, язвимые стрелами, начали сбивать с себя всадников; ужас объял Воевод малодушных и войско неопытное; обратили тыл; скакали без памяти и топтали друг друга, гонимые, истребляемые победителем; утомив коней, бросались в воду, в тину болотную; не

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал
находили пути в лесах своих, тонули или умирали от ран; иные же проскакали мимо
Новгорода, думая, что он уже взят Иоанном. В безумии страха им везде казался
неприятель, везде слышался крик: Москва! Москва! На пространных двенадцати
верст полки великокняжеские гнали их, убили 12000 человек, взяли 1700 пленников,
и в том числе двух знатнейших Посадников, Василия-Казимира с Димитрием Исаковым
Борецким; наконец, утомленные, возвратились на место битвы. Холмский и Боярин
Феодор Давидович, трубным звуком возвестив победу, сошли с коней, приложились к
образам под знаменами и прославили милость Неба. Боярский сын, Иван Замятня,
спешил известить Государя, бывшего тогда в Яжелбицах, что один передовой отряд
его войска решил судьбу Новгорода; что неприятель истреблен, а рать Московская
цела. Сей вестник вручил Иоанну договорную грамоту Новгородцев с Казимиром,
найденную в их обозе между другими бумагами, и даже представил ему человека,
который писал оную. С какой радостью Великий Князь слушал весть о победе, с
таким негодованием читал сию законопреступную хартию, памятник Новгородской
измены.

Холмский уже нигде не видал неприятельской рати и мог свободно опустошать села
до самой Наровы или Немецких пределов. Городок Демон сдался Михаилу Вереискому.
Тогда Великий Князь послал опасную грамоту к Новгородцам с Боярином их, Лукою,
соглашаясь вступить с ними в договоры; прибыл в Русу и явил пример строгости:
велел отрубить головы знатнейшим пленникам, Боярам Дмитрию Исакову, Марфину
сыну, Василью Селезеневу-Губе, Киприяну Арбузееву и Иеремию Сухоцоку,
Архиепископскому Чашнику, ревностным благоприятелям Литвы; Василия-Казимира,
Матвея Селезенева и других послал в Коломну, окованных цепями; некоторых в
темницы Московские; а прочих без всякого наказания отпустил в Новгород, соединяя
милосердие с грозю мести, отличая главных деятельных врагов Москвы от людей
слабых, которые служили им только орудием. Решив таким образом участь пленников,
он расположился станом на устье Шелони [27 июля].

В сей самый день новая победа увенчала оружие великокняжеское в отдаленных
пределах Заволочья. Московские воеводы, Образец и Борис Слепой,
предводительствуя Устюжанами и Вятчанами, на берегах Двины сразились с князем
Василием Шуйским, верным слугою Новгородской свободы. Рать его состояла из
двенадцати тысяч Двинских и Печерских жителей: Иоаннова только из четырех. Битва
продолжалась целый день с великим остервенением. Убив трех Двинских
знаменоносцев, Москвитяне взяли хоругвь Новгородскую и к вечеру одолели врага.
Князь Шуйский раненый едва мог спастись в лодке, бежал в Колмогоры, оттуда в
Новгород; а воеводы Иоанновы, овладев всею Двинскою землею, привели жителей в
подданство Москвы.

Миновало около двух недель после Шелонской битвы, которая произвела в
Новгородцах неописанный ужас. Они надеялись на Казимира и с нетерпением ждали
вестей от своего Посла, отправленного к нему через Ливонию, с усиленным
требованием, чтобы Король спешил защитить их; но сей Посол возвратился и с
горестию объявил, что Магистр Ордена не пустил его в Литву. Уже не было времени
иметь помощи, ни сил противиться Иоанну. Открылась еще внутренняя измена. Некто,
именем Упадыш, тайно добродетельствуя Великому князю, с единомышленниками своими в
одну ночь заколотил железом 55 пушек в Новгороде: правители казнили сего
человека; несмотря на все несчастья, хотели обороняться: выжгли посады, не жалея
ни церквей, ни монастырей; учредили бессменную стражу: день и ночь вооруженные
люди ходили по городу, чтобы обуздывать народ; другие стояли на стенах и башнях,
готовые к бою с Москвитянами. Однако ж миролюбивые начали изъявлять более
смелости, доказывая, что упорство бесполезно; явно обвиняли друзей Марфы в
приверженности к Литве и говорили: «Иоанн перед нами; а где ваш Казимир?» Город,
стесненный великокняжескими отрядами и наполненный множеством пришельцев,
которые искали там убежища от Москвитян, терпел недостаток в съестных припасах:
дороговизна возрастала; ржи совсем не было на торгу: богатые питались пшеницею;
а бедные вопили, что Правители их безумно раздражили Иоанна и начали войну, не
подумав о следствиях. Весть о казни Димитрия Борецкого и товарищей его сделала
глубокое впечатление как в народе, так и в чиновниках: доселе никто из Великих
Князей не дерзал торжественно казнить первостепенных гордых Бояр Новгородских.
Народ рассуждал, что времена переменялись; что Небо покровительствует Иоанна и
дает ему смелость вместе со счастьем: что сей Государь правосуден: карает и
милует; что лучше спастись смирением, нежели погибнуть от упрямства. Знатные
сановники видели меч над своею головою: в таком случае редкие жертвуют личную
безопасность правилу или образу мыслей. Самые усердные из друзей Марфиных, те,
которые ненавидели Москву по ревностной любви к вольности отечества, молчалием
или языком умеренности хотели заслужить прощение Иоанново. Еще Марфа силилась

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал действовать на умы и сердца, возбуждая их против Великого Князя: народ видел в ней главную виновницу сей бедственной войны; он требовал хлеба и мира.

Холмский, Псковитяне и сам Иоанн готовились с разных сторон обступить Новгород, чтобы совершить последний удар: не много времени оставалось для размышления. Сановники, граждане единодушно предложили нареченному Архиепископу Феофилу быть ходатаем мира. Сей разумный Инок со многими Посадниками, Тысячскими и людьми Житыми всех пяти Концов отправился на судах озером Ильменем к устью Шелони, в стан Московский. Не смея вдруг явиться Государю, они пошли к его Вельможам и просили их заступления: Вельможи просили Иоанновых братьев, а братья самого Иоанна. Чрез несколько дней он дозволил Послам стать пред лицом своим. Феофил вместе со многими духовными особами и знатнейшие чиновники Новгородские, вступив в шатер Великокняжеский, пали ниц, безмолвствовали, проливали слезы. Иоанн, окруженный сонмом Бояр, имел вид грозный и суровый. «Господин, Князь Великий! – сказал Феофил: – утоли гнев свой, утиши ярость; пощади нас, преступников, не для моления нашего, но для своего милосердия! Угаси огонь, палящий страну Новгородскую; удержи меч, лиющий кровь ее жителей!» Иоанн взял с собою из Москвы одного ученого в летописях Дьяка, именем Стефана Бородатого, коему надлежало исчислить перед Новгородскими Послами все древние их измены; но Послы не хотели оправдываться и требовали единственно милосердия. Тут братья и Воеводы Иоанновы ударили челом за народ виновный; молили долго, неотступно [11 августа]. Наконец Государь изрек слово великодушного прощения, следуя, как уверяют Летописцы, внушения Христианского человеколюбия и совету Митрополита Филиппа помиловать Новгородцев, если они раскаются; но мы видим здесь действие личного характера, осторожной политики, умеренности сего Властителя, коего правилом было: не отвергать хорошего для лучшего, не совсем верного.

Новгородцы за вину свою обещали внести в казну Великокняжескую 15500 рублей или около осьмидесяти пуд серебра, в разные сроки, от 8 сентября до Пасхи: возвратили Иоанну прилежащие к Вологде земли, берега Пинеги, Мезены, Немьюги, Выи, Поганой Суры, Пильи горы, места, уступленные Василию Темному, но после отнятые ими; обязались в назначенные времена платить Государям Московским черную, или народную, дань, также и Митрополиту судную пошлину; клялись ставить своих Архиепископов только в Москве, у гроба Св. Петра Чудотворца, в Дому Богоматери; не иметь никакого сношения с Королем Польским, ни с Литвою; не принимать к себе тамошних князей и врагов Иоанновых; Князя Можайского, сыновей Шемяки и Василия Ярославича Боровского; отменили так называемые Вечевые грамоты; признали верховную судебную власть Государя Московского, в случае несогласия его Наместников с Новгородскими сановниками; обещались не издавать впредь судебных грамот без утверждения и печати Великого Князя, и проч. Возвращая им Торжок и новые свои завоевания в Двинской земле, Иоанн по обычаю целовал крест, в уверение, что будет править Новымгородом согласно с древними уставами оного, без всякого насилия. Сии взаимные условия или обязательства изображены в шести тогда написанных грамотах, от 9 и 11 Августа, в коих юный сын Иоаннов именуется также, подобно отцу, Великим Князем всей России. Помирив еще Новгород с Псковитянами, Иоанн уведомил своих Полководцев, что война прекратилась; ласково угостил Феофила и всех Послов; отпустил их с милостию и вслед за ними велел ехать Боярину Феодору Давидовичу, взять присягу с Новгородцев на Вече. Дав слово забыть прошедшее, Великий Князь оставил в покое и самую Марфу Борецкую и не хотел упомянуть об ней в договоре, как бы из презрения к слабой жене. Исполнив свое намерение, наказав мятежников, свергнув тень Казимирову с древнего престола Рюрикова, он с честью, славою и богатою добычей [1 Сентября] возвратился в Москву. Сын, брат, Вельможи, воины и купцы встретили его за 20 верст от столицы, народ за семь, Митрополит с духовенством перед Кремлем на площади. Все приветствовали Государя как победителя, изъявляя радость.

Еще Новгород остался державою народною; но свобода его была уже единственно милостию Иоанна и долженствовала исчезнуть по мановению самодержца. Нет свободы, когда нет силы защитить ее. Все области Новгородские, кроме столицы, являли от пределов восточных до моря зрелище опустошения, произведенного не только ратью Великокняжескою, но и шайками вольницы: граждане и жители сельские в течение двух месяцев ходили туда вооруженными толпами из Московских владений грабить и наживаться. Погибло множество людей. К довершению бедствия, 9000 человек, призванных в Новгород из уездов для защиты оного, возвращаясь осенью в свои дома на 180 судах, утонули в бурном ильмене. Зимом священноинок Феофил с духовными и мирскими сановниками приехал в Москву и был поставлен в Архиепископы. Когда сей торжественный обряд совершился, Феофил на амвоне смиренно преклонил выю пред Иоанном и молил его умилосердиться над знатными Новгородскими пленниками,

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал Василием Казимиром и другими, которые еще сидели в Московских темницах: Великий Князь даровал им свободу, и Новгород принял их с дружелюбием, а Владыку своего с благодарностию, легкомысленно надеясь, что время, торговля, мудрость Веча и правила благоразумнейшей политики исцелят глубокие язвы отечества.

В исходе сего года явилась Комета, в начале следующего другая; народ трепетал, ожидая чего-нибудь ужасного. Иоанн же, не участвуя в страхе суеверных, спокойно мыслил о важном завоевании. Древняя славная Биармия, или Пермь уже в XI веке платила дань Россиянам, в гражданских отношениях зависела от Новгорода, в церковных от нашего Митрополита, но всегда имела собственных Властителей и торговала с Москвитянами как Держава свободная. Присвоив себе Вологду, Великие Князья желали овладеть и Пермью, однако ж дотоле не могли: ибо Новгородцы крепко стояли за оную, обогащаясь там меною Немецких сукон на меха драгоценные и на серебро, которое именовалось Закамским и столь прельщало хитрого Иоанна Калиту. В самом Шелонском договоре Новгородцы включили Пермь в число их законных владений; но Иоанн III, подобно Калите дальновидный и гораздо его сильнейший, воспользовался первым случаем исполнить намерение своего пращура без явной несправедливости. В Перми обидели некоторых, Москвитян: сего было довольно для Иоанна: он послал туда Князя Феодора Пестрого с войском, чтобы доставить им законную управу.

[1472 г.] Полки выступили из Москвы зимою, на Фоминой неделе пришли к реке Черной, спустились на плотях до местечка Айфаловского, сели на коней и близ городка Искора встретились с Пермскою ратию. Победа не могла быть сомнительною: Князь Феодор рассеял неприятелей; пленил их Воевод, Кача, Бурмата, Мичкина, Зырана; взял Искор с иными городками, сжег их и на устье Почки, впадающей в Колву, заложил крепость; а другой Воевода, Гаврило Нелидов, им отряженный, овладел Уросом и Чердыню, схватив тамошнего Князя Христианской Веры, именем Михаила. Вся земля Пермская покорилась Иоанну, и Князь Феодор прислал к нему, вместе с пленными, 16 сороков черных соболей, драгоценную шубу соболью, 29 поставов Немецкого сукна, 3 панциря, шлем и две сабли булатные. Сие завоевание, коим владения Московские прислонились к хребту гор Уральских, обрадовало Государя и народ, обещая важные торговые выгоды и напомнив России счастливую старину, когда Олег, Святослав, Владимир брали мечом чуждые земли, не теряя собственных. – Вероятно, что Пермский Князь Михаил возвратился в свое отечество, где после господствовал и сын его, Матфей, как присяжник Иоаннов. Первым Российским Наместником Великой Перми был в 1505 году Князь Василий Андреевич Ковер.

Доселе Великий Князь еще не имел дела с главным врагом нашей независимости, с Царем Большой или Золотой Орды, Ахматом, коего толпы в 1468 году, напали единственно на Рязанскую землю, не дерзнув идти далее: ибо в упорной битве с тамошними Воеводами потеряли много людей. Благоразумный Иоанн, готовый к войне, хотел удалить ее: время усиливало Россию, ослабляя могущество Ханов. Но другой естественный враг Москвы, Казимир Литовский, употреблял все способы подвигнуть Ахмата на Великого Князя. Дед Иоаннов, Василий Димитриевич, купил в Литве одного Татарина, именем Мисюря, Витовтова пленника, которого внук, Кирей, рожденный в холопстве, бежал от Иоанна в Польшу и снискал особенную милость Казимиру. Сей Государь хотел употребить его в орудие своей ненависти к России, послал в Золотую Орду с ласковыми грамотами, с богатыми дарами, и предлагал Ахмату тесный союз, чтобы вместе воевать наше отечество. Кирей имел ум хитрый, знал хорошо и Татар и Москву: доказывал Хану необходимость предупредить Иоанна, замышляющего быть самовластителем независимым; подкупал Вельмож Ординских и легко склонил их на свою сторону: ибо они недоброжелательствовали Великому Князю за его к ним презрение или скудость. Уже Москва не удовлетворяла их алчному корыстолюбию; уже Послы наши не пресмыкались в Улусах с мешками серебра и золота. Главный из Вельмож Ханских, именем Темир, всех ревностнее помогал Кирею; но целый год миновал в одних переговорах. Междоусобия Татар не позволяли Ахмату удалиться от берегов Волги, и в то время, когда Посол Литовский твердил ему о древнем величии Ханов, знаменитая их столица, город Сарай, основанный Батыем, не мог защитить себя от набега смелых Вятчан: приплыв Волгою и слыша, что Хан кочует верстах в пятидесяти оттуда, они врасплох взяли сей город, захватили все товары, несколько пленников и с добычею ушли назад, сквозь множество Татарских судов, которые хотели преградить им путь. Наконец Ахмат, взяв меры для безопасности Улусов, отправил с Киреем собственного посла к Казимиру, обещал немедленно начать войну и чрез несколько месяцев действительно вступил в Россию с знатными силами, удержав при себе Московского чиновника, который был послан к нему от Государя с мирными предложениями.

Великий Князь, узнав о том, отрядил Боярина Феодора Давидовича с Коломенскою дружиною к берегам Оки; за ним Даниила Холмского, князя Оболенского-Стригу и братьев своих с иными полками; услышал о приближении Хана к Алексину и сам немедленно выехал из столицы в Коломну, чтобы оттуда управлять движениями войска. При нем находился и сын Касимов, Царевич Данияр, с своею дружиною: таким образом политика Великих Князей вооружала Моголов против Моголов. Но еще сильно действовал ужас Ханского имени: несмотря на 180000 воинов, которые стали между неприятелем и Москвою, заняв пространство ста пятидесяти верст; несмотря на общую доверенность к мудрости и счастью Государя, Москва страшилась, и мать Великого Князя с его сыном для безопасности уехала в Ростов.

Ахмат приступил к Алексину, где не было ни пушек, ни пищалей, ни самострелов; однако ж граждане побили множество неприятелей. На другой день Татары сожгли город вместе с жителями; бегущих взяли в плен и бросились целыми полками в Оку, чтобы ударить на малочисленный отряд Москвитян, которые стояли на другом берегу реки. Начальники сего отряда, Петр Федорович и Семен Беклемишев, долго имел перестрелку, хотели уже отступить, когда сын Михаила Вереяского, Князь Василий, прозванием Удалий, подоспел к ним с своею дружиною, а скоро и брат Иоаннов, Юрий. Москвитяне прогнали Татар за Оку и стали рядами на левой стороне ее, готовые к битве решительной: новые полки непрестанно к ним подходили с трубным звуком, с распущенными знаменами. Хан Ахмат внимательно смотрел на них с другого берега, удивляясь многочисленности, стройности оных, блеску оружия и доспехов. «Ополчение наше (говорят Летописцы) колебалось подобно величественному морю, ярко освещенному солнцем». Татары начали отступать, сперва тихо, медленно; а ночью побежали гонимые одним страхом: ибо никого из Москвитян не было за Окою. Сие нечаянное бегство произошло, как сказывали, от жестокой заразной болезни, которая открылась тогда в Ахматовом войске. – Великий Князь послал Воевод своих вслед за неприятелем; но Татары в шесть дней достигли до своих Катун, или Улусов, откуда прежде шли к Алексину шесть недель; Россияне не могли или не хотели нагнать их, взяв несколько пленников и часть обоза неприятельского; а Великий Князь распустил войско, удостоверенный, что Хан не скоро осмелится предпринять новое впадение в Россию. Между тем Казимир, союзник Моголов, не сделал ни малейшего движения в их пользу: имея важную распрю с Государем Венгерским и занятый делами Богемии, сей слабодушный Король предал Ахмата так же, как и Новгородцев. Иоанн возвратился в Москву с торжеством победителя.

Скоро после того он и все Москвитяне были огорчены преждевременною кончиною Князя Юрия Васильевича. Меньшие братья его и сам Великий Князь находились в Ростове, у матери, тогда нездоровой. Митрополит Филипп не смел без повеления Иоаннова хоронить тела Юриева, которое, в противность обыкновению, четыре дня стояло в церкви Архангела Михаила. Великий Князь приехал оросить слезами гроб достойного брата, не только им, но и всеми искренно любимого за его добрые свойства и за ратное мужество, коим он славился. – Юрий скончался холостым на тридцать втором году жизни и в духовном завещании отказал свое имение матери, братьям, сестре, Княгине Рязанской, поручив им выкупить разные заложенные им вещи, серебряные, золотые, и даже сукна Немецкие: ибо на нем осталось более семисот рублей долгу. О городах своих – Дмитрове, Можайске, Серпухове – он не упоминает в духовной. Иоанн, присоединив их к Великому Княжению, досадил завистливым братьям; но мать благоразумными увещаниями прекратила ссору, отдав Андрею Васильевичу местечко Романов: Великий Князь уступил Борису Вышегород, а меньшему Андрею Торусу, утвердив грамотами наследственные Уделы за ними и за детьми их.

Глава II

Продолжение государствования Иоаннова. 1472–1477 г.

Брак Иоаннов с Греческою Царевною. Посольства из Рима и в Рим. Заключение Ивана Фрязина и Тревизана, Посла Венецианского. Прение Легата Папского о Вере. Следствия Иоаннова брака для России. Выезжие Греки. Братья Софиины. Посольства в Венецию. Зодчий Аристотель строит в Москве храм. Успения. Строение других церквей, палат и стен Кремлевских. Лют пушки, чеканят монету. Дела с Ливониею, с Литвою, с Крымом, с Большою Ордою, с Персиею. Посол Венецианский Контарини в Москве.

В сие время судьба Иоаннова ознаменовалась новым величием посредством брака,

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин каг
важного и счастливого для России: ибо следствием оно было то, что Европа с
любопытством и с почтением обратила взор на Москву, дотоле едва известную; что
Государи и народы просвещенные захотели нашего дружества; что мы, вступив в
непосредственные сношения с ними, узнали много нового, полезного как для внешней
силы государственной, так и для внутреннего гражданского благоденствия.

Последний Император Греческий, Константин Палеолог, имел двух братьев, Димитрия и Фому, которые, под именем Деспотов господствуя в Пелопоннесе, или в Морее, ненавидели друг друга, воевали между собою и тем довершили торжество Магомета II: Турки овладели Пелопоннесом. Димитрий искал милости в Султани, отдал ему дочь в Сераль и получил от него в удел город Эн во Фракии; но Фома, гнушаясь неверными, с женою, с детьми, с знатнейшими Греками ушел из Корфу в Рим, где Папа, Пий II, и Кардиналы, уважая в нем остаток древнейших Государей Христианских и в благодарности за сокровище, им привезенное: за главу Апостола Андрея (с того времени хранимую в церкви Св. Петра) назначили сему знаменитому изгнаннику 300 золотых ефимков ежемесячного жалованья. Фома умер в Риме. Сыновья его, Андрей и Мануил, жили благодеяниями нового Папы, Павла II, не заслуживая оных своим поведением, весьма легкомысленным и соблазнительным; но юная сестра их, девица, именем София, одаренная красотой и разумом, была предметом общего доброжелательства. Папа искал ей достойного жениха и, замышляя тогда воздвигнуть всех Государей Европейских на опасного для самой Италии Магомета II, хотел сим браком содействовать видам своей Политики. К удивлению многих, Павел обратил взор на Великого Князя Иоанна, по совету, может быть, славного Кардинала Виссариона: сей ученый Грек издавна знал единоверную Москву и возрастающую силу ее Государей, известных и Риму по делам их с Литвою, с Немецким Орденом и в особенности по флорентийскому Собору, где Митрополит наш, Исидор, представлял столь важное лицо в церковных прениях. Отдаленность, благоприятствуя баснословию, рождала слухи о несметном богатстве и многочисленности Россиян. Папа надеялся, во-первых, чрез Царевну Софию, воспитанную в правилах флорентийского Соединения, убедить Иоанна к принятию оных и тем подчинить себе нашу Церковь; во-вторых, лестным для его честолюбия свойством с Палеологами возбудить в нем ревность к освобождению Греции от ига Магометова. Вследствие сего намерения Кардинал Виссарион, в качестве нашего единоверца, отправил Грека, именем Юрия, с письмом к Великому князю (в 1469 году), предлагая ему руку Софии, знаменитой дочери Деспота Морейского, которая будто бы отказала двум женихам, Королю французскому и Герцогу Медиоланскому, не желая быть супругою Государя Латинской Веры. Вместе с Юрием приехали в Москву два Венециянина, Карл и Антон, брат и племянник Ивана фрязина, денжника, или монетчика, который уже давно находился в службе Великого князя, переселясь к нам, как вероятно, из Тавриды и приняв Веру Греческую.

Сие важное Посольство весьма обрадовало Иоанна; но, следуя правилам своего обыкновенного хладнокровного благоразумия, он требовал совета от матери, Митрополита Филиппа, знатнейших Бояр: все думали согласно с ним, что сам Бог посылает ему столь знаменитую невесту, отрасль Царственного древа, коего сень покоила некогда все Христианство православное, неразделенное; что сей благословенный союз, напоминая Владимиров, сделает Москву как бы новою Византиею и даст Монархам нашим права Императоров Греческих. – Великий Князь желал чрез собственного посла удостовериться в личных достоинствах Софии и велел для того Ивану фрязину ехать в Рим, имея доверенность к сему Венециянскому уроженцу, знакомому с обычаями Италии. Посол возвратился благополучно, осыпанный ласками Павла II и Виссариона; уверил Иоанна в красоте Софии и вручил ему живописный образ ее вместе с листами от Папы для свободного проезда наших Послов в Италию за невестою: о чем Павел особенно писал к Королю Польскому, именуя Иоанна любезнейшим сыном, Государем Московии, Новагорода, Пскова и других земель. – Между тем сей Папа умер, и слух пришел в Москву, что место его заступил Калист: Великий Князь в 1472 году, Генваря 17, отправил того же Ивана фрязина со многими людьми в Рим, чтобы привезти оттуда Царевну Софию, и дал ему письмо к новому Папе. Но дорогою узнали послы, что преемник Павлов называется Сикстом: они не хотели возвратиться для переписывания грамоты; вычистив в ней имя Калиста, написали Сикстово и в Мае прибыли в Рим.

Папа, Виссарион и братья Софиины приняли их с отменными почестями. 22 мая, в торжественном собрании Кардиналов, Сикст IV объявил им о Посольстве и сватовстве Иоанна, Великого князя Белой России. Некоторые из них сомневались в православии сего Монарха и народа его; но Папа отвечивал, что Россияне участвовали в флорентийском Соборе и приняли Архиепископа или Митрополита от Латинской Церкви; что они желают ныне иметь у себя Легата Римского, который мог бы исследовать на

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагда
месте обряды Веры их и заблуждающимся указать путь истинный, что ласкою,
кротостию, снисхождением надобно обращать сынов ослепленных к нежной матери, т.
е. к Церкви; что Закон не противится бракосочетанию Царевны Софии с Иоанном.

25 Маия Послы Иоанновы были введены в тайный Совет Папский, вручили Сиксту Великокняжескую, писанную на Русском языке грамоту с золотою печатью и поднесли в дар шестьдесят соболей. В грамоте сказано было единственно так: «Сиксту, Первосвятителю Римскому, Иоанн, Великий Князь Белой Руси, кланяется и просит верить его Послам». Именем Государя они приветствовали Папу, который в ответе своем хвалил Иоанна за то, что он, как добрый Христианин, не отвергает Собора Флорентийского и не принимает Митрополитов от Патриархов Константинопольских, избираемых Турками; что хочет совокупиться браком с Христианкою, воспитанною в столице Апостольской, и что изъявляет приверженность к Главе Церкви. В заключение Святой Отец благодарил Великого Князя за дары. – Тут находились Послы Неаполитанские, Венецианские, Медиоланские, Флорентийские и Феррарские. Июня 1 София в церкви Св. Петра была обручена Государю Московскому, коего лицо представлял главный из его поверенных, Иван фрязин.

Июня 12 собрались Кардиналы для дальнейших переговоров с Российскими Послами, которые уверяли Папу о ревности их Монарха к благословенному соединению Церквей. Сикст IV, так же как и Павел II, имея надежду изгнать Магомета из Царяграда, хотел, чтобы Государь Московской склонил Хана Золотой Орды воевать Турцию. Послы Иоанновы ответствовали, что России легко воздвигнуть Татар на Султана; что они своим несметным числом могут еще подавить Европу и Азию; что для сего нужно только послать в Орду тысяч десять золотых ефимков и богатые, особенные дары Хану, коему удобно сделать впадение в Султанские области чрез Паннонию; но что Король Венгерский едва ли согласится пропустить столь многочисленное войско чрез свою державу; что сии вероломные наемники, в случае неисправного платежа, бывают злейшими врагами того, кто их нанял; что победа Татар оказалась бы равно бедственною и для Турков и для Христиан. Одним словом, Послы Московские старались доказать, что неблагоприятно искать помощи в Орде, и Папа удовлетворялся надеждою на собственные силы Иоанна, единоверца Греков и естественного неприятеля их утеснителей.

Так говорят церковные летописи Римские о Посольстве Московском. Действительно ли Великий Князь манил Папу обещаниями принять устав Флорентийского Собора или Иван фрязин клеветал на Государя, употребляя во зло его доверенность? Или Католики, обманывая самих себя, не то слышали и писали, что говорил Посол наш? Сие остается неясным. – Папа дал Софии богатое вено и послал с нею в Россию Легата, именем Антония, провождаемого многими Римлянами; а Царевичи Андрей и Мануил отправили Послом к Иоанну Грека Димитрия. Невеста имела свой особенный Двор, чиновников и служителей: к ним присоединились и другие Греки, которые надеялись обрести в единоверной Москве второе для себя отечество. Папа взял нужные меры для безопасности Софии на пути и велел, чтобы во всех городах встречали Царевну с надлежащею честью, давали ей съестные припасы, лошадей, проводников, в Италии и в Германии, до самых областей Московских. 24 Июня она выехала из Рима, Сентября 1 прибыла в Любек, откуда 10 числа отправилась на лучшем корабле в Ревель; 21 Сентября вышла там на берег и жила десять дней, пышно угощаемая на иждивение Ордена. Гонец Ивана фрязина спешил из Ревеля через Псков и Новгород в Москву с известием, что София благополучно переехала море. Посол Московский встретил ее в Дерпте, приветствуя именем Государя и России.

Между тем вся область Псковская была в движении: Правители готовили дары, запас, мед и вина для Царевны; рассылали всюду гонцов; украшали суда, лодки и 11 Октября выехали на Чудское озеро, к устью Эмбаха, встретить Софию, которая со всеми ее многочисленными спутниками тихо подъезжала к берегу. Посадники, Бояре, вышедши из судов и налив вином кубки, ударили челом своей будущей Великой Княгине. Достигнув наконец земли Русской, где провидение судило ей жить и Царствовать; видя знаки любви, слыша усердные приветствия Россиян, она не хотела медлить ни часу на берегу Ливонском: степенный Посадник принял ее и всех бывших с нею на суда. Два дня плыли озером; ночевали у Св. Николая в Устьях и 13 Октября остановились в монастыре Богоматери: там Игумен с братиею отпел за Софию молебен; она оделась в Царские ризы и, встреченная Псковским Духовенством у ворот, пошла в Соборную церковь, где народ с любопытством смотрел на Папского Легата, Антония, на его червленную одежду, высокую Епископскую шапку, перчатки и на серебряное литое распятие, которое несли перед ним. К соблазну наших Христиан правоверных, сей Легат, вступив в церковь, не поклонился Святым иконам; но София велела ему приложиться к образу Богоматери, заметив общее негодование. Тем более

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал народ пленился Царевною, которая с живейшим усердием молилась Богу, наблюдая все обряды Греческого Закона. Из церкви повели ее в Великокняжеский дворец. По тогдашнему обыкновению гостеприимство изъвлялось дарами: Бояре и купцы поднесли Софии пятьдесят рублей деньгами, а Ивану Фрязину десять рублей. Признательная к усердию Псковитян, она, чрез пять дней выезжая оттуда, сказала им с ласкою: «Спешу к моему и вашему Государю; благодарю чиновников, Бояр и весь Великий Псков за угощение и рада при всяком случае ходатайствовать в Москве по делам вашим». – В Новгороде была ей такая же встреча от Архиепископа, Посадников, Тысячских, Бояр и купцев; но Царевна спешила в Москву, где Иоанн ожидал ее с нетерпением.

Уже София находилась в пятнадцати верстах от столицы, когда Великий Князь призвал Бояр на совет, чтобы решить свое недоумение. Легат Папский, желая иметь более важности в глазах Россиян, во всю дорогу ехал с Латинским крестом: то есть пред ним в особенных санях везли серебряное распятие, о коем мы выше упоминали. Великий Князь не хотел оскорбить Легата, но опасался, чтобы Москвитяне, увидев сей торжественный обряд иноверия, не соблазнились, и желал знать мнение Бояр. Некоторые думали, согласно с нашим Послом, Иваном Фрязином, что не должно запрещать того из уважения к Папе; другие, что доселе в земле Русской не оказывалось почестей Латинской Вере; что пример и гибель Исидора еще в свежей памяти.

Иоанн отнесся к Митрополиту Филиппу, и сей старец с жаром отвечал: «Буде ты позволишь в благоверной Москве нести крест перед Латинским Епископом, то он увидит в единые врата, а я, отец твой, изыду другими вон из града. Чтить Веру чуждую есть унижать собственную». Великий Князь немедленно послал Боярина, Феодора Давидовича, взять крест у Легата и спрятать в сани. Легат повиновался, хотя и с неудовольствием: тем более спорил Иван Фрязин, осуждая Митрополита. «В Италии (говорил он) честили Послов Великокняжеских: следственно, в Москве надо чествовать Папского». Сей Фрязин, будучи в Риме, таил перемену Веры своей, сказывался Католиком и, в самом деле приняв Греческий Закон в России только для мирских выгод, внутренно исповедывал Латинский, считая нас суеверами. Но Боярин Феодор Давидович исполнил повеление Государя.

Царевна въехала в Москву 12 ноября, рано поутру, при стечении любопытного народа. Митрополит встретил ее в церкви: приняв его благословение, она пошла к матери Иоанновой, где увиделась с женихом. Тут совершилось обручение: после чего слушали Обедню в деревянной Соборной церкви Успения (ибо старая каменная была разрушена, а новая не достроена). Митрополит служил со всем знатнейшим Духовенством и великолепием Греческих обрядов; наконец обвенчал Иоанна с Софиею, в присутствии его матери, сына, братьев, множества князей и Бояр, Легата Антония, Греков и Римлян. На другой день Легат и посол Софииных братьев, торжественно представленные великому князю, вручили ему письма и дары.

В то время, когда Двор и народ в Москве праздновали свадьбу Государя, главный пособник сего счастливого брака, Иван Фрязин, вместо чаемой награды заслужил оковы. Возвращаясь в первый раз из Рима чрез Венецию и называясь Великим Боярином Московским, он был обласкан Дожем, Николаем Троне, который, узнав от него о тесных связях Россиян с Моголами Золотой Орды, вздумал отправить туда Посла чрез Москву, чтобы склонить Хана к нападению на Турцию. Сей Посол, именем Иван Батист Тревизан, действительно приехал в нашу столицу с грамотою от Дожа к Великому Князю и с просьбою, чтобы он велел проводить его к Хану Ахмату; но Иван Фрязин уговорил Тревизана не отдавать Государю ни письма, ни обыкновенных даров; обещал и без того доставить ему все нужное для путешествия в Орду и, пришедши с ним к Великому Князю, назвал сего посла купцем Венецианским, своим племянником. Ложь их открылась прибытием Софии: Легат Папский и другие из ее спутников, зная лично Тревизана – зная также, с чем он послан в Москву, – сказали о том Государю. Иоанн, взыскательный, строгий до суровости, в гневе своем за дерзкий обман велел Фрязина оковать цепями, сослать в Коломну, дом разорить, жену и детей взять под стражу, а Тревизана казнить смертию. Едва Легат Папский и Греки могли спасти жизнь сего последнего усердным за него ходатайством, умолив Государя, чтобы он прежде обослался с сенатом и дожем Венецианским.

Ласкаемый в Москве, Посол Римский, согласно с данным ему от Папы наставлением, домогался, чтобы Россия приняла устав Флорентийского Собора. Может быть, Иоанн, во время сватовства искав благосклонности Папы, давал сию надежду словами двусмысленными; но будучи уже супругом Софии, не хотел о том слышать. Летописец говорит, что Легат Антоний имел прения с нашим Митрополитом Филиппом, но без

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагд
малейшего успеха; что Митрополит, опираясь на особенную мудрость какого-то
Никиты, Московского книжника, ясно доказал истину Греческого исповедания, и что
АНТОНИЙ, не находя сильных возражений, сам прекратил спор, сказав: «нет книг со
мною». – Пробыв одиннадцать недель в Москве, Легат и Посол Софииных братьев
отправились назад в Италию с богатыми дарами для Папы и Царевичей от Великого
Князя, сына его и Софии, которая, по известию Немецких Историков, обещав Сиксту
IV наблюдать внушенные ей правила Западной Церкви, обманула его и сделалась в
Москве ревностною Христианкою Веры Греческой.

Главным действием сего брака (как мы уже заметили) было то, что Россия стала
известнее в Европе, которая чтит в Софии племя древних Императоров Византийских
и, так сказать, провождала ее глазами до пределов нашего отечества; начались
государственные сношения, пересылки; увидели Москвитян дома и в чужих землях;
говорили об их странных обычаях, но угадывали и могущество. Сверх того многие
Греки, приехавшие к нам с Царевною, сделались полезны в России своими знаниями в
художествах и в языках, особенно в Латинском, необходимом тогда для внешних дел
государственных; обогатили спасенными от Турецкого варварства книгами Московские
церковные библиотеки и способствовали велелепию нашего двора сообщением ему
пышных обрядов Византийского, так что с сего времени столица Иоаннова могла
действительно именоваться новым Царемградом, подобно древнему Киеву.
Следственно, падение Греции, содействовав возрождению наук в Италии, имело
счастлиное влияние и на Россию. – Некоторые знатные Греки выехали к нам после из
самого Константинополя: например, в 1485 году Иоанн Палеолог Рало, с женою и с
детьми, а в 1495 Боярин Феодор Ласкир с сыном Димитрием. София звала к себе и
братьев; но Мануил предпочел двор Магомета II, уехал в Царьград и там, осыпанный
благоденствиями Султана, провел остаток жизни в изобилии: Андрей же, совокупившись
браком с одною распутною Гречанкою, два раза (в 1480 и 1490 году) приезжал в
Москву и выдал дочь свою, Марию, за Князя Василия Михайловича Вереяского; однако
ж возвратился в Рим (где лежат кости его подле отцевских в храме Св. Петра).
Кажется, что он был не доволен Великим Князем: ибо в духовном завещании отказал
свои права на Восточную Империю не ему, а иноверным Государям Кастилии,
Фердинанду и Елисавете, хотя Иоанн, по свойству с Царями Греческими, принял и
герб их, орла двуглавого, соединив его на своей печати с Московским: то есть на
одной стороне изображался орел а на другой всадник, попирающий дракона, с
надписью: «Великий Князь, Божиею милостию Господарь всея Руси ».

Вслед за Легатом Римским Великий Князь послал в Венецию Антона Фрязина с жалобой
на Тревизана, велел сказать Дожу: «Кто шлет Посла чрез мою землю тайно, обманом,
не испросив дозволения, тот нарушает уставы чести». Дожд и сенат, услышав, что
бедный Тревизан сидит в Москве под стражею окованный цепями, прибегнули к
ласковым убеждениям, прося, чтобы Великий князь освободил его для общего блага
Христиан и отправил к Хану, снабдив всем нужным для сего путешествия, из дружбы
к Республике, которая с благодарностию заплатит сей долг. Иоанн умилостивился,
освободил Тревизана, дал ему семьдесят рублей и, вместе с ним послал в Орду
Дьяка своего возбуждать Хана против Магомета II, уведомил о том Венециянского
Дожа. Сие новое Посольство в Италию особенно любопытно тем, что главою оного был
уже не иноземец, но Россиянин, именем Семен Толбузин, который взял с собою
Антон Фрязина в качестве переводчика и сверх государственного дела имел
поручение вывезти оттуда искусного зодчего.

Здесь в первый раз видим Иоанна пекущегося о введении художеств в Россию:
ознаменованный величием духа, истинно Царским, он хотел не только ее свободы,
могущества, внутреннего благоустройства, но и внешнего велелепия, которое сильно
действует на воображение людей и принадлежит к успехам их гражданского
состояния. Владимир Святой и Ярослав Великий украсили древний Киев памятниками
Византийских Искусств: Андрей Боголюбский призывал оные и на берега Клязьмы, где
Владимирская церковь Богоматери еще служила предметом удивления для северных
Россиян; но Москва, возникшая в веки слез и бедствий, не могла еще похвалиться
ни одним истинно величественным зданием. Соборный храм Успения, основанный Св.
Митрополитом Петром, уже несколько лет грозил падением, и Митрополит Филипп
делал воздвигнуть новый по образцу Владимирского. Долго готовились; вызывали
отовсюду строителей; заложили церковь с торжественными обрядами, с колокольным
звоном, в присутствии всего двора: перенесли в оную из старой гробы Князя
Георгия Даниловича и всех Митрополитов (сам Государь, сын его, брата, и
знатнейшие люди несли мощи Св. Чудотворца Петра; особенного покровителя Москвы).
Сей храм еще не был достроен, когда Филипп Митрополит скоро после Иоаннова
бракосочетания преставился, испуганный пожаром, который обратил в пепел его
Кремлевский дом; обливаясь слезами над гробом Св. Петра и с любовью утешаемый

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал Великим Князем, Филипп почувствовал слабость в руке от паралича; велел отвезти себя в монастырь Богоявленский и жил только один день, до последней минуты говорив Иоанну о совершении новой церкви. Преемник его, Геронтий (бывший Коломенский Епископ, избранный в Митрополиты Собором наших Святителей) также ревностно пекся об ее строении; но едва складенная до сводов, она с ужасным треском упала, к великому огорчению Государя и народа. Видя необходимость иметь лучших художников, чтобы воздвигнуть храм, достойный быть первым в Российской державе, Иоанн послал во Псков за тамошними каменщиками, учениками Немцев, и велел Толбузину, чего бы то ни стоило, сыскать в Италии Архитектора опытного для сооружения Успенской кафедральной церкви. Вероятно даже, что сие дело было главною виною его Посольства. Уже Италия, пробужденная зарею наук, умела ценить памятники древней Римской изящной Архитектуры, презирая Готическую, столь несоразмерную, неправильную, тяжелую, и Арабскую, расточительную в мелочных украшениях. Образовался новый, лучший вкус в зданиях, хотя еще и несовершенный, но Италиянские Архитекторы уже могли назваться превосходнейшими в Европе.

Принятый в Венеции благосклонно от нового Дожа, Марчелла, и взяв с Республики семьсот рублей за все, чем снабдили Тревизана, в Москве из казны Великокняжеской, Толбузин нашел там зодчего, Болонского уроженца, именем Фиоравенти Аристотеля, которого Магомет II звал тогда в Царьград для строения Султанских палат, но который захотел лучше ехать в Россию, с условием, чтобы ему давали ежемесячно по десяти рублей жалованья, или около двух фунтов серебра. Он уже славился своим искусством, построив в Венеции большую церковь и ворота, отменно красивые, так что правительство с трудом отпустило его, в угождение Государю Московскому. Прибыв в столицу нашу, сей художник осмотрел развалины новой Кремлевской церкви: хвалил гладкость работы, но сказал, что известь наша не имеет достаточной вязкости, а камень не тверд, и что лучше делать своды из плит, он ездил в Владимир, видел там древнюю Соборную церковь и дивился в ней произведению великого искусства; дал меру кирпича; указал, как надобно обжигать его, как растворять известь; нашел лучшую глину за Андроньевым монастырем; махиною, неизвестною тогдашним Москвитянам и называемою бараном, разрушил до основания стены Кремлевской церкви, которые уцелели в ее падении; выкопал новые рвы и наконец заложил великолепный храм Успения, донныне стоящий пред нами как знаменитый памятник Греко-Италиянской Архитектуры XV века, чудесный для современников, достойный хвалы и самых новейших знатоков искусства своим твердым основанием, расположением, соразмерностию, величию. Построенная в четыре года, сия церковь была освящена в 1479 году, августа 12, Митрополитом Геронтием с Епископами.

Чтобы представить читателям в одном месте все сделанное Иоанном для украшения столицы, опишем здесь и другие здания его времени. Довольный столь счастливым опытом Аристотелева искусства, он разными Посольствами старался призывать к себе художников из Италии: создал новую церковь Благовещения на своем дворе, а за нею – на площади, где стоял терем – огромную палату, основанную Марком Фрязином в 1487 году и совершенную им в 1491 с помощью другого Италиянского Архитектора, Петра Антония. Она долженствовала быть местом торжественных собраний Двора, особенно в случае Посольств иноземных, когда Государь хотел являться в величии и блеске, следуя обычаю Монархов Византийских. Сия палата есть так называемая Грановитая, которая в течение трехсот двадцати лет сохранила всю целость и красоту свою: там видим и ныне трон Венценосцев Российских, с коего они в первые дни их царствования изливают милости на Вельмож и народ. – Дотоле Великие Князья обитали в деревянных зданиях: Иоанн (в 1492 году) велел разобрать ветхий дворец и поставить новый на Ярославском месте, за церковию Архангела Михаила; но недолго жил в оном: сильный пожар (в 1493 году) обратил весь город в пепел, от Св. Николая на Песках до поля за Москвою-рекою и за Сретинскою улицею: Арбат, Неглинную, Кремль, где сгорели дворы Великого Князя и Митрополитов со всеми житницами на Подоле, обрушилась церковь Иоанна Предтечи у Боровицких ворот (под коею хранилась казна Великой Княгини Софии), и вообще не осталось ни одного целого здания, кроме новой палаты и соборов (в Успенском обгорел алтарь, крытый Немецким железом). Государь переехал в какой-то большой дом на Язу, к церкви Св. Николая Подкопаева, и решился соорудить дворец каменный, заложенный в мае 1499 года Медиоланским Архитектором, Алевизом, на старом месте, у Благовещения; глубокие погребы и ледники служили основанием сего великолепного здания, совершенного через девять лет и ныне именуемого дворцом теремным. Между тем Иоанн жил на своем Кремлевском дворе в деревянных хоромах, а иногда на Во-ронцовом поле. Угождая Государю, знатные люди также начали строить себе каменные дома: в летописях упоминается о палатах Митрополита, Василия Федоровича Образца, и Головы Московского, Дмитрия Владимировича Ховрина.

Величественные Кремлевские стены и башни равномерно воздвигнуты Иоанном: ибо древнейшие, сделанные в княжение Димитрия Донского, разрушились, и столица наша уже не имела каменной ограды Антон Фрязин в 1485 году, июля 19, заложил на Москве–реке стрельницу, а в 1488 другую, Свибловскую, с тайниками, или подземельным ходом; Италиянец Марко построил Беклемишевскую; Петр Антоний Фрязин две, над Боровицкими и Константино–Еленскими воротами, и третью Фроловскую; башня над речкою Неглинною совершена в 1492 году неизвестным Архитектором. Окружили всю крепость высокою, твердою, широкою стеною, и Великий Князь приказал сломать вокруг не только все дворы, но и церкви, уставив, чтобы между ею и городским строением было не менее ста девяти сажений. Таким образом Иоанн украсил, укрепил Москву, оставив Кремль долговечным памятником своего Царствования, едва ли не превосходнейшим в сравнении со всеми иными Европейскими зданиями пятого–надесять века. – Последним делом Италиянского зодчества при сем Государе было основание нового Архангельского собора, куда перенесли гробы древних Князей Московских из ветхой церкви Св. Михаила, построенной Иоанном Калитою и тогда разобранной. – Кроме зодчих, Великий Князь выписывал из Италии мастеров пушечных и серебряников. Фрязин, Павел Дебосис, в 1488 году слил в Москве огромную Царь–пушку. В 1494 году выехал к нам из Медиолана другой художник огнестрельного дела, именем Петр. Италиянские серебряники начали искусно чеканить Русскую монету, вырезывая на оной свое имя: так, на многих деньгах Иоанна Васильевича видим надпись: Aristoteles: ибо сей знаменитый Архитектор славился и монетным художеством (сверх того лил пушки и колокола). – Одним словом, Иоанн, чувствуя превосходство других Европейцев в гражданских искусствах, ревностно желал заимствовать от них все полезное, кроме обычаев, усердно держась Русских; оставляя Вере и Духовенству образовывать ум и нравственность людей; не думал в философическом смысле просвещать народа, но хотел доставить ему плоды наук, нужнейшие для величия России. – Теперь обратимся к государственным происшествиям.

Запад России, Немцы и Литва были предметом Иоаннова внимания. Князь Феодор Юрьевич Шуйский, несколько лет властвовав во Пскове как Государев наместник и сведав, что тамошние граждане, не любя его, послали к Великому Князю требовать себе иного Правителя, уехал в Москву. Псковитяне желали вторично иметь своим Князем Ивана Стригу, или Бабича, или Стригина брата Князя Ярослава: Государь дал им последнего, сказав, что первые нужны ему самому для ратного дела. В то же время Псковитяне известили Иоанна о неприятельском расположении Ливонского Ордена. Еще не минул срок перемирия, заключенного ими с Магистром в 1463 году на девять лет, когда Немцы, подведенные Русскими лазутчиками, сожгли несколько деревень на берегах Синего озера: Псковитяне, казнив своих изменников, удовольствовались жалобами на вероломство Ордена. В 1471 году Магистр прислал брата своего сказать им, что он намерен переселиться из Риги в Феллин и желает соблюсти дружбу с ними, требуя, чтобы они не вступались в землю и воды за Красным городком. Псковитяне ответствовали, что Магистр волен жить, где ему угодно; что мир с их стороны не будет нарушен, но что упомянутые места издревле суть достояние Великих Князей. Условились решить спор на общем съезде и назначили время. Уже Иоанн, замышляя быть истинным Государем всей России, не считал дел Псковских или Новгородских как бы чуждыми для Москвы: он послал своего Боярина выслушать требования ордена; но переговоры, бывшие в Нарве и в Новгороде, не имели успеха: Немецкие Послы уехали назад с досадою, и Великий Князь, исполняя желание Псковитян, отправил к ним войско, составленное из городских полков и Детей Боярских, коими предводительствовал славный муж, Князь Даниил Холмский, имея под своим начальством более двадцати Князей. Чиновники Псковские, встретив сию знатную рать с хлебом и с медом, удивились ее многочисленности, так, что она едва могла поместиться в городе, за рекою Великою. Холмский нетерпеливо желал вступить в Ливонию: к несчастью, сделалась оттепель в декабре месяце; реки вскрылись; не было ни зимнего, ни летнего пути; воины скучали праздностию, а граждане убытком, ибо должны были безденежно кормить и людей и коней. С Москвитянами пришло несколько сот Татар: сии наемники силою отнимали у жителей скот и разные запасы, пока Холмский строгостию не унял их, определив, что город обязан ежедневно давать на содержание полков.

Но сей убыток был вознагражден счастливыми следствиями. Слух о прибытии Московской рати столь испугал Магистра и епископа дерптского, что они немедленно прислали своих чиновников для возобновления мира: первый на двадцать пять, а второй на тридцать лет, с условием, чтобы Немцам не вступаться в земли Псковитян, давать везде свободный путь их купцам и не пропускать в Россию из Ливонии ни меда, ни пива. В сем договоре участвовали и Новгородцы, коих войско

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Васи́лиевича. Николай Михайлович Карамзин также готовилось действовать против ордена вместе с Великокняжеским. Так Иоанн вводил единство в систему внешней Политики Российской, к крайнему беспокойству наших западных соседей, видевших, что Новгород, Псков и Москва делаются одною державою, управляемою Государем благоразумным, миролюбивым, но решительным в намерениях и сильным в исполнении. Получив известие, что Магистр и Правительство Дерптское клятвою утвердили мирные условия, Князь Холмский возвратился в Москву с честью и с даром двухсот рублей от признательных Псковитян, которые особенною грамотою, отправленною с гонцом, изъявили благодарность Иоанну за его милостивое вспоможение.

Но Великий Князь не был доволен ни ими, ни Холмским: ими за то, что они дерзнули, вместо знатных людей, прислать к нему гонца; а Князь Холмский заслужил гнев Иоаннов какою-то виною, вероятно, не умышленною: ибо сей Государь, строгий по нраву и правилам, скоро простил ему оную, взяв с него клятвенную грамоту следующего содержания: «Я, Князь Данило Дмитриевич Холмский, бил челом Государю за мою вину посредством Господина Геронтия Митрополита и Епископов: во уважение чего он простил меня, слугу своего; а мне, Князю Данилу, быть ему верным до конца жизни и не искать службы в иных землях. Когда же преступлю клятву, да лишуся милости Божией и благословения Пастырского в сей век и в будущий: Государь же и дети его вольны казнить меня», и проч. Сверх того Вельможи дали восемь поручных грамот за Холмского, обязываясь, в случае его измены, внести в казну две тысячи рублей. Иоанн же, в знак искреннего прощения, пожаловал Князя Данила Боярином.

Псковитяне, услышав о гневе Государя, немедленно отправили к нему Князя Ярослава Васильевича с тремя Посадниками и многими Боярами: Иоанн не пустил их к себе на глаза, даже в город, так что они, простояв пять дней в шатрах на поле, должны были ехать обратно; наконец, смягченный их скорбью и новым торжественным Посольством, сей хитрый Государь принял от них в дар сто пятьдесят рублей и милостиво объявил, что будет править своею Псковскою отчиною согласно с древними грамотами Великих Князей: то есть он хотел, наблюдая во всем достоинство Монарха, приучить и вельмож и граждан к благоговению пред его священным саном и, грозя внешним неприятелям, умножал внутреннюю силу России строгим действием Самодержавной власти.

Доселе Иоанн не имел никаких известных дел, ни сношений с Литвою, сильным ударом меча исхитив из ее рук Новгород и до времени оставляя Казимира тщетно злобиться на Россию. Одни Псковитяне пересылались с сим Королем, желал дружелюбно утвердить границы между его и своими владениями. С обеих сторон честили и дарили Послов, съезжались сановники на рубеже и не могли согласиться в прениях. Сам Казимир был в Полоцке, обещался собственными глазами осмотреть все спорные места, но не сдержал слова. Лаская Псковитян, он давал им чувствовать, что призывает их народом вольным, независимым от Москвы и готов всегда жить в дружбе с ними. Осенью в 1473 году открылись неприятельские действия между Москвитянами и Литвою. Первые, ограбив город Любутск, ушли назад с добычею и с пленниками; а Любчане напали на Князя Симеона Одоевского, Российского подданного, убили его в сражении, но не могли ничего завоевать в наших пределах. Вероятно, что сей случай заставил Казимира отправить в Москву посла, именем Богдана, или с жалобами, или с дружественными предложениями, на которые Иоанн отвечивал ему чрез своего Посла, Василия Китаю: следствием было то, что сии Государи остались только внутренне неприятелями, не объявляя войны друг другу.

Хитрая политика Иоаннова еще яснее видна в делах Ординских сего времени. Царь Казанский жил тогда спокойно и не тревожил России, однако ж был опасным для нас соседом: чтобы иметь в руках своих орудие против Казани, Великий Князь подговорил одного из ее Царевичей, Муртозу, сына Мустафы, к себе в службу и дал ему Новгородок Рязанский с волостями.

Хан Таврический, или Крымский, знаменитый Ази-Гирей, умер около 1467 года, оставив шесть сыновей: Нордоулата, Айдара, Усмераря, Менгли-Гирея, Ямгурчя и Милкомана, из коих старший, Нордоулат, заступил место отца, но, сверженный братом, Менгли-Гиреем, искал убежища в Польше. Сие обстоятельство и союз Казимиров с неприятелем Таврической Орды, Ханом Волжским, Ахматом, возбудив в Менгли-Гирее недоверие к Королю Польскому, дали мысль прозорливому Иоанну искать дружбы нового Царя Крымского, посредством одного богатого жида, именем Хози Кокоса, жившего в Кафе, где купцы наши часто бывали для торговли с Генуэзцами. Зная по слуху новое могущество России и личные достоинства Государя ее, Менгли-Гирей столь обрадовался предложению Иоаннову, что немедленно написал к

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагалу ему ласковую грамоту, привезенную в Москву Исупом, шурином Хози Кокоса. Так началась дружелюбная связь между двумя Государями, непрерывная до конца их жизни, выгодная для обоих и еще полезнейшая для нас: ибо она, ускорив гибель Большой, или Золотой, Орды и развлекая силы Польши, явно способствовала величю России.

Иоанн послал в Крым толмача своего Иванчу, желая заключить с Ханом торжественный союз; а Менгли-Гирей в 1473 году прислал в Москву чиновника Ази-Бабу, который именем его клятвенно утвердил предварительный мирный договор между Крымом и Россиею, состоящий в том, что Царю Менгли-Гирею, Уланам и Князьям его быть с Иоанном в братской дружбе и любви, против недругов стоять заодно, не воевать Государства Московского, разбойников же и хищников казнить, пленных выдавать без окупа, все насилеи отнятое возвращать сполна и с обеих сторон ездить Послам свободно без платежа купеческих пошлин. – Вместе с Ази-Бабою отправился в Крым Послом Боярин Никита Беклемишев, коему, сверх упомянутого мирного договора, даны были еще прибавления: первое в таких словах: «Ты, Великий Князь, обязан слать ко мне, Царю, поминки, или дары ежегодные». Государь велел Беклемишеву согласиться на сие единственно в случае неотступного Ханского требования. Во втором прибавлении Иоанн обещался действовать с Менгли-Гиреем совокупно против Хана Золотой Орды, Ахмата, если он (Менгли-Гирей) сам будет помогать России против Короля Польского. – Никита Беклемишев должен был увериться в приязни ближних Князей Царевых, одарить их соболями, заехать в Кафу, изъявить благодарность Хозе Кокосу за оказанную им услугу в сношениях с Крымским Царем и требовать от тамошнего Консула, чтобы Генуэзцы выдали Российским купцам отнятые у них товары на две тысячи рублей и впредь не делали подобного насилия, вредного для успехов взаимной торговли.

Беклемишев возвратился [15 ноября 1474 г.] в Москву с Крымским Послом, Довлетском Мурзою, и с клятвенною Ханскою грамотою, на коей Иоанн в присутствии сего Мурзы целовал крест в уверение, что будет точно исполнять все условия союза. – Довлетек жил в Москве четыре месяца и поехал назад в Тавриду с Великокняжеским чиновником, Алексеем Ивановичем Старковым, коего наказ состоял в следующем: «Сказать Хану. Князь Великий Иоанн челом бьет. Ты пожаловал меня себе братом и другом, чтобы нам иметь общих приятелей и врагов: благодарствую за твое жалованье. – Ты хочешь, чтобы я принял к себе Зенебека Царевича: в минувшее лето он просился в мою службу; но я отказал ему, считая его твоим недругом: ныне послал за ним в Орду, чтобы сделать тебе угодное. – Мы взаимно обязались крепким словом любви по нашей Вере: не преступай клятвы; я исполню свою». Но в сем заключенном между Россиею и Крымом договоре не упоминалось именно ни об Ахмате, ни о Казимире: Иоанн не обязывался воевать с первым, ибо Менгли-Гирей не дал клятвы действовать вместе с Россиею против последнего. Старков долженствовал объявить Хану, что одно не может быть без другого. Сверх того ему велено было жаловаться на Кафинских Генуэзцев, ограбивших какого-то Российского Посла и наших купцов: в случае неудовлетворения Иоанн грозил силою управиться с ними разбойниками. – Наконец Посол Московский имел приказание вручить дары Манкупскому Князю Исайку (из благодарности за дружелюбное принятие Никиты Беклемишева) и разведать чрез Хозю Кокоса, сколько тысяч золотых готовит сей Владетель в приданое за своею дочерью, которую он предлагал в невесты сыну Великому Князю, Иоанну Иоанновичу. Известно, что Манкуп (ныне местечко в Тавриде, на высокой неприступной горе), был прежде знаменитою крепостию и назывался городом Готфским: ибо там с третьего века обитали Готфы Тетракситы, Христиане Греческой веры, данники Козаров, Половцев, Моголов, Генуэзцев, но управляемые собственными Властителями, из коих последний был сей Исайко, приятель Иоаннов по единоверию.

Старков не мог исполнить данных ему повелений: ибо все переменилось в Тавриде. Брат Ханский Айдар, собрав многочисленную толпу преданных ему людей, изгнал неосторожного Менгли-Гирея, бежавшего в Кафу к Генуэзцам. Скоро явился на Черном море сильный Турецкий флот под начальством Визиря Магометова, Ахмета Паши; сей искусный Вождь, пристав к берегам Тавриды, в шесть дней овладел Кафою, где в первый раз кровь Русская пролилася от меча Оттоманов: там находилось множество наших купцов; некоторые из них лишились жизни, другие имения и вольности. Генуэзцы ушли в Манкуп, как в неприступное место; но Визирь осадил и сию крепость. Пишут, что ее начальник, выехав на охоту, был взят в плен Турками и что осажденные, потеряв бодрость, искали спасения в бегстве, гонимые, убиваемые неприятелем. Истребив до основания державу Генуэзскую в Тавриде, более двух веков существовавшую, и покорив весь Крым Султану, Ахмет Паша возвратился в Константинополь с великим богатством и с пленниками, в числе коих был и

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Васильевича. Николай Михайлович Карамзин кага Менгли-Гирей с двумя братьями. Султан обласкал сего Хана, назвал законным Властителем Крыма и, велел изобразить его имя на монете, отправил господствовать над сим полуостровом в качестве своего присяжника. – Но Менгли-Гирей, еще не успев восстановить в Тавриде порядка, разрушенного Турецким завоеванием, был вторично изгнан оттуда Ахматом, Царем Золотой Орды, которого сын, предводительствуя сильным войском, овладел всеми городами Крымскими.

Иоанн, огорченный новым бедствием Менгли-Гирея, в то же время сведал, что Ахмат, добровольно или принужденно, уступил Тавриду Царевичу Зенебеку, который прежде искал службы в России. Зенебек, став Ханом Крымским, не ослепился своим временным счастьем, предвидел опасности и прислал в Москву чиновника, именем Яфара Бердея, узнать, может ли он, в случае изгнания, найти у нас безопасное убежище. Великий Князь ответствовал ему чрез гонца: «Еще не имея ни силы, ни власти и будучи единственно Козаком, ты спрашивал у меня, найдешь ли отдохновение в земле моей, если конь твой утрудится в поле? Я обещал тебе безопасность и спокойствие. Ныне радуюсь твоему благополучию; но если обстоятельства переменятся, то считай мою землю верным для себя пристанищем». Сей гонец должен был изъясниться с Зенебеком наедине и предложить ему возобновление союза, заключенного между Россией и Менгли-Гиреем.

В сем сношении не было слова о Царе Большой Орды, Ахмате, который, несмотря на свое неудачное покушение смирить Иоанна оружием, еще именовался нашим верховным Властителем и требовал дани. Пишут, что Великая княгиня София, жена хитрая, честолюбивая, не преставала возбуждать супруга к свержению ига, говоря ему ежедневно: «Долго ли быть мне рабынею Ханскою?» В Кремле находился особенный для Татар дом, где жили Послы, чиновники и купцы их, наблюдая за всеми поступками Великих Князей, чтобы извещать о том Хана: София не хотела терпеть столь опасных лазутчиков; послала дары жене Ахматовой и писала к ней, что она, имев какое-то видение, желает создать храм на Ординском подворье (где ныне церковь Николая Гостунского): просит его себе и дает вместо одного другое. Царица согласилась: дом разломали, и Татары, выехав из него, остались без пристанища: их уже не впускали в Кремль. Пишут еще, что София убедила Иоанна не встречать Послов Ординских, которые обыкновенно привозили с собою басму, образ или болван Хана, что древние Князья Московские всегда выходили пешие из города, кланялись им, подносили кубок с молоком кобыльим и, для слушания Царских грамот подстилая мех соболий под ноги чтецу, преклоняли колена. На месте, где бывала сия встреча, создали в Иоанново время церковь, именуемую доньне Спасом на Болвановке. Однако ж, в надежде скоро видеть гибель Орды как необходимое следствие внутренних ее междоусобий, Великий Князь уклонялся от войны с Ахматом и манил его обещаниями; платил ему, кажется, и некоторую дань: ибо в грамотах, тогда писанных, все еще упоминается о выходе Ординском. В 1474 году был в Улусах наш Посол Никифор Басенков, а в Москве Ханский, именем Карачук: с последним находилось 600 служителей и 3200 торговых людей, которые привели 40000 Азиатских лошадей для продажи в России. В 1475 году Дьяк Иоаннов, Лазарев, возвратился из Большой Орды с известием, что Хан отпустил Венецианского Посла, Тревизана, в Италию морем, не изъявив желанья воевать с Турками. Изгнав Менгли-Гирея из Крыма, Ахмат, ободренный сим успехом, велел гордо сказать Иоанну чрез Мурзу, именем Бочюка, чтобы он вспомнил древнюю обязанность Российских Князей и немедленно сам ехал в Орду поклониться Царю своему: Великий Князь дружелюбно угостил Бочюка, послал с ним в Улусы Тимофея Бестужева, вероятно, и дары, но не думал исполнять требования Ахматова.

В сие время мы имели сношения и с Иерсиею, где Царствовал славный Узун-Гассан, Князь племени Туркоманского, овладевший всеми странами Азии от Инда и Окса до Евфрата. Слыша о знаменитых успехах его оружия, деятельная Республика Венецианская отправила к нему Посла, именем Контарини, с предложением действовать общими силами против Магомета II. Контарини ехал туда через Польшу, Киев, Кафу, Мингрелию, Грузию и встретил в Экбатане чиновника Великокняжеского, Марка Руфа, Италиянского или Греческого уроженца, который имел переговоры с Царем Узунум. Великий Князь без сомнения искал дружбы Персидского завоевателя, с намерением угрожать ею Хану Большой Орды, Ахмату: сие тем вероятнее, что Узун-Гассан, семидесятилетний, но бодрый старец, вообще ненавидел Моголов, зависев некогда от Тамерлановых слабых наследников и владея южными берегами Каспийского моря, был в соседстве с Ахматовыми Улусами. Посол Московский отправился назад в Россию вместе с Персидским; в числе их спутников находился и Контарини: ибо – сведав, что Кафа завоевана Турками – он уже не хотел прежним путем возвратиться в Италию и вверил судьбу свою Марку Руфу, который взял с собою его и Монаха французского, Людовика, называвшегося Патриархом Антиохийским

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал и Послом Герцога Бургундского. Мы имеем описание их любопытного путешествия. Они ехали из Тифлиса через Кирополь, или Шамаху, богатую шелком, Дербент и Астрахань, где господствовали три брата, племянники Ахматовы. Город сей состоял из землянок, обнесенных худою стеною; а жители хвалились древнею торговою знаменитостию оною, сказывая, что ароматы, привозимые некогда в Венецию, шли от них Волгою и Доном. Тамошние купцы доставляли в Москву шелковые ткани, покупая в России меха и седла. Имя Великого князя было особенно уважаемо в Астрахани за его щедрость и приязнь к ее Ханам, которые ежегодно отправляли к нему Посольства. Марко Руф и Контарини с величайшею осторожностью ехали по степям Донским и Воронежским, боясь хищных Татар; не видали ничего, кроме неба и земли; часто имели недостаток в воде; не находили ни верных дорог, ни мостов; сами делали плоты, где надлежало переправляться через реки, и восхвалили милость Божию, когда достигли благополучно до Рязанской области, лесной, малонаселенной, но обильной хлебом, мясом, медом и совершенно безопасной для путешественников. Выехав из Астрахани 10 Августа, они прибыли в Москву 26 Сентября в 1476 году, увидев только два города на пути, Рязань и Коломну. Немедленно представленный Государю и три раза обедав за его столом вместе со многими Боярами, Контарини хвалит величественную Иоаннову наружность, осанку, приветливость, умное любопытство. «Когда я, – пишет он, – говоря с ним, из почтения отступал назад, сей Монарх всегда сам приближался ко мне, с отменным вниманием слушал мои слова; весьма, строго осуждал поступок нашего единоземца, Ивана Баптиста Тревизана, но уверял меня в своем особенном дружестве к Венецианской Республике; дозволил мне видеть и Великую Княгиню Софию, которая обошлась со мною весьма ласково, приказав, чтобы я кланялся от нее нашему Дожу и Сенату». Контарини жил в доме италийского зодчего, Аристотеля, но ему велено было переехать в другой. Не имея денег для пути, он ждал их с нетерпением из Венеции. Между тем Великий князь ездил осматривать границы юго-восточных областей своих, подверженных набегам степных Татар: когда же возвратился, то немедленно приказал, из уважения к Венецианской Республике, ссудить его из казны нужною суммою денег. Сверх того Контарини получил в дар тысячу червонцев и шубу. Перед отъездом обедав во дворце, он должен был выпить серебряную стопу крепкого меда и взять ее себе в знак особенной Государевой благосклонности. Иоанн дозволил ему не пить, сказав, что иноземцы могут не следовать Русским обычаям, и, прощаясь с ним (в Генваре 1477 года) весьма милостиво, желал, чтобы Республика Венецианская осталась навсегда другом Москвы. В то же время Великий князь отпустил и Монаха французского, Людовика, который, называя себя Патриархом Антиохийским, но исповедуя Веру Латинскую, был задержан в Москве как обманщик: ходатайство Контариниево и Марка Руфа возвратило ему свободу. – Одним словом, Контарини, строго осуждая тогдашние нравы Россиян, их нетрезвость, грубость, любовь к праздности, говорит о личных свойствах и разуме Иоанна с великою похвалою.

Глава III

Продолжение государствования Иоаннова. 1475–1481 г.

Совершенное покорение Новагорода. Обзорение истории его от начала до конца. Рождение Иоаннова сына, Василия-Гавриила. Посольство в Крым. Свержение ига Ханского. Ссора Великого князя с братьями. Поход Ахмата на Россию. Красноречивое послание Архиепископа Вассиана к Великому князю. Разорение Большой Орды и смерть Ахмата. Кончина Андрея Меньшого, брата Иоаннова. Посольство в Крым.

Таким образом до Тибра, моря Адриатического, Черного и пределов Индии обнимая умом государственную систему Держав, сей Монарх готовил знаменитость внешней своей Политики утверждением внутреннего состава России. – Ударил последний час Новгородской вольности! Сие важное происшествие в нашей Истории достойно описания подробного. Нет сомнения, что Иоанн воссел на престол с мыслию оправдать титул Великих князей, которые со времен Симеона Гордого именовались Государями всея Руси, желал ввести совершенное единовластие, истребить Уделы, отнять у князей и граждан права, несогласные с оным, но только в удобное время, пристойным образом, без явного нарушения торжественных условий, без насилия дерзкого и опасного, верно и прочно: одним словом, с наблюдением всей свойственной ему осторожности. Новгород изменял России, пристав к Литве; войско его было рассеяно, гражданство в ужасе: Великий князь мог бы тогда покорить сию область; но мыслил, что народ, веками приученный к выгодам свободы, не отказался бы вдруг от ее прелестных мечтаний; что внутренние бунты и мятежи развлекли бы силы Государства Московского, нужные для внешней безопасности; что должны старые навыки ослаблять новыми и стеснять вольность прежде уничтожения оной, дабы граждане, уступая право за правом, ознакомились с чувством своего бессилия,

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагалуслишком дорого платили за остатки свободы и наконец, утомляемые страхом будущих утеснений, склонились предпочесть ей мирное спокойствие неограниченной Государевой власти. Иоанн простил Новгородцев, обогатив казну свою их серебром, утвердив верховную власть Княжескую в делах судных и в Политике; но, так сказать, не спускал глаз с сей народной Державы, старался умножать в ней число преданных ему людей, питал несогласие между Боярами и народом, являлся в правосудии защитником невинности, делал много добра и обещал более. Если Наместники его не удовлетворяли всем справедливым жалобам истцов, то он винил недостаток древних законов Новгородских, хотел сам быть там, исследовать на месте причину главных неудовольствий народных, обуздать утеснителей, и (в 1475 году) действительно, призываемый младшими гражданами, отправился к берегам Волхова, поручив Москву сыну.

Сие путешествие Иоанново – без войска, с одною избранною, благородною дружиною – имело вид мирного, но торжественного величия: Государь объявил, что идет утвердить спокойствие Новагорода, коего знатнейшие сановники и граждане ежедневно выезжали к нему, от реки Цны до Ильменя, навстречу с приветствиями и с дарами, с жалобами и с оправданием: старые Посадники, Тысячские, люди Житые, Наместник и Дворецкий Великокняжеские, Игумены, чиновники Архиепископские. За 90 верст от города ожидали Иоанна Владыка Феофил, князь Василий Васильевич Шуйский-Гребенка, Посадник и Тысячский, Степенные, Архимандрит Юриева монастыря и другие первостепенные люди, коих дары состояли в бочках вина, белого и красного. Они имели честь обедать с Государем. За ними явились старосты улиц Новгородских; после Бояре и все жители Городища, с вином, с яблоками, винными ягодами. Бесчисленные толпы народные встретили Иоанна перед Городищем, где он слушал Литургию и ночевал; а на другой день угостил обедом Владыку, Князя Шуйского, Посадников, Бояр и 23 ноября [1475 г.] въехал в Новгород. Там, у врат Московских, Архиепископ Феофил, исполняя Государево повеление, со всем Клиросом, с иконами, крестами и в богатом Святительском облачении принял его, благословил и ввел в храм Софии, в коем Иоанн поклонился гробам древних Князей: Владимира Ярославича, Мстислава Храброго – и приветствуемый всем народом, изъявил ему за любовь благодарность; обедал у Феофила, веселился, говорил только слова милостивые и, взяв от хозяина в дар 3 постова ипрских сукон, сто корабельников (Нобилей, или двойных червонцев), рыбий зуб и две бочки вина, возвратился в свой дворец на Городище.

За днем пишествия следовали дни суда. С утра до вечера дворец Великокняжеский не затворялся для народа. Одни желали только видеть лицо сего Монарха и в знак усердия поднести ему дары; другие искали правосудия. Падение Держав народных обыкновенно предвещается наглыми злоупотреблениями силы, неисполнением законов: так было и в Новгороде. Правители не имели ни любви, ни доверенности граждан; пеклись только о собственных выгодах; торговали властью, теснили неприятелей личных, похлебствовали родным и друзьям; окружали себя толпами прислужников, чтобы их воплем заглушать на вече жалобы утесняемых. Целые улицы, чрез своих поверенных, требовали Государевой защиты, обвиняя первейших сановников. «Они не судьи, а хищники», – говорили челобитчики и доносили, что Степенный Посадник, Василий Ананьин, с товарищами приезжал разбоем в улицу Славкову и Никитину, отнял у жителей на тысячу рублей товара, многих убил до смерти. Другие жаловались на грабеж старост. Иоанн, еще следуя древнему обычаю Новгородскому, дал знать Вечу, чтобы оно приставило стражу к обвиняемым; велел им явиться на суд и, сам выслушав их оправдания, решил – в присутствии Архиепископа, знатнейших чиновников, Бояр – что жалобы справедливы; что вина доказана; что преступники лишаются вольности; что строгая казнь будет им возмездием, а для других примером. Обратив в ту же минуту глаза на двух Бояр Новгородских, Ивана Афанасьева и сына его, Елевферия, он сказал гневно: «Изыдите! вы хотели предать отечество Литве». Воины Иоанновы оковали их цепями, также Посадника Ананьина и Бояр, Федора Исакова (Марфина сына), Ивана Лошинского и Богдана. Сие действие самовластия поразило Новгородцев; но все, потупив взор, молчали.

На другой день Владыка Феофил и многие Посадники явились в Великокняжеском дворце, с видом глубокой скорби моля Иоанна, чтобы он приказал отдать заключенных Бояр на поруки, возвратив им свободу. «Нет, – отвечивал Государь Феофилу: – тебе, богомольцу нашему, и всему Новугороду известно, что сии люди сделали много зла отечеству и ныне волнуют его своими кознями». [1476 г.] Он послал главных преступников окованных в Москву; но, из уважения к ходатайству Архиепископа и Веча, освободил некоторых, менее виновных, приказав взыскать с них денежную пеню: чем и заключился грозный суд Великокняжеский. Снова начались пиры для Государя и продолжались около шести недель. Все знатнейшие люди угощали

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал его роскошными обедами: Архиепископ трижды; другие по одному разу, и дарили деньгами, драгоценными сосудами, шелковыми тканями, сукнами, ловчими птицами, бочками вина, рыбьими зубами и проч. Например, князь Василий Шуйский подарил три половинки сукна, три камки, тридцать корабельников, два кречета и сокола; Владыка – двести корабельников, пять поставов сукна, жеребца, а на проводы бочку вина и две меда; в другой же раз – триста корабельников, золотой ковш с жемчугом (весом в фунт), два рога, окованные серебром, серебряную мису (весом в шесть фунтов), пять сороков соболей и десять поставов сукна; Василий Казимер – золотой ковш (весом в фунт), сто корабельников и два кречета; Яков Короб – двести корабельников, два кречета, рыбий зуб и постав рудожелтого сукна; знатная вдова, Настасья Иванова, 30 корабельников, десять поставов сукна, два сорока соболей и два зуба. Сверх того Степенный Посадник, Фома, избранный на место сверженного Василия Ананьина, и Тысячский Есипов поднесли Великому Князю от имени всего Новагорода тысячу рублей. В день Рождества Иоанн дал у себя обед Архиепископу и первым чиновникам, которые пировали во дворце до глубокой ночи. Еще многие знатные чиновники готовили пиршества; но Великий Князь объявил, что ему время ехать в Москву, и только принял от них назначенные для него дары. Летописец говорит, что не осталось в городе ни одного зажиточного человека, который бы не поднес чего-нибудь Иоанну и сам не был одарен милостиво, или одежду драгоценною, или камкою, или серебряным кубком, соболями, конем и проч. – Никогда Новгородцы не изъявляли такого усердия к Великим Князьям, хотя оно происходило не от любви, но от страха: Иоанн ласкал их, как Государь может ласкать подданных, с видом милости и приветливого снисхождения.

Великий Князь, пируя, занимался и делами государственными. Правитель Швеции, Стен Стур, прислал к нему своего племянника, Орбана, с предложением возобновить мир, нарушенный впадением Россиян в Финляндию. Иоанн угостил Орбана, принял от него в дар статного жеребца и велел Архиепископу именем Новагорода утвердить на несколько лет перемирие с Швециею по древнему обыкновению. – Послы Псковские, вручив Иоанну дары, молили его, чтобы он не делал никаких перемен в древних уставах их отечества; а Князь Ярослав, тамошний Наместник, приехав сам в Новгород, жаловался, что Посадники и граждане не дают ему всех законных доходов. Великий Князь отправил туда Бояр, Василия Китая и Морозова, сказать Псковитянам, чтобы они в пять дней удовлетворили требованиям Наместника, или будут иметь дело с Государем раздраженным. Ярослав получил все желаемое. – Быв девять недель в Новгороде, Иоанн выехал оттуда со множеством серебра и золота, как сказано в летописи. Воинская дружина его стояла по монастырям вокруг города и плавала в избытке; брала, что хотела: никто не смел жаловаться. Архиепископ Феофил и знатнейшие чиновники проводили государя до первого стана, где он с ними обедал, казался весел, доволен. Но судьба сей народной державы уже была решена в уме его.

Заточение шести Бояр Новгородских, сосланных в Муром и в Коломну, оставило горестное впечатление в их многочисленных друзьях: они жаловались на самовластие Великокняжеское, противное древнему уставу, по коему Новгородец мог быть наказываем только в своем отечестве. Народ молчал, изъявляя равнодушие; но знатнейшие граждане взяли их сторону и нарядили Посольство к Великому Князю: сам Архиепископ, три Посадника и несколько житых людей приехали в Москву бить челом за своих несчастных Бояр. Два раза Владыка Феофил обедал во дворце, однако ж не мог умолить Иоанна и с горестию уехал на Страстной неделе, не хотев праздновать Пасхи с государем и с Митрополитом.

[1477 г.] Между тем решительный суд Великокняжеский полюбился многим Новгородцам так, что в следующий год некоторые из них отправились с жалобами в Москву; вслед за ними и ответчики, знатные и простые граждане, от Посадников до земледельцев: вдовы, сироты, Монахини. Других же позвал сам Государь: никто не дерзнул ослушаться. «От времен Рюрика (говорят Летописцы) не бывало подобного случая: ни в Киев, ни в Владимир не ездили судиться Новгородцы: Иоанн умел довести их до сего уничтожения». Еще он не сделал всего: пришло время довершить начатое.

Умное правосудие Иоанново пленяло сердца тех, которые искали правды и любили оную: утесненная слабость, оклеветанная невинность находили в нем защитника, спасителя, то есть истинного Монарха, или судию, не причастного низким побуждениям личности: они желали видеть судную власть в одних руках его. Другие, или завидуя силе первостепенных сограждан, или ласкаемые Иоанном, внутренне благоприятствовали самодержавию. Сии многочисленные друзья Великого Князя, может быть, сами собою, а может быть, и по согласию с ним замыслили следующую

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал хитрость. Двое из оных, чиновник Назарий и Дьяк Веча, Захария, в виде Послов от Архиепископа и всех соотечественников, явились пред Иоанном (в 1477 году) и торжественно наименовали его Государем Новгорода, вместо Господина, как прежде именовались Великие Князья в отношении к сей народной Державе. Вследствие того Иоанн отправил к Новгородцам Боярина, Феодора Давидовича, спросить, что они разумеют под назанием Государя? хотят ли присягнуть ему как полному Властителю, единственному законодателю и судии? соглашаются ли не иметь у себя Тиунов, кроме Княжеских, и отдать ему Двор Ярославов, древнее место Веча? Изумленные граждане ответствовали: «Мы не посылали с тем к Великому Князю; это ложь». Сделалось общее волнение. Они терпели оказанное Иоанном самовластие в делах судных как чрезвычайность, но ужаснулись мысли, что сия чрезвычайность будет уже законом, что древняя пословица: Новгород судится своим судом, утратит навсегда смысл и что Московские Тиуны будут решить судьбу их. Древнее Вече уже не могло ставить себя выше Князя, но по крайней мере существовало именем и видом: Двор Ярославов был святылицем народных прав: отдать его Иоанну значило торжественно и навеки отвергнуться оных. Сии мысли возмутили даже и самых мирных граждан, расположенных повиноваться Великому Князю, но в угодность собственному внутреннему чувству блага, не слепо, не под острием меча, готового казнить всякого по мановению самовластителя. Забвенные единомышленники Марфины восприняли как бы от глубокого сна и говорили народу, что они лучше его предвидели будущее; что друзья или слуги Московского Князя суть изменники, коих торжество есть гроб отечества. Народ остервенился, искал предателей, требовал мести. Схватили одного знаменитого мужа, Василия Никифорова, и привели на вече, обвиняя его в том, что он был у Великого Князя и дал клятву служить ему против отечества. «Нет, – ответствовал Василий: – я клялся Иоанну единственно в верности, в доброжелательстве, но без измены моему истинному Государю, Великому Новгороду; без измены вам, моим господам и братьям». Сего несчастного изрубили в куски топорами; умертвили еще Посадника, Захарию Овина, который ездил судиться в Москву и сам доносил гражданам на Василия Никифорова; казнили и брата его, Козьму, на дворе Архиепископском; многих иных ограбили, посадили в темницу, называя их советниками Иоанновыми: другие разбежались. Между тем народ не сделал ни малейшего зла Послу Московскому и многочисленной дружине его: сановники честили их, держали около шести недель и наконец отпустили именем Веча с такою грамотою к Иоанну: «Кланяемся тебе, Господину нашему, Великому Князю; а Государем не зовем. Суд твоим Наместникам будет на Городище по старине; но твоего суда, ни твоих Тиунов у нас не будет. Дворища Ярославля не даем. Хотим жить по договору, клятвенно утвержденному на Коростыне тобою и нами (в 1471 году). Кто же предлагал тебе быть Государем Новгородским, тех сам знаешь и казни за обман; мы здесь также казним сих лживых предателей. А тебе, Господин, челом бьем, чтобы ты держал нас в старине, по крестному целованию». Так писали они и еще сильнее говорили на вече, не скрывая мысли снова поддаться Литве, буде великий Князь не откажется от своих требований.

Но Иоанн не любил уступать и без сомнения предвидел отказ Новгородцев, желая только иметь вид справедливости в сем раздоре. Получив их смелый ответ, он с печалию объявил Митрополиту Геронтию, матери, Боярам, что Новгород, произвольно дав ему имя Государя, запирается в том, делает его лжецом пред глазами всей земли Русской, казнит людей, верных своему законному Монарху, как злодеев, и грозится вторично изменить святейшим клятвам, православию, отечеству. Митрополит, Двор и вся Москва думала согласно, что сии мятежники должны почувствовать всю тягость Государева гнева. Началось молебствие в церквах; раздавали милостыню по монастырям и богадельням; отправили гонца в Новгород с грамотою складною, или с объявлением войны, и полки собрались под стенами Москвы. Медленный в замыслах важных, но скорый в исполнении, Иоанн или не действовал, или действовал решительно, всеми силами: не осталось ни одного местечка, которое не прислало бы ратников на службу Великокняжескую. В числе их находились и жители областей Кашинской, Бежецкой, Новоторжской: ибо Иоанн присоединил к Москве часть сих тверских и Новгородских земель.

Поручив столицу юному Великому Князю, сыну своему, он сам выступил с войском 9 октября, презирая трудности и неудобства осеннего похода в местах болотистых. Хотя Новгородцы и взяли некоторые меры для обороны, но знали слабость свою и прислали требовать опасных грамот от Великого Князя для Архиепископа Феофила и Посадников, коим надлежало ехать к нему для мирных переговоров. Иоанн велел остановить сего посланного в Торжке, также и другого; обедал в Волоке у брата, Бориса Васильевича, и был встречен именитым Тверским Вельможею, Князем Микулинским, с учтивым приглашением заехать в Тверь, отведать хлеба-соли у Государя его, Михаила. Иоанн вместо угощения требовал полков, и Михаил не смел

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагда
ослушаться, заготовив, сверх того, все нужные съестные припасы для войска
Московского. Сам Великий Князь шел с отборными полками между Яжелбицкою дорогою
и Мстю; царевич Данияр и Василий Образец по замсте; Даниил Холмский пред
Иоанном с Детьми Боярскими, Владимирцами, Переславцами и Костромитянами; за ним
два Боярина с Дмитровцами и Кашинцами; на правой стороне Князь Симеон
Ряполовский с Суздальцами и Юрьевцами: на левой – брат Великого Князя, Андрей
Меньший, и Василий Сабуров с Ростовцами, Ярославцами, Угличанами и Бежичанами; с
ними также Воевода матери Иоанновой, Семен Пешек, с ее Двором; между дорогами
Яжелбицкою и Демонскою – Князя Александр Васильевич и Борис Михайлович
Оболенские; первый с Колужанами, Алексинцами, Серпуховцами, Хотуничами,
Москвитянами, Радонежцами, Новоторжцами; второй с Можайцами, Волочанами,
Звенигородцами и Ружанами; по дороге Яжелбицкой – Боярин Федор Давидович с
Детьми Боярскими Двора Великокняжеского и Коломенцами, также Князь Иван
Васильевич Оболенский со всеми его братьями и многими Детьми Боярскими. 4 ноября
присоединились к войску Иоаннову полки Тверские, предводимые Князем Михаилом
Феодоровичем Микулинским.

В Еглине, ноября 8, Великий Князь потребовал к себе задержанных Новгородских
опасчиков (то есть присланных за опасными грамотами): Старосту Даниславской
улицы, Федора Калитина, и гражданина Житого, Ивана Маркова. Они смиренно ударили
ему челом, именуя его Государем. Иоанн велел им дать пропуск для Послов
Новгородских. – Между тем многие знатные Новгородцы прибыли в Московский стан
и вступили в службу к Великому Князю, или предвидя неминуемую гибель своего
отечества, или спасаясь от злобы тамошнего народа, который гнал всех Бояр,
подозреваемых в тайных связях с Москвою.

Ноября 19, в Палине, Иоанн вновь устроил войско для начатия неприятельских
действий: вверил передовой отряд брату своему, Андрею Меньшему, и трем
храбрейшим Воеводам: Холмскому с Костромитянами, Феодору Давидовичу с
Коломенцами, Князю Ивану Оболенскому-Стриге с Владимирцами; в правой руке велел
быть брату, Андрею Большему, с Тверским Воеводою, Князем Микулинским, с
Григорием Никитичем, с Иваном Житом, с Дмитровцами и Кашинцами; в левой брату,
Князю Борису Васильевичу, с Князем Васильем Михайловичем Верейским и с Воеводою
матери своей, Семеном Пешком: а в собственном полку Великокняжеском –
знатнейшему Боярину; Ивану Юрьевичу Патрикееву, Василию Образцу с Боровичами,
Симеону Ряполовскому, Князю Александру Васильевичу. Борису Михайловичу
Оболенскому и Сабурову с их дружинами, также всем Переславцам и Муромцам.
Передовой отряд должен был занять Бронницы.

Еще не довольный многочисленностию своей рати, Государь ждал Псковитян. Тамошний
Князь Ярослав, ненавидимый народом, но долго покровительствуемый Иоанном – был
даже в явной войне с гражданами, не смеявшими выгнать его, и пьяный имел с ними
битву среди города – наконец по указу Государеву выехал оттуда. Псковитяне
желали себе в Наместники Князя Василья Васильевича Шуйского: Иоанн отправил его
к ним из Торжка и велел, чтобы они немедленно вооружились против Новагорода.
Обыкновенное их благоразумие не изменилось и в сем случае: Псковитяне предложили
Новгородцам быть за них ходатаями у Великого князя; но получили в ответ: «Или
заклучите с нами особенный тесный союз как люди вольные, или обойдемся без
вашего ходатайства». Когда же Псковитяне, исполняя Иоанново приказание, грамотою
объявили им войну, Новгородцы одумались и хотели, чтобы они вместе с ними
послали чиновников к Великому Князю; но Дьяк Московский, Григорий Волнин,
приехав во Псков от Государя, нудил их немедленно сесть на коней и выступить в
поле. Между тем сделался там пожар: граждане письменно известили Иоанна о своей
беде, называли его Царем Русским и давали ему разуметь, что не время воевать
людям, которые льют слезы на пепле своих жилищ; одним словом, всячески
уклонялись от похода, предвидя, что в падении Новагорода может не устоять и
Псков. Отговорки были тщетны: Иоанн велел, и Князь Шуйский, взяв осадные орудия
– пушки, пищали, самострелы, – с семью Посадниками вывел рать Псковскую, которой
надлежало стать на берегах Ильменя, при устье Шелони.

Ноября 23 Великий Князь находился в Сытине, когда донесли ему о прибытии
Архиепископа Феофила и знатнейших сановников Новгородских. Они явились. Феофил
сказал: «Государь Князь Великий! я, богомолец твой, Архимандриты, Игумены и
Священники всех семи Соборов бьем тебе челом. Ты возложил гнев на свою отчину,
на Великий Новгород; огонь и меч твой ходят по земле нашей; кровь Христианская
льется. Государь! смилуйся: молим тебя со слезами: дай нам мир и освободи Бояр
Новгородских, заточенных в Москве!» А Посадники и Житые люди говорили так:
«Государь Князь Великий! Степенный Посадник Фома Андреев и старые Посадники,

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал Степенный Тысячский Василий Максимов и старые Тысячские, Бояре, Житые, купцы, черные люди и весь Великий Новгород, твоя отчина, мужи вольные, бьют тебе челом и молят о мире и свободе наших Бояр заключенных». Посадник Лука Федоров примолвил: «Государь! челобитье Великого Новгорода пред тобою: повели нам говорить с твоими Боярами». Иоанн не ответил ни слова, но пригласил их обедать за столом своим.

На другой день Послы Новгородские были с дарами у брата Иоаннова, Андрея Меньшого, требуя его заступления. Иоанн приказал говорить с ними Боярину, Князю Ивану Юрьевичу. Посадник Яков Короб сказал: «Желаем, чтобы Государь принял в милость Великий Новгород, мужей вольных, и меч свой унял». – Феофилакт Посадник: «Желаем освобождения Бояр Новгородских». – Лука Посадник: «Желаем, чтобы Государь всякие четыре года ездил в свою отчину, Великий Новгород, и брал с нас по тысяче рублей; чтобы Наместник его судил с Посадником в городе; а чего они не управят, то решит сам Великий князь, приехав к нам на четвертый год; но в Москву да не зовет судящихся!» – Яков Федоров: «Да не велит Государь вступаться своему Наместнику в особенные суды Архиепископа и Посадника!» – Житые люди сказали, что подданные Великокняжеские зовут их на суд к Наместнику и Посаднику в Новгороде, а сами хотят судиться единственно на Городище; что сие несправедливо и что они просят Великого князя подчинить тех и других суду Новгородскому. – Посадник Яков Короб заключил сими словами: «Челобитье наше пред Государем: да сделает, что ему Бог положит на сердце!»

Иоанн в тот же день велел Холмскому, Боярину Феодору Давидовичу, Князю Оболенскому-Стриге и другим Воеводам под главным начальством брата его, Андрея Меньшого, идти из Бронниц к Городищу и занять монастыри, чтобы Новгородцы не выжгли оных. Воеводы перешли озеро Ильмень по льду и в одну ночь заняли все окрестности Новгородские.

25 ноября Бояре Великокняжеские, Иван Юрьевич, Василий и Иван Борисовичи, дали ответ Послам. Первый сказал: «Князь Великий Иоанн Василиевич всея Руси тебе, своему богомольцу Владыке, Посадникам и Житым людям так ответствует на ваше челобитье». – Боярин Василий Борисович продолжал: «Ведаете сами, что вы предлагали нам, мне и сыну моему, чрез сановника Назария и Дьяка Вечевого, Захарию, быть вашими Государями; а мы послали Бояр своих в Новгород узнать, что разумеется под сим именем? Но вы заперлися, укоряя нас, Великих Князей, насилем и ложью; сверх того делали нам и многие иные досады. Мы терпели, ожидая вашего исправления; но вы более и более лукавствовали, и мы обнажили меч, по слову Господню: еще согрешит к тебе брат твой, обличи его наедине; еще не послушает, поими с собою два или три свидетеля: еще ли и тех не послушает, повеждь Церкви; еще ли и о Церкви нерадети начнет, будете яко же язычник и мытарь. Мы посылали к вам и говорили: уймьтесь, и будем вас жаловать. но вы не захотели того и сделались нам как бы чужды. И так, возложив упование на Бога и на молитву наших предков, Великих Князей Русских, идем наказывать дерзость». – Боярин Иван Борисович говорил далее именем Великого князя: «Вы хотите свободы Бояр ваших, мною осужденных; но ведаете, что весь Новгород жаловался мне на их беззакония, грабежи, убийства: ты сам, Лука Исаков, находился в числе истцов; и ты, Григорий Киприанов, от имени Никитиной улицы; и ты, владыка, и вы, Посадники, были свидетелями их уличения. Я мыслил казнить преступников, но даровал им жизнь, ибо вы молили меня о том. Пристойно ли вам ныне упоминать о сих людях?» – князь Иван Юрьевич заключил сими словами ответ Государев: «Буде Новгород действительно желает нашей милости, то ему известны условия».

Архиепископ и Посадники отправились назад с Великокняжеским приставом для их безопасности. – 27 ноября Иоанн, подступив к Новгороду с братом Андреем Меньшим и с юным Верейским князем, Василием Михайловичем, расположился у Троицы Паозерской на берегу Волхова, в трех верстах от города, в селе Лошинского, где был некогда дом Ярослава Великого, именуемый Ракомлею; велел брату стать в монастыре Благовещения, князю Ивану Юрьевичу в Юрьеве, Холмскому в Аркадьевском, Сабурову у Св. Пантелеймона, Александру Оболенскому у Николы на Мостищах, Борису Оболенскому на Сокове у Богоявления. Рязоловскому на Пидьбе, князю Василию Верейскому на Лисьей Горке, а Боярину Феодору Давидовичу и князю Ивану Стриге на Городище. 29 ноября пришел с полком брат Иоаннов, князь Борис Васильевич, и стал на берегу Волхова в Кречневце, селе Архиепископа. – 30 ноября Государь велел Воеводам отпускать половину людей для собрания съестных припасов до 10 декабря, а 11 число быть всем налицо, каждому на своем месте; и в тот же день послал гонца сказать Наместнику Псковскому, князю Василию Шуйскому, чтобы он спешил к Новгороду с огнестрельным снарядом.

Новгородцы хотели сперва изъявлять неустрашимость; дозволили всем купцам иноземным выехать во Псков с товарами: укрепились деревянною стеною по обеим сторонам Волхова; заградили сию реку судами; избрали Князя Василия Шуйского–Гребенку в военачальники и, не имея друзей, ни союзников, не ожидая ниоткуда помощи, обязались между собою клятвенною грамотою быть единомышленными, показывая, что надеются в крайности на самое отчаяние и готовы отразить приступ, как некогда предки их отразили сильную рать Андрея Боголюбского. Но Иоанн не хотел кровопролития, в надежде, что они покорятся, и взял меры для доставления всего нужного многочисленной рати своей. Исполняя его повеление, богатые Псковитяне отправили к нему обоз с хлебом, пшеничною мукою, калачами, рыбою, медом и разными товарами для вольной продажи: прислали также и мостников. Великокняжеский стан имел вид шумного торжища, изобилия; а Новгород, окруженный полками Московскими, был лишен всякого сообщения. Окрестности также представляли жалкое зрелище: воины Иоанновы не щадили бедных жителей, которые в 1471 году безопасно скрывались от них в лесах и болотах, но в сие время умирали там от морозов и голода.

Декабря 4 вторично прибыл к Государю Архиепископ Феофил с теми же чиновниками и молил его только о мире, не упоминая ни о чем ином. Бояре Московские, Князь Иван Юрьевич, Федор Давидович и Князь Иван Стрига отпустили их с прежним ответом, что Новгородцы знают, как надобно бить челом Великому Князю. – В сей день пришли к городу Царевич Данияр с Воеводою, Василием Образцом, и брат Великого Князя, Андрей Старший, с Тверским Воеводою: они расположились в монастырях Кириллове, Андрееве, Ковалевском, Болотове, На Деревенице и у Св. Николы на Острове.

Видя умножение сил и непреклонность Великого Князя – не имея ни смелости отважиться на решительную битву, ни запасов для выдержания осады долговременной – угрожаемые и мечом и голодом, Новгородцы чувствовали необходимость уступить, желали единственно длить время и без надежды спасти вольность надеялись переговорами сохранить хотя некоторые из ее прав. Декабря 5 Владыка Феофил с Посадниками и с людьми Житыми, ударив челом Великому Князю в присутствии его трех братьев, именем Новагорода сказал: «Государь! Мы, виновные, ожидаем твоей милости: признаем истину Посольства Назариева и Дьяка Захарии; но какую власть желаешь иметь над нами?» Иоанн ответствовал им чрез Бояр: «Я доволен, что вы признаете вину свою и сами на себя свидетельствуете. Хочу властвовать в Новгороде, как властвую в Москве». – Архиепископ и Посадники требовали времени для размышления. Он отпустил их с повелением дать решительный ответ в третий день. – Между тем пришло войско Псковское, и Великий Князь, расположив его в Бискупицах, в селе Федотине, в монастыре Троицком на Варяжи, приказал знаменитому своему художнику, Аристотелю, строить мост под Городищем, как бы для приступа. Сей мост, с удивительною скоростью сделанный на судах через реку Волхов, своею твердостью и красотою заслужил похвалу Иоаннову.

7 Декабря Феофил возвратился в стан Великокняжеский с Посадниками и с выборными от пяти Концов Новгородских. Иоанн выслал к ним Бояр. Архиепископ молчал: говорил только Посадники. Яков Короб сказал: «Желаем, чтобы Государь велел Наместнику своему судить вместе с нашим Степенным Посадником». – Феофил акт: «Предлагаем Государю ежегодную дань со всех волостей Новгородских, с двух сох гривну». – Лука: «Пусть Государь держит Наместников в наших пригородах; но суд да будет по старине». – Яков Федоров бил челом, чтобы Великий Князь не выводил людей из владений Новгородских, не вступался в отчины и земли Боярские, не звал никого на суд в Москву. Наконец все просили, чтобы Государь не требовал Новгородцев к себе на службу и поручил им единственно оберегать северо-западные пределы России. Бояре донесли о том Великому Князю и вышли от него с следующим ответом: «Ты, богомолец наш, и весь Новгород признали меня Государем; а теперь хотите мне указывать, как править вами?» – Феофил и Посадники били челом и сказали: «Не смеем указывать, но только желаем ведать, как Государь намерен властвовать в своей Новгородской отчине: ибо Московских обыкновений не знаем». Великий Князь велел своему Боярину, Ивану Юрьевичу ответствовать так: «Знайте же, что в Новгороде не быть ни Вечевому колоколу, ни Посаднику, а будет одна власть Государева: что как в стране Московской, так и здесь хочу иметь волости и села; что древние земли Великокняжеские, вами отнятые, суть отныне моя собственность. Но снисходя на ваше моление, обещаю не выводить людей из Новагорода, не вступаться в отчины Бояр и суд оставить по старине».

Прошла целая неделя. Новгород не присылал ответа Иоанну. Декабря 14 явился

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Васи́лиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал Феодил с чиновниками и сказал Боярам Великокняжеским: «Соглашаемся не иметь ни Веча, ни Посадника; молим только, молим Государь утолил навеки гнев свой и простил нас искренно, но с условием не выводить Новгородцев в Низовскую землю, не касаться собственности Боярской, не судить нас в Москве и не звать туда на службу». Великий Князь дал слово. Они требовали присяги. Иоанн ответствовал, что Государь не присягает. «Удовольствуемся клятвою Бояр Великокняжеских или его будущего Наместника Новгородского», – сказал Феодил и Посадники: но и в том получили отказ; просили опасной грамоты : и той им не дали. Бояре Московские объявили, что переговоры кончились. Тут любовь к древней свободе в последний раз сильно обнаружилась на Вече. Новгородцы думали, что Великий Князь хочет обмануть их и для того не дает клятвы в верном исполнении его слова. Сия мысль поколебала в особенности Бояр, которые не стояли ни за Вечевой колокол, ни за Посадника, но стояли за свои отчины. «Требуем битвы! – восклицали тысячи: – умрем за вольность и Святую Софию!» Но сей порыв великодушия не произвел ничего, кроме шума, и должен был уступить хладнокровию рассудка. Несколько дней народ слушал прение между друзьями свободы и мирного подданства: первые могли обещать ему одну славную гибель среди ужасов голода и тщетного кровопролития; другие жизнь, безопасность, спокойствие, целость имения: и сии наконец превозмогли. Тогда Князь Василий Васильевич Шуйский-Гребенка, доселе верный защитник свободных Новгородцев, торжественно сложил с себя чин их Воеводы и перешел в службу к Великому Князю, который принял его с особенною милостию.

29 декабря послы Веча, Архиепископ Феодил и знатнейшие граждане, снова прибыли в Великокняжеский стан, хотя и не имели опасы, изъявили смирение и молили, чтобы Государь, отложив гнев, сказал им изустно, чем жалует свою Новгородскую отчину. Иоанн приказал впустить их и говорил так: «Милость моя не изменилась; что обещал, то обещаю и ныне: забвение прошедшего, суд по старине, целость собственности частной, увольнение от Низовской службы; не буду звать вас в Москву; не буду выводить людей из страны Новгородской». Послы ударили челом и вышли; а Бояре Великокняжеские напомнили им, что Государь требует волостей и сел в земле их. Новгородцы предложили ему Луки Великие и Ржеву Пустую: он не взял. Предложили еще десять волостей Архиепископских и монастырских: не взял и тех. «Избери же, что тебе самом) угодно, – сказали они: – полагаемся во всем на Бога и на тебя». Великий Князь хотел половины всех волостей Архиепископских и монастырских: Новгородцы согласились, но убедили его не отнимать земель у некоторых бедных монастырей. Иоанн требовал верной описи волостей и в знак милости взял из Феодилых только десять: что вместе с монастырскими составляло около 2700 обож, или тягол, кроме земель Новоторжских, также ему отданных. – Прошло шесть дней в переговорах.

[1478 г.] Генваря 8 владыка Феодил, Посадники и житые люди молили Великого князя снять осаду: ибо теснота и недостаток в хлебе произвели болезни в городе так, что многие умирали. Иоанн велел Боярам своим условиться с ними о дани и хотел брать по семи денег с каждого земледельца; но согласился уменьшить сию дань втрое. «Желаем еще другой милости, – сказал Феодил: – молим, чтобы Великий Князь не посылал к нам своих писцов и данщиков, которые обыкновенно теснят народ; но да верит он совести Новгородской: сами исчислим людей и вручим деньги, кому прикажет; а кто утаит хотя единую душу, да будет казнен». Иоанн обещал.

Генваря 10 Бояре Московские требовали от Феодила и Посадников, чтобы двор Ярославов был немедленно очищен для Великого Князя и чтобы народ дал ему клятву в верности. Новгородцы хотели слышать присягу: Государь послал ее к ним в Архиепископскую палату с своим Подьячим. На третий день Владыка и сановники их сказали Боярам Иоанновым: «Двор Ярославов есть наследие Государей, Великих Князей: когда им угодно взять его, и с площадью, да будет их воля. Народ слышал присягу и готов целовать крест, ожидая всего от Государей, как Бог положит им на сердце и не имея уже иного упования». Дьяк Новгородский списал сию клятвенную грамоту, а Владыка и пять Концов утвердили оную своими печатями. Генваря 13 многие Бояре Новгородские, житые люди и купцы присягнули в стане Иоанновом. Тут Государь велел сказать им, что пригороды их, Заволочане и Двиняне будут оттоле целовать крест на имя Великих Князей, не упоминая о Новгороде; чтобы они не дерзали мстить своим единоплеменникам, находящимся у него в службе, ни Псковитянам, и в случае споров о землях ждали решения от Наместников, не присвоивая себе никакой своевольной управы. Новгородцы обещались и вместе с Феодилом просили, чтобы Государь благоволил изустно и громко объявить им свое милосердие. Иоанн, возвысив голос, сказал: «Прощаю и буду отныне жаловать тебя, своего богомольца, и нашу отчину, Великий Новгород».

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кага
Генваря 15 рушилось древнее Вече, которое до сего дня еще собиралось на Дворе
Ярослава. Вельможи Московские, Князь Иван Юрьевич, Феодор Давидович и
Стрига-Оболенский, вступив в палату Архиепископскую, сказали, что Государь, вняв
молению феофила, всего священного Собора, Бояр и граждан, навеки забывает вины
их, в особенности из уважения к ходатайству своих братьев, с условием, чтобы
Новгород, дав искренний обет верности, не изменял ему ни делом, ни мыслию. Все
знатнейшие граждане, Бояре, Житые люди, купцы целовали крест в Архиепископском
доме, а Дьяки и воинские чиновники Иоанновы взяли присягу с народа, с Боярских
слуг и жен в пяти концах. Новгородцы выдали Иоанну ту грамоту, кою они
условились стоять против него единодушно и которая скреплена была пятидесятью
осьмью печатями.

Генваря 18 все Бояре Новгородские, Дети Боярские и Житые люди били челом
Иоанну, чтобы он принял их в свою службу. Им объявили, что сия служба, сверх
иных обязанностей, повелевает каждому из них извещать Великого Князя о всяких
злых против него умыслах, не исключая ни брата, ни друга, и требует скромности в
тайнах Государевых. Они обещали то и другое. – В сей день Иоанн позволил городу
иметь свободное сообщение с окрестностями; Генваря 20 отправил гонца в Москву к
матери своей (которая без него постриглась в Инокони), к Митрополиту и к сыну с
известием, что он привел Великий Новгород во всю волю свою, на другой день
допустил к себе тамошних Бояр, Житых людей и купцев с дарами и послал своих
Наместников, Князя Ивана Стригу и брата его, Ярослава, занять Двор Ярославов; а
сам не ехал в город, ибо там свирепствовали болезни.

Наконец, 29 Генваря, в Четверток Масляной недели, он с тремя братьями и с Князем
Василием Верейским прибыл в церковь Софийскую, отслушал Литургию, возвратился на
Иаозерье и пригласил к себе на обед всех знатнейших Новгородцев. Архиепископ
пред столом поднес ему в дар панагию, обложенную золотом и жемчугами, струфово
яйцо, окованное серебром в виде кубка, чарку сердоликовую, хрустальную бочку,
серебряную мису в 6 фунтов и 200 корабельников, или 400 червонцев. Гости пили,
ели и беседовали с Иоанном.

Февраля 1 он велел взять под стражу Купеческого Старосту, Марка Памфилиева,
Февраля 2 славную Марфу Борецкую с ее внуком Василием Феодоровым (коего отец
умер в Муромской темнице), а после из Житых людей – Григория Киприанова, Ивана
Кузмина, Акинфа с сыном Романом и Юрия Репехова, отвезти в Москву и все их
имение описать в казну. Сии люди были единственной жертвою грозного Московского
Самодержавия, или как явные, непримиримые враги его, или как известные друзья
Литвы. Никто не смел за них вступиться. Февраля 3 Наместник Великокняжеский,
Иван Оболенский-Стрига, отыскал все письменные договоры, заключенные
Новгородцами с Литвою, и вручил их Иоанну. – Все было спокойно; но Великий
Князь прислал в город еще двух иных Наместников, Василия Китая и Боярина Ивана
Зиновьевича, для соблюдения тишины, велел им занять дом Архиепископский.

Февраля 8 Иоанн вторично слушал Литургию в Софийской церкви и обедал у себя в
стане с братом Андреем Меньшим, с Архиепископом и знатнейшими Новгородцами.
Февраля 12 Владыка Феофил пред обеднею вручил Государю дары: цепь, две чары и
ковш золотые, весом около девяти фунтов; вызолоченную кружку, два кубка, мису и
пояс серебряные, весом в тридцать один фунт с половиною, и 200 корабельников. –
Февраля 17, рано поутру, Великий князь отправился в Москву; на первом стане, в
Ямнах, угостил обедом Архиепископа, Бояр и Житых людей Новгородских; принял от
них несколько бочек вина и меда; сам отдал всех, отпустил с милостию в
Новгород и приехал в столицу 5 Марта. Вслед за ним привезли в Москву славный
вечевой колокол Новгородский и повесили его на колокольне Успенского собора, на
площади. – Если верить сказанию современного историка, Длугоша, то Иоанн
приобрел бессмертное богатство в Новгороде и нагрузил 300 возов серебром,
золотом, камнями драгоценными, найденными им в древней казне Епископской или у
Бояр, коих имение было описано, сверх бесчисленного множества шелковых тканей,
сукон, мехов и проч. Другие ценят сию добычу в 1400000 флоринов: что без
сомнения увеличено.

Так Новгород покорился Иоанну, более шести веков сльв в России и в Европе
Державою народною, или Республикою, и действительно имел образ Демократии: ибо
Вече гражданское присвоивало себе не только законодательную, но и высшую
исполнительную власть; избирало, сменяло не только Посадников, Тысячских, но и
Князей, ссылаясь на жалованную грамоту Ярослава Великого; давало им власть, но
подчиняло ее своей верховной; принимало жалобы, судило и наказывало в случаях
важных; даже с Московскими Государями, даже и с Иоанном заключало условия,

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кага взаимную клятвою утверждаемые, и в нарушении оных имея право мести или войны; одним словом, владычествовало как собрание народа Афинского или Франков на поле Марсовом, представляя лицо Новгорода, который именовался Государем. Не в правлении вольных городов Немецких – как думали некоторые Писатели, – но в первобытном составе всех Держав народных, от Афин и Спарты до Унтервальдена или Глариса, надлежит искать образцов Новгородской политической системы, напоминающей ту глубокую древность народов, когда они, избирая сановников вместе для войны и суда, оставляли себе право наблюдать за ними, свергать в случае неспособности, казнить в случае измены или несправедливости и решить все важное или чрезвычайное в общих советах. Мы видели, что Князья, Посадники, Тысячские в Новгороде судили тяжбы и предводительствовали войском: так древние Славяне, так некогда и все иные народы не знали различия между воинскою и судебною властью. Сердцем или главным составом сей Державы были Огнищане, или Житые люди, то есть домовитые, или владельцы: они же и первые воины, как естественные защитники отечества; из них выходили Бояре или граждане, знаменитые заслугами. Торговля произвела купцев: они, как менее способные к ратному делу, занимали вторую степень; а третью – свободные, но беднейшие люди, названные черными. Граждане Младшие явились в новейшие времена и стали между купцами и черными людьми. Каждая степень без сомнения имела свои права: вероятно, что Посадники и Тысячские избирались только из Бояр; а другие сановники из Житых, купцев и Младших граждан, но не из черных людей, хотя и последние участвовали в приговорах Веча. Бывшие Посадники, в отличие от Степенных, или настоящих, именуясь старыми, преимущественно уважались до конца жизни. – Ум, сила и властолюбие некоторых Князей, Мономаха, Всеволода III, Александра Невского, Калиты, Донского, сына и внука его, обуздывали свободу Новгородскую, однако ж не переменяли ее главных уставов, коими она столько веков держалась, стесняемая временно, но никогда не отказываясь от своих прав.

История Новгорода составляет любопытнейшую часть древней Российской. В самых диких местах, в климате суровом основанный, может быть, толпою Славянских рыбарей, которые в водах Ильмена наполняли свои мрежи изобильным ловом, он умел возвыситься до степени Державы знаменитой. Окруженный слабыми, мирными племенами Финскими, рано научился господствовать в соседстве; покоренный смелыми Варягами, заимствовал от них дух купечества, предприимчивость и мореплавание; изгнал сих завоевателей и, будучи жертвою внутреннего беспорядка, замыслил Монархию, в надежде доставить себе тишину для успехов гражданского общежития и силу для отражения внешних неприятелей; решил тем судьбу целой Европы Северной и, дав бытие, дав Государей нашему отечеству, успокоенный их властью, усиленный толпами мужественных пришельцев варяжских, захотел опять древней вольности: сделался собственным законодателем и судиею, ограничив власть Княжескую: воевал и купечествовал; еще в X веке торговал с Царемградом, еще во XII посылал корабли в Любек; сквозь дремучие леса открыл себе путь до Сибири и, горстию людей покорив обширные земли между Ладогою, морями Белым и Карским, рекою Обию и нынешнею Уфю, насадил там первые семена гражданственности и Веры Христианской; передавал Европе товары Азиатские и Византийские, сверх драгоценных произведений дикой природы; сообщал России первые плоды ремесла Европейского, первые открытия Искусств благодетельных; славясь хитростию в торговле, славился и мужеством в битвах, с гордостью указывая на свои стены, под коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбского; на Альту, где Ярослав Великий с верными Новгородцами победил злочестивого Святополка; на Липицу, где Мстислав храбрый с их дружиною сокрушил ополчение Князей Суздальских; на берега Невы, где Александр смирил надменность Биргера, и на поля Ливонские, где Орден Меченосцев столь часто уклонял знамена пред Святою Софиею, обращаясь в бегство. Такие воспоминания, питая народное честолюбие, произвели известную пословицу: кто против Бога и Великого Новгорода? Жители его хвалились и тем, что они не были рабами Моголов, как иные Россияне: хотя и платили дань Ординскую, но Великим Князьям, не зная Баскаков и не быв никогда подвержены их тиранству.

Летописи Республик обыкновенно представляют нам сильное действие страстей человеческих, порывы великодушия и нередко умиленное торжество добродетели среди мятежей и беспорядка, свойственных народному правлению: так и летописи Новгорода в неискusstvenной простоте своей являют черты, пленительные для воображения. Там народ, подвигнутый омерзением к злодействам Святополка, забывает жестокость Ярослава I, хотящего удалиться к Варягам, рассекает ладии, приготовленные для его бегства, и говорит ему: «Ты умертвил наших братьев, но мы идем с тобою на Святополка и Болеслава; у тебя нет казны: возьми все, что имеем». Здесь Посадник Твердислав, несправедливо гонимый, слышит вопль убийц, посланных вонзить ему меч в сердце, и велит нести себя больного на градскую

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кага
площадь, да умрет пред глазами народа, если виновен, или будет спасен его
защитою, если невинен; торжествует и навеки заключается в монастырь, жертвуя
спокойствию сограждан всеми приятностями честолюбия и самой жизни. Тут достойный
Архиепископ, держа в руке крест, является среди ужасов междоусобной брани;
возносит руку благословляющих, именует Новгородцев детьми своими, и стук оружия
умолкает: они смиряются и братски обнимают друг друга. В битвах с врагами
иноплеменными Посадники, Тысячские умирали впереди за Святую Софию. Святители
Новгородские, избираемые гласом народа, по всеобщему уважению к их личным
свойствам, превосходили иных достоинствами Пастырскими и гражданскими; истощали
казну свою для общего блага; строили стены, башни, мосты и даже посылали на
войну особенный полк, который назывался Владычным, будучи главными блюстителями
правосудия, внутреннего благоустройства, мира, ревностно стояли за Новгород и не
боялись ни гнева Митрополитов, ни мести Государей Московских. Видим также
некоторые постоянные правила великодушия в действиях сего часто легкомысленного
народа: таковым было не превозноситься в успехах, изъяслять умеренность в
счастьи, твердость в бедствиях, давать пристанище изгнанникам, верно исполнять
договоры, и слово: Новгородская честь, Новгородская душа служило иногда вместо
клятвы. – Республика держится добродетелию и без нее упадет.

Падение Новагорода ознаменовалось утратою воинского мужества, которое
уменьшается в державах торговых с умножением богатства, располагающего людей к
наслаждениям мирным. Сей народ считался некогда самым воинственным в России и
где сражался, там побеждал, в войнах междоусобных и внешних: так было до XIV
столетия. Счастьем спасенный от Батыя и почти свободный от ига Моголов, он более
и более успевал в купечестве, но слабел доблестию: сия вторая эпоха, цветущая
для торговли, бедственная для гражданской свободы, начинается со времен Иоанна
Калиты. Богатые Новгородцы стали откупаться серебром от Князей Московских и
Литвы; но вольность спасается не серебром, а готовностью умереть за нее: кто
откупается, тот признает свое бессилие и манит к себе Властелина. Ополчения
Новгородские в XV веке уже не представляют нам ни пылкого духа, ни искусства,
ни успехов блестящих. Что кроме неустройства и малодушного бегства видим в
последних решительных битвах за свободу? Она принадлежит льву, не агнцу, и
Новгород мог только избирать одного из двух Государей, Литовского или
Московского: к счастью, наследники Витовтовы не наследовали его души, и Бог
даровал России Иоанна.

Хотя сердцу человеческому свойственно доброжелательствовать Республикам,
основанным на коренных правах вольности, ему любезной; хотя самые опасности и
беспокойства ее, питая великодушие, пленяют ум, в особенности юный, малоопытный;
хотя Новгородцы, имея правление народное, общий дух торговли и связь с
образованнейшими Немцами, без сомнения отличались благородными качествами от
других Россиян, униженных тиранством Моголов: однако ж История должна прославить
в сем случае ум Иоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить
Россию твердым соединением частей в целое, чтобы она достигла независимости и
величия, то есть чтобы не погибла от ударов нового Батыя или Витовта; тогда не
ущелел бы и Новгород: взяв его владения, Государь Московский поставил одну грань
своего Царства на берегу Наровы, в угрозу Немцам и Шведам, а другую за Каменным
Поясом, или хребтом Уральским, где баснословная древность воображала источники
богатства и где они действительно находились в глубине земли, обильной
металлами, и во тьме лесов, наполненных соболями. – Император Гальба сказал: «Я
был бы достоин восстановить свободу Рима, если бы Рим мог пользоваться ею».
Историк Русский, любя и человеческие и государственные добродетели, может
сказать: «Иоанн был достоин сокрушить утлую вольность Новгородскую, ибо хотел
твердого блага всей России».

Здесь умолкает особенная История Новагорода. Прибавим к ней остальные известия о
судьбе его в государствование Иоанна. В 1479 году Великий Князь ездил туда,
сменил Архиепископа Феофила, будто бы за тайную связь с Литвою, и прислал в
Москву, где он через шесть лет умер в обители Чудовской как последний из
знаменитых народных Владык; преемником его был Иеромонах Троицкий, именем
Сергий, избранный по жребию из трех духовных особ: чем Великий Князь хотел
изъявить уважение к древнему обычаю Новгородцев, отняв у них право иметь
собственных Святителей. Сей Архиепископ, не любимый гражданами, через несколько
месяцев возвратился в Троицкую обитель за болезнь. Место его заступил Чудовский
Архимандрит Геннадий. – Не мог вдруг исчезнуть дух свободы в народе, который
пользовался ею столько веков, и хотя не было общего мятежа, однако ж Иоанн видел
неудовольствие и слышал тайные жалобы Новгородцев: надежда, что вольность может
воскреснуть, еще жила в их сердце; нередко обнаруживалась природная их

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Васи́лиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал строптивость; открывались и злые умыслы. Чтобы искоренить сей опасный дух, он прибегнул к средству решительному: в 1481 году велел взять там под стражу знатных людей: Василия Казимира с братом Яковом Коробом, Михаила Берденева и Луку Федорова, а скоро и всех главных Бояр, коих имущество, движимое и недвижимое, описали на Государя. Некоторых, обвиняемых в измене, пытали: они сами доносили друг на друга; но, приговоренные к смерти, объявили, что взаимные их доносы были клеветою, вынужденною муками: Иоанн велел разослать их по темницам; другим, явно невинным, дал поместья в областях Московских. В числе богатейших граждан, тогда заточенных, Летописец именует славную жену Анастасию и Боярина Ивана Козмина: у первой в 1476 году пировал Великий Князь с двором своим; а второй уходил в Литву с тридцатью слугами, но, будучи недоволен Казимиром, возвратился в отчизну и думал по крайней мере умереть там спокойно. – В 1487 году перевели из Новгорода в Владимир 50 лучших семейств купеческих. В 1488 году Наместник Новгородский, Яков Захарьевич, казнил и повесил многих житых людей, которые хотели убить его, и прислал в Москву более осьми тысяч Бояр, именитых граждан и купцов, получивших земли в Владимире, Муроме, Нижнем, Переславле, Юрьеве, Ростове, Костроме; а на их земли, в Новгород, послали Москвитян, людей служивых и гостей. Сим переселением был навеки усмирён Новгород. Остался труп: душа исчезла: иные жители, иные обычаи и нравы, свойственные Самодержавию. Иоанн в 1500 году, с согласия Митрополитова, роздал все Новгородские церковные имения в поместье Детям Боярским.

Один Псков еще сохранил древнее гражданское образование, вече и народных сановников, обязанный тем своему послушанию. Великий Князь, довольный его содействием в походе Новгородском, прислал ему в дар кубок и милостиво обещал не променять старины, а сведав, что Послы Великокняжеские делают там наглые обиды жителям, с гордостью отвергают дары Веча, но своевольно берут у граждан и поселян что им вздумается, он строго запретил такие насилия. В сем случае, как и в других, видим Иоанново правило соглашать вводимое им единовластие с уставом естественной справедливости и не отнимать ничего без вины. Псков удержал до времени свои законы гражданские, ибо не оспаривал Государевой власти отменить их.

Довольный славным успехом Новгородского похода, Иоанн скоро насладился и живейшею семейственною радостью. София была уже матерью трех дочерей: Елены, Феодосии и второй Елены; хотела сына и вместе с супругом печалилась, что Бог не исполняет их желания. Для сего ходила она пешком молиться в обитель Троицкую, где, как пишут, явился ей Св. Сергий, держа на руках своих благовидного младенца, приблизился к Великой княгине и ввергнул его в ее недра, София затрепетала от видения столь удивительного; с усердием облобызала мощи Святого и чрез девять месяцев родила сына, Василия-Гавриила. Сию повесть рассказывал сам Василий (уже будучи Государем) Митрополиту Иоасафу. После того София имела четырех сыновей: Георгия, Димитрия, Симеона, Андрея, дочерей Феодосию и Евдокию.

Покорение Новгорода есть важная эпоха сего славного княжения: следует другая, еще важнейшая: торжественное восстановление нашей государственной независимости, соединенное с конечным падением Большой, или Золотой Орды. Тут ясно открылась мудрость Иоанновой Политики, которая неусыпно искала дружбы Ханов Таврических, чтобы силою их обуздывать Ахмата и Литву. Недолго Зенебек господствовал в Тавриде: Менгли-Гирей изгнал его, воцарился снова и прислал известить о том Иоанна, который немедленно отправил к нему гонца с поздравлением, а скоро (в 1480 году) и Боярина, Князя Ивана Звенца. Сей Посол должен был сказать Хану, что Великий Князь, из особенной к нему дружбы, принял к себе не только изгнанного Царя Зенебека, но и двух братьев Менгли-Гиреевых, Нордоулата и Айдара, живших прежде в Литве, дабы отнять у них способ вредить ему; что Государь согласен действовать с Менгли-Гиреем против Ахмата, если он будет ему поборником против Казимира Литовского. На сих условиях надлежало после заключить союз с Ханом: для чего и дали ему шертную, или клятвенную грамоту с повелением изъяснить Вельможам Крымским, сколь, усердно Государь доброжелательствует их Царю. Сверх того Боярин Звенец имел поручение отдать Хану наедине тайную грамоту, утвержденную крестным целованием и золотою печатю: сею грамотою, по желанию Менгли-Гирея написанною, Великий Князь обязывался дружески принять его в России, буде он в третий раз лишится престола; не только обходиться с ним как с Государем вольным, независимым, но и способствовать ему всеми силами к возвращению царства. Испытав непостоянство судьбы, умный, добрый Менгли-Гирей хотел взять меры на случай ее новых превратностей и заблаговременно изготовить себе убежище: сия печальная мысль расположила его к самому верному дружеству с Иоанном. Боярин Звенец успел совершенно в деле своем: заключили союз, искренностию и Политикою утвержденный;

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагда условились вместе воевать или мириться; наблюдать все движения Ахмата и Литвы; тайно или явно мешать их замыслам, вредным для той или другой стороны; наконец обеим державам, Москве и Крыму, действовать как единой во всех случаях.

Уверенный в дружбе Менгли-Гирея и в собственных силах, Иоанн, по известию некоторых Летописцев, решился вывести Ахмата из заблуждения и торжественно объявить свободу России следующим образом. Сей Хан отправил в Москву новых Послов требовать дани. Их представили к Иоанну: он взял басму (или образ Царя), изломал ее, бросил на землю, растоптал ногами; велел умертвить Послов, кроме одного, и сказал ему: «Спешి объявить Царю виденное тобою; что сделалось с его басмою и послами, то будет и с ним, если он не оставит меня в покое». Ахмат воскипел яростию. «Так поступает раб наш, Князь Московский!» – говорил он своим Вельможам и начал собирать войско. Другие Летописцы, согласнее с характером Иоанновой осторожности и с последствиями, приписывают ополчение Ханское единственно наущениям Казимировым. С ужасом видя возрастающее величие России, сей Государь послал одного служащего ему Князя Татарского, именем Акирея Муратовича, в Золотую Орду склонять Ахмата к сильному впадению в Россию, обещая с своей стороны сделать то же. Время казалось благоприятным: Орда была спокойна; племянник Ахматов, именем Касыда, долго спорил с дядею о царстве, наконец с ним примирился. Злобствуя на великого Князя за его ослушание и недовольный умеренностию даров его, Хан условился с Королем, чтобы Татарам идти из Волжских Улусов к Оке, а Литовцам к берегам Угры, и с двух сторон в одно время вступить в Россию. Первый сдержал слово, и летом (в 1480 году) двинулся к пределам Московским со всею Ордою, с племянником Касыдою, с шестью сыновьями и множеством Князей Татарских. – К ободрению врагов наших служила тогда и несчастная распря Иоаннова с братьями: обстоятельства ее достойны замечания.

Государь, сменив Наместника, бывшего в Великих Луках, Князя Ивана Оболенского-Лыка, велел ему заплатить большое количество серебра тамошним гражданам, которые приносили на него жалобы, отчасти несправедливые. Князь Лыко в досаде уехал к брату Иоаннову, Борису, в Волок Ламский, пользуясь древним правом Боярским переходить из службы Государя Московского к Князьям Удельным. Иоанн требовал сего беглеца от брата; но Борис отвечив: «не выдаю; а если он виновен, то нарядим суд». Вместо суда Великий Князь приказал Наместнику Боровскому тайно схватить Лыка, где бы то ни было, и скованного представить в Москву: что он и сделал. Князь Борис Васильевич оскорбился; писал к брату, Андрею Суздальскому, о сем беззаконном насилии и говорил, что Иоанн тиранствует, презирает святые древние уставы и единоутробных, не дал им части ни из Удела Юриева, ни из областей Новгородских, завоевав их вместе с ними; что терпению должен быть конец и что они не могут после того жить в Государстве Московском. Андрей был такого же мнения: собрав многочисленную дружину, оба с женами и детьми выехали из своих Уделов; не хотели слушать Боярина Иоаннова, посланного уговорить их; спешили к Литовской границе, злодействуя на пути огнем и мечом как в земле неприятельской; остановились в Великих Луках и требовали от Казимира, чтобы он за них вступился. Король, обрадованный сим случаем, дал город Витебск на содержание их семейств, к крайнему беспокойству всех Россиян, уstraшенных вероятности междоусобной войны. Между тем Великий Князь подозревал мать свою в тайном согласии с его братьями, зная отменную любовь ее к Андрею, и хотел быть великодушным: послал к ним Ростовского Святителя, Вассиана, с Боярином Василием Федоровичем образцом, и предлагал мир искренний, обещая Андрею, сверх наследственного Удела. Алексин и Калугу. Но братья с гордостью отвергнули все убеждения Вассиановы и милость Иоаннову.

Тогда услышали в Москве о походе Ахмата, который шел медленно, ожидая вестей от Казимира. Иоанн все предвидел: как скоро Золотая Орда двинулась, Менгли-Гирей, верный его союзник, по условию с ним напал на Литовскую Подолию и тем отвлек Казимира от содействия с Ахматом. Зная же, что сей последний оставил в своих Улусах только жен, детей и старцев, Иоанн велел Крымскому Царевичу Нордоулату и Воеводе Звенигородскому, Князю Василью Ноздреватому, с небольшим отрядом сесть на суда и плыть туда Волгою, чтобы разгромить беззащитную Орду или по крайней мере уstraшить Хана. Москва в несколько дней наполнилась ратниками. Передовое войско уже стояло на берегу Оки. Сын Великого Князя, младой Иоанн, выступил со всеми полками из столицы в Серпухов 8 июня [1480 г.]; а дядя его, Андрей Меньший, из своего Удела. Сам Государь еще оставался в Москве недель шесть; наконец, сведав о приближении Ахмата к Дону, 23 июля отправился в Коломну, поручив хранение столицы дяде своему, Михаилу Андреевичу Верейскому, и Боярину Князю Ивану Юрьевичу, Духовенству, купцам и народу. Кроме Митрополита, находился там Архиепископ Ростовский, Вассиан, старец ревностный ко славе отечества.

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал
Супруга Иоаннова выехала с двором своим в Дмитров, откуда на судах удалилась к
пределам Белоозера; а мать его, Инокиния Марфа, вняв убеждениям Духовенства, к
утешению народа осталась в Москве.

Великий Князь принял сам начальство над войском, прекрасным и многочисленным, которое стояло на берегах Оки реки, готовое к битве. Вся Россия с надеждою и страхом ожидала следствий. Иоанн был в положении Дмитрия Донского, шедшего сразиться с Мамаем: имел полки лучше устроенные, Воевод опытейших, более славы и величия; но зрелостию лет, природным хладнокровием, осторожностью располагаемый не верить слепому счастью, которое иногда бывает сильнее доблести в битвах, он не мог спокойно думать, что один час решит судьбу России; что все его великодушные замыслы, все успехи медленные, постепенные, могут кончиться гибелию нашего войска, развалинами Москвы, новою тягчайшею неволею нашего отечества, и единственно от нетерпения: ибо Золотая Орда ныне или завтра должна была исчезнуть по ее собственным, внутренним причинам разрушения. Дмитрий победил Мамаю, чтобы видеть пепел Москвы и платить дань Тохтамышу: гордый Витовт, презирая остатки Капчакского Ханства, хотел одним ударом сокрушить их и погубил рать свою на берегах Ворсклы. Иоанн имел славолубие не воина, но Государя; а слава последнего состоит в целости Государства, не в личном мужестве: целость, сохраненная осмотрительною уклончивостию, славнее гордой отважности, которая подвергает народ бедствию. Сии мысли казались благоразумием Великому Князю и некоторым из Бояр, так что он желал, если можно, удалить решительную битву. Ахмат, слыша, что берега Оки к Рязанским пределам везде заняты Иоанновым войском, пошел от Дона мимо Мценска, Одоева и Любутска к Угре, в надежде соединиться там с Королевскими полками или вступить в Россию с той стороны, откуда его не ожидали. Великий Князь, дав повеление сыну и брату идти к Калуге и стать на левом берегу Угры, сам приехал в Москву, где жители посадов перебирались в Кремль с своим драгоценнейшим имением и, видя Иоанна, вообразили, что он бежит от Хана. Многие кричали в ужасе: «Государь выдает нас Татарам! Отягощал землю налогами и не платил дани ординской! Разгневил Царя и не стоит за отечество!» Сие неудовольствие народное, по словам одного Летописца, столь огорчило Великого Князя, что он не въехал в Кремль, но остановился в Красном селе, объявив, что прибыл в Москву для совета с матерью, Духовенством и Боярами. «Иди же смело на врага!» – сказали ему единодушно все духовные и мирские сановники. Архиепископ Вассиан, седой, ветхий старец, в великодушном порыве ревностной любви к отечеству воскликнул: «Смертным ли бояться смерти? Рок неизбежен. Я стар и слаб; но не убоюсь меча Татарского, не отвращу лица моего от его блеска». – Иоанн желал видеть сына и велел ему быть в столицу с Даниилом Холмским: сей пылкий юноша не поехал, ответствуя родителю: «Ждем татар»; а Холмскому: «Лучше мне умереть здесь, нежели удалиться от войска». Великий Князь уступил общему мнению и дал слово крепко противоборствовать Хану. В сие время он помирился с братьями, коих Послы находились в Москве; обещал жить с ними дружно, наделить их новыми волостями, требуя единственно, чтобы они спешили к нему с своею воинскою дружиною для спасения отечества. Мать, Митрополит, Архиепископ Вассиан, добрые советники, а всего более опасность России, к чести обеих сторон, прекратили вражду единокровных. – Иоанн взял меры для защиты городов; отрядил Дмитровцев в Переславль, Москвитян в Дмитров; велел сжечь посады вокруг столицы и 3 Октября, приняв благословение от Митрополита, поехал к войску. Никто нужнее Духовенства не ходатайствовал тогда за свободу отечества и за необходимость утвердить оную мечом. Первосвятытель Геронтий, знаменуя Государя крестом, с умилением сказал: «Бог да сохранит твое Царство и даст тебе победу, якоже древле Давиду и Константину! Мужайся и крепися, о сын духовный! как истинный воин Христов. Добрый пастырь полагает душу свою за овцы: ты не наемник! Избави врученное тебе Богом словесное стадо от грядущего ныне зверя. Господь нам поборник!» Все Духовные примолвили: Аминь! буди тако! и молили Великого Князя не слушать мнимых друзей мира, коварных или малодушных.

Иоанн приехал в Кременец, городок на берегу Лужи, и дал знать Воеводам, что будет оттуда управлять их движениями. Полки наши, расположенные на шестидесяти верстах, ждали неприятеля, отразив легкой передовой отряд его, который искал переправы через Угру. 8 Октября, на восходе солнца, вся сила Ханская подступила к сей реке. Сын и брат Великого Князя стояли на противном берегу. С обеих сторон пускали стрелы: Россияне действовали и пищалями. Ночь прекратила битву. На другой, третий и четвертый день опять сражались издали. Видя, что наши не бегут и стреляют метко, в особенности из пищалей, Ахмат удалился за две версты от реки, стал на обширных лугах и распустил войско по Литовской земле для соборания съестных припасов. Между тем многие Татары выезжали из стана на берег и кричали нашим: «Дайте путь Царю, или он силою дойдет до Великого Князя, а вам будет

Миновало несколько дней. Иоанн советовался с Воеводами: все изъявляли бодрость, хотя и говорили, что силы неприятельские велики. Но он имел двух любимцев, Боярина Ощеру и Григория Мамона, коего мать была сожжена Князем Иоанном Можайским за мнимое волшебство: сии, как сказано в летописи, тучные Вельможи любили свое имение, жен и детей гораздо более отечества и не преставали шептать Государю, что лучше искать мира. Они смеялись над геройством нашего Духовенства, которое, не имея понятия о случайностях войны, хочет кровопролития и битвы; напоминали Великому Князю о судьбе его родителя, Василия Темного, плененного Татарами, не устыдились думать, что Государи Московские, издревле обязывая себя клятвою не поднимать руки на Ханов, не могут без вероломства воевать с ними. Сии внушения действовали тем сильнее, что были согласны с правилами собственного опасливого ума Иоаннова. Любимцы его жалели своего богатства: он жалел своего величия, снисканного трудами осьмнадцати лет, и, не уверенный в победе, мыслил сохранить оное дарами, учтивостями, обещаниями. Одним словом, Государь послал Боярина, Ивана Федоровича Товаркова, с мирными предложениями к Ахмату и Князю Ординскому, Темиру. Но Царь не хотел слушать их, отвергнул дары и сказал Боярину: «Я пришел сюда наказать Ивана за его неправду, за то, что он не едет ко мне, не бьет челом и уже девять лет не платил дани. Пусть сам явится предо мною: тогда Князья наши будут за него ходатайствовать, и я могу оказать ему милость». Темир также не взял даров, ответствуя, что Ахмат гневен и что Иоанн должен у Царского стремени вымолить себе прощение. Великий Князь не мог унизиться до такой степени раболепства. Получив отказ, Ахмат сделался снисходительнее и велел объявить Иоанну, чтобы он прислал сына или брата, или хотя Вельможу, Никифора Басенка, угодника Ординского. Государь и на то не согласился. Переговоры кончились.

Сведав об них, Митрополит Геронтий, Архиепископ Вассиан и Паисий, Игумен Троицкий, убедительными грамотами напоминали Великому Князю обет его стоять крепко за отечество и веру. Старец Вассиан писал так:

«Наше дело говорить царям Истину: что я прежде изустно сказал тебе, славнейшему из владык земных, о том ныне пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу. Когда ты, вняв молению и доброй думе Митрополита, своей родительницы, благоверных Князей и Бояр, поехал из Москвы к воинству с намерением ударить на врага Христианского, мы, усердные твои богомольцы, денно и ночью припадали к олтарям Всевышнего, да увенчает тебя Господь победою. Что же слышим? Ахмат приближается, губит Христианство, грозит тебе и отечеству: ты же пред ним уклоняешься, молишь о мире и шлешь к нему Послов; а нечестивый дышит гневом и презирает твое моление!.. Государь! каким советам внимаешь? людей, недостойных имени Христианского. И что советуют? повергнуть ли щиты, обратиться ли в бегство? Но помысли, от какой славы и в какое уничижение низводят они твое величество! Предать землю Русскую огню и мечу, церкви разорению, тьмы людей погибели! Чье сердце каменное не изливается в слезах от единых мысли? О государь! кровь паствы вопиет на небо, обвиняя пастыря. И куда бежать? где воцаришься, погубив данное тебе Богом стадо? Взыгравши ли яко орел и посреди ли звезд гнездо себе устроишь? свергнет тебя Господь и отшуду ... Нет, нет! уповаем на Вседержителя. Нет, ты не оставишь нас, не явишься беглецом и не будешь именоваться предателем отечества!.. Отложи страх и возмогай о Господе в державе крепости Его! Един пожнет тысящу и два двигнут тьму, по слову мужа Святого: не суть боги их яко Бог наш! Господь мертвит и живит: Он даст силу твоим воинам. Язычник, философ Демокрит, в числе главных Царских добродетелей ставит прозорливость в мирских случаях, твердость и мужество. Поревнуй предкам своим: они не только землю Русскую хранили, но и многие иные страны покоряли; вспомни Игоря, Святослава, Владимира, коих данники были Цари Греческие, и Владимира Мономаха, ужасного для Половцев; а прадед твой великий, хвалы достойный Димитрий, не сих ли неверных Татар победил за Доном? Презирая опасность, сражался впереди; не думал: имею жену, детей и богатство; когда возьмут землю мою, вселюся инде – но стал в лицо Мамаю, и Бог осенил главу его в день брани. Неужели скажешь, что ты обязан клятвою своих предков не поднимать руки на Ханов? Но Димитрий поднял оную. Клятва принужденная разрешается Митрополитом и нами: мы все благословляем тебя на Ахмата, не Царя, но разбойника и богоборца. Лучше солгать и спасти Государство, нежели истинствовать и погубить его. По какому святому закону ты, Государь православный, обязан уважать сего злочестивого самозванца, который силою поработил наших отцов за их малодушие и воцарился, не будучи ни Царем, ни племени Царского? То было действием гнева Небесного; но Бог есть отец чадолюбивый: наказует и милует; древле потопил фараона и спас Израиля:

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кага спасет и народ твой, и тебя, когда покаянием очистишь свое сердце: ибо ты человек и грешен. Покаяние Государя есть искренний обет блюсти правду в судах, любить народ, не употреблять насилия, оказывать милость и виновным... Тогда Бог восставит нам тебя, Государя, яко древле Моисея, Иисуса и других, освободивших Израиля, да и новый Израиль, земля Русская, освободится тобою от нечестивого Ахмата, нового фараона: Ангелы снидут с небес в помощь твою; Господь пошлет тебе от Сиона жезл силы и одолеши врагов, и смятутся, и погибнут. Тако глаголет Господь: Аз воздвигох тя, Царя правды, и приях тя за руку десную, и укрепил тя, да послушают тебе языцы, и крепость Царей разрушиши; и Аз пред тобою иду, и горы сравню, и двери медные сокрошу, и затворы железные сломя ... и дарует тебе Всевышний Царство славное и сынам сынов твоих врод и род во веки. А мы Соборами Святительскими день и ночь молим Его, да рассыплются племена нечестивые, хотящие брани; да будут омрачены молниєю небесною и яко псы гладные да лижут землю языками своими! Радуется и веселимся, слыша о доблести твоей и Богом данного тебе сына: уже вы поразили неверных; но не забуди слова Евангельского: претерпевый до конца, той спасен будет. Наконец прошу тебя, Государь, не осудить моего художества; писано бо есть: дай мудрому вину, и будет мудрее. Да будет тако! Благословение нашего смирения на тебе, на твоём сыне, на всех Боярах и Воеводах, на всем христоролюбивом воинстве... Аминь».

Прочитав сие письмо, достойное великой души бессмертного мужа, Иоанн, как сказано в летописи, исполнился веселия, мужества и крепости: не мыслил более о средствах мира, но мыслил единственно о средствах победы и готовился к битве. Скоро прибыли к нему братья его, Андрей и Борис, с их многочисленною дружиною: не было ни упреков, ни извинений, ни условий; единокровные обнялись с видом искренней любви, чтобы вместе служить отечеству и Христианству.

Прошло около двух недель в бездействии: Россияне и Татары смотрели друг на друга чрез Угру, которую первые называли поясом Богоматери, охраняющим Московские владения. Ахмат послал лучшую свою конницу к городищу Опакову и велел ей украдкою переплыть Оку: Воеводы Иоанновы не пустили Татар на свой берег. Ахмат злобился; грозил, что морозы откроют ему путь через реки; ждал Литовцев и зимы. О Литовцах не было слуха; но в исходе Октября настали сильные морозы: Угра покрывалась льдом, и Великий Князь приказал всем нашим Воеводам отступить к Кременцу, чтобы сразиться с Ханом на полях Боровских, удобнейших для битвы.

Так говорил он; так, вероятно, и мыслил. Но Бояре и Князь изумились, а воины оробели, думая, что Иоанн страшится и не хочет битвы. Полки не отступали, но бежали от неприятеля, который мог ударить на них с тылу. Сделалось чудо, по словам Летописцев: Татары, видя левый берег Угры оставленный Россиянами, вообразили, что они манят их в сети и вызывают на бой, приготовив засады: объятый странным ужасом, Хан спешил удалиться [7 ноября]. Представилось зрелище удивительное: два воинства бежали друг от друга, никем не гонимые! Россияне наконец остановились; но Ахмат ушел восвояси, разорив в Литве двенадцать городов за то, что Казимир не дал ему помощи. Так кончилось сие последнее нашествие Ханское на Россию: Царь не мог ворваться в ее пределы; не вывел ни одного пленника Московского. Только сын его, Амуртоза, на возвратном пути захватил часть нашей Украины; но был немедленно изгнан оттуда братьями великого Князя, посланными с войском вслед за неприятелем. Один Летописец Казанский удовлетворительно изъясняет сие бегство Ахматово, сказывая, что Крымский Царевич Нордоулат и Князь Василий Ноздреватый счастливо исполнили повеление Иоанново: достигли Орды, взяли юрт Батыев (вероятно, Сарай), множество пленников, добычи и могли бы вконец истребить сие гнездо наших злодеев, если бы Улан Нордоулатов, именем Обуяз, не помешал тому своими представлениями. «Что делаешь? – сказал он своему Царевичу: – вспомни, что сия древняя Орда есть наша общая мать; все мы от нее родились. Ты исполнил долг чести и службы Московской: нанес удар Ахмату: довольно; не губи остатков!» Нордоулат удалился; а Хан, сведав о разорении Улусов, оставил Россию, чтобы защитить свою собственную землю. Сие обстоятельство служит к чести Иоаннова ума: заблаговременно взяв меры отвлечь Ахмата от России, Великий Князь ждал их действия и для того не хотел битвы. Но все другие Летописцы славят единственно милость Божию и говорят: «Да не похвалятся легкомысленные страхом их оружия! Нет, не оружие и не мудрость человеческая, но Господь спас ныне Россию!» Иоанн, распустив войско, с сыном и с братьями приехал в Москву славословить Всевышнего за победу, данную ему без кровопролития. Он не увенчал себя лаврами как победитель Мамаев, но утвердил венец на главе своей и независимость Государства. Народ веселился; а Митрополит оставил особенный ежегодный праздник Богоматери и Крестный ход Юния 23 в память освобождения России от ига Моголов: ибо здесь конец нашему рабству.

Ахмат имел участь Мамаю. Он вышел из Литвы с богатою добычею: Князь Шибанских, или Тюменских, Улусов, Ивак, желая отнять ее, с Ногайскими Мурзами, Ямгурчеем, Мусою и с шестнадцатью тысячами Козаков гнал за ним и от берегов Волги до Малого Донца, где сей Хан, близ Азова, остановился зимовать, распустив своих Уланов. Ивак приблизился ночью, окружил на рассвете Царскую белую вежу, собственною рукою умертвил спящего Ахмата, без сражения взял Орду, его жен, дочерей, богатство, множество Литовских пленников, скота; возвратился в Тюмень и прислал объявить Великому Князю, что злодей России лежит в могиле. Еще так называемая Большая Орда не совсем исчезла, и сыновья Ахматовы удержали в степях Волжских имя Царей; но Россия уже не поклонялась им, и знаменитая столица Батыева, где наши Князья более двух веков раболепствовали Ханам, обратилась в развалины, донныне видимые на берегу Ахтубы: там среди обломков гнездятся змеи и ехидны. – Отселе Татары Шибанские и Ногайские, коих Улусы находились между рекою Бузулуком и морем Аральским, являются действующими в нашей Истории и в сношениях с Москвою, нередко служа орудием ее Политике. Князь Ивак Тюменский хвалился происхождением своим от Чингиса и правом на трон Батыев, называя Ахмата, его братьев и сыновей детьми Темир-Кутлюя, а себя истинным Царем Бесерменским, искал дружбы Иоанновой и величался именем равного ему Государя, уже не дерзая требовать с нас дани и мыслить, чтобы Россияне были природными подданными всякого Хана Татарского.

Заметим тогдашнее расположение умов. Несмотря на благоразумные меры, взятые Иоанном для избавления Государства от злобы Ахматовой; несмотря на бегство неприятеля, на целость войска и Державы, Москвитяне, веселясь и торжествуя, не были совершенно довольны Государем: ибо думали, что он не явил в сем случае свойственного великим душам мужества и пламенной ревности жертвовать собою за честь, за славу отечества. Осуждали, что Иоанн, готовясь к войне, послал супругу в отдаленные Северные земли, думая о личной ее безопасности более, нежели о столице, где надлежало ободрить народ присутствием Великокняжеского семейства. Строго осуждали и Софию, что она без всякой явной опасности бегала с знатнейшими женами Боярскими из места в место, не хотела даже остаться и в Белозерске, уехала далее к морю и на пути позволяла многочисленным слугам своим грабить жителей как неприятелей. И так славнейшее дело Иоанново для потомства, конечное свержение Ханского ига, в глазах современников не имело полной, чистой славы, обнаружив в нем, по их мнению, боязливость или нерешительность, хотя сия мнимая слабость происходит иногда от самой глубокой мудрости человеческой, которая не есть Божественная, и, предвидя многое, знает, что не предвидит всего.

Тем более народ славил твердость нашего Духовенства и в особенности Вассиана, коего послание к Великому Князю ревностные друзья отечества читали и переписывали с слезами умиления. Сей добродетельный старец едва имел время благословить начало государственной независимости в России: занемог и скончался [в 1481 году], оплакиваемый всеми добрыми согражданами. Славная память его осталась навеки неразлучною с памятию нашей свободы. – Тогда же преставился и брат Великого Князя, Андрей Меньший, любимый народом за верность и бодрую деятельность, оказанную им против Ахмата. В духовном завещании он признает себя должником Иоанна, получив от него 30000 рублей для платежа в Орды, в Казань и Царевичу Даниярю; велит выкупить разные вещи, отданные им в залог Ивану Фрязину и другим; не оставив ни детей, ни жены, отказывает государю Удел свой, его сыновьям иконы, кресты, поясы и цепи золотые, братьям Андрею и Борису некоторые волости, Троицкому монастырю 40 деревень на Вологде и проч. Таким образом, делая себя единственным наследником своих ближних, умирающих бездетными, Великий Князь новыми договорными грамотами утвердил за Андреем старшим, за Борисом и за детьми их Уделы родительские с частью Московских пошин; дал еще первому город Можайск, а второму несколько сел, с условием, чтобы они не вступались в его приобретения, настоящие и будущие. В сих грамотах упоминается об издержках Ординских: хотя Великий Князь уже не мыслил быть данником, но предвидел необходимость подкупать Татар, чтобы располагать их остальными силами в нашу пользу. Содержание Царевича Данияря и братьев Менгли-Гиреевых, Нордоулата и Айдара, сосланного за что-то в Вологду; наконец дары, посылаемые в Тавриду, в Казань, в Ногайские Улусы, требовали немалых расходов, в коих Андрей и Борис Васильевичи обязывались участвовать.

Благополучно отразив Ахмата, сведав о гибели его и миром с братьями успокоив как Россию, так и собственное сердце, Иоанн послал к Менгли-Гирею Боярина Тимофея Игнатъевича Скрябу, с известием о своем успехе и с напоминанием, чтобы сей Хан не забывал их договора действовать всегда общими силами против Волжской Орды и

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал Казимира, в случае, если преемники Ахматовы или Король замыслият опять воевать Россию. Боярин Тимофей должен был говорить в особенности с Князем крымским, Именком, нашим доброжелателем, и вручить его сыну, Довлетуку, опасную грамоту с золотою печатаю для свободного пребывания во всех Московских владениях: ибо Довлетек не веря спокойствию мятежной Тавриды, просил о том Иоанна. Странное действие судьбы: Россия, столь долго губимая Татарами, сделалась их покровительницею и верным убежищем в несчастиях!

Глава IV

Продолжение государствования Иоаннова. 1480–1490 г.

Война с Ливонским Орденом. Литовские дела. Хан Крымский опустошает Киев. Сыновья Ахматовы воюют с Крымским Ханом. Король Венгерский Матфей в дружбе с Иоанном. Брак сына Иоаннова с Еленю, дочерью Стефана, Господаря Молдавского. Завоевание Твери. Присоединение Удела Верейского к Москве. Князя Ростовские, Ярославские лишены прав Владетельных. Происшествия Рязанские. Покорение Казани. Сношения с Ханом Крымским. Посольство Муртозы, сына Ахматова, в Москву. Посольство Ногайское. Покорение Вятки. Завоевание земли Арской. Кончина Иоанна Младого. Казнь врача. Собор на еретиков Жидовских. Свержение Митрополита; избрание нового.

В сие время Иоанн предпринял нанести удар Ливонским Немцам. Еще в 1478 году, покоряя Новгород, Московская рать входила в их Нарвские пределы и возвратилась оттуда с добычею. Скоро после того купцы Псковские были задержаны в Риге и в Дерпте: у некоторых отняли товары, других заключили в темницу. Псковитяне сделали то же и с купцами Дерптскими; но не хотели войны и, считая себя в мире с Немцами, удивились, когда Рыцари заняли Вышегородок. Сие известие пришло во Псков ночью: ударили в Вечевой колокол; граждане собрались и на рассвете выступили против неприятеля. Оставив Вышегородок, Немцы явились под Гдовом. С помощью Великого Князя и с его Воеводою, Князем Андреем Никитичем Ногтем, присланным из Новагорода, Псковитяне заставили их бежать, сожгли костер на реке Эмбахе, взяли там несколько пушек, осаждали Дерпт и возвратились обремененные добычею. Сие впадение Россиян в Дерптскую землю описано самим Магистром Ливонским, Бернгардом, в донесении его к Главе Прусского Ордена; нет лютости, в которой бы он не обвинял их; убиение людей безоружных было легчайшим из злодейств, ими будто бы совершенных. Напомним читателю сказание Византийских Историков о свирепости древних Славян или повествование наших Летописцев о набегах Татарских; Россияне, по словам Бернгарда, едва ли не превзошли тогда сих варваров. Магистр готовил месть: сведав, что Воевода Московский, недовольный Псковитянами, ушел от них с своею дружиною и что Иоанн занят войною с Ахматом, Бернгард требовал помощи, людей и денег от Прусского Ордена; желая действовать всеми силами, но боясь упустить время, приступил к Изборску: не мог взять его и выжег только окрестности. Псковитяне, видя огонь и дым, жаловались на своего Князя, Василия Шуйского, что он пьет и грабит их, а защитить не умеет. Немцы обратили в пепел городок Кобылий, умертвив до четырех тысяч жителей, и наконец (в 1480 году, Августа 20) осадили Псков. Войско их, как пишут, состояло из 100000 человек, большею частию крестьян, худо вооруженных и совсем неспособных к ратным действиям, так, что необозримый стан его за рекою Великою походил на Цыганский: шум и беспорядок господствовали в оном. Но Псковитяне ужаснулись. Многие бежали, и сам Князь Шуйский уже садился на коня, чтобы следовать примеру малодушных: граждане остановили его; делали мирные предложения Магистру, с обрядами священными носили вокруг стен одежду своего незабвенного Героя Довмонта и наконец исполнились мужества. Бернгард, имея 13 Дерптских судов с пушками, старался зажечь город. Немцы пристали к берегу: тут Россияне, вооруженные секирами, мечами, камнями, устремились в бой и смяли их в реку. Немцы тонули, бросаясь на суда; а ночью, сняв осаду, ушли. «Мы тщетно предлагали Россиянам битву в поле, – говорит Бернгард в письме к начальнику Прусского Ордена: – река Великая не допустила нас до города». Ожидая нового нападения, Псковитяне требовали защиты от братьев Иоанновых, Андрея и Бориса, которые ехали тогда из Великих Лук в Москву с сильною дружиною; но сии Князья ответствовали, что им не время думать о Немцах, и мимоездом ограбили несколько деревень за то, как сказано в одной летописи, что Псковитяне, опасаясь Иоаннова гнева, не хотели принять к себе их Княгиню, бывших в Литве.

Магистр, испытав неудачу, распустил войско: сия оплошность дорого стоила бедной земле его. Сведав о неприятельских действиях Ордена и не имея уже других врагов, Иоанн послал Воевод, Князей Ивана Булгака и Ярослава Оболенского, с двадцатью

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Васи́лиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал тысячами на Ливонию, кроме особенных полков Новгородских, предводимых Наместниками, князем Василием Федоровичем и Боярином Иваном Зиновьевичем. Псков был местом соединения Российских сил, достаточных для завоевания всей Ливонии; но умеренный Иоанн не хотел оно́го, имея в виду иные, существеннейшие приобретения: желал единственно вселить ужас в Немцев и тем надолго успокоить наши северо-западные пределы. В исходе февраля 1481 году рать Великокняжеская, конница и пехота, вступила в Орденские владения и разделилась на три части: одна пошла к Мариенбургу, другая к Дерпту, третья к Вальку. Неприятель нигде не смел явиться в поле: Россияне целый месяц делали что хотели в земле его; жгли, грабили; взяли Феллин, Тарваст, множество людей, лошадей, колоколов, серебра, золота; захватили обоз Магистра: едва и сам Бернгард не попался им в руки, бежав из Феллина за день до их прихода. Некоторые города откупались: Летописец обвиняет корыстолюбие князей Булгака и Ярослава, тайно бравших с них деньги. Всех более потерпели Священники: Москвитяне ругались над ними, секли их и жгли, как сказано в бумагах Орденских; Дворян, купцев, земледельцев, жен, детей отправляли тысячами в Россию и тяжелые обозы с добычей. Весенняя распутица освободила наконец Ливонию: полки наши возвратились во Псков; а Бернгард, оплакивая судьбу Ордена, винил во всем Великого Магистра Прусского, не давшего ему помощи; другие же обвиняли Епископа Дерптского, который, имея свое особенное войско, не хотел действовать совокупно с Рыцарями. Но обстоятельство переменились: Орден три века боролся с Новгородцами и Псковитянами, часто несогласными между собою: единовластие давало России такую силу, что бытие Ливонии уже находилось в опасности. – В 1483 году Послы Иоанновы заключили в Нарве перемирие с Немцами на 20 лет.

С Литвою не было ни войны, ни мира. Иоанн предлагал мир, но требовал наших городов и земель, коими завладел Витовт; а король требовал Великих Лук и даже Новгорода. С обеих сторон недоброжелательствовали друг другу, стараясь вредить тайно и явно. Россия имела друзей в Литве между князьями единоверными: трое из них, Ольшанский, Михаил Олелькович и Федор Бельский, правнуки славного Ольгерда, будучи недовольны Казимиром, замыслили поддаться Иоанну с их Уделами в земле Сиверской. Сие намерение открылось: король велел схватить двух первых; а Бельский (в 1482 году) ушел в Москву, оставив в Литве юную супругу на другой день своей женитьбы. Так сказано о сем происшествии в наших летописях. Историк Польский говорит следующее: «Князья Северские, приехав в Вильну, хотели видеть Короля; но страж не позволил им войти во дворец и дверь прихлопнул одному из них ногу: Казимир осудил сего воина на смерть, однако ж не мог укротить тем злобы Князей: считая себя несносно обиженными и давно имея разные досады на правительство Литовское, к ним неблагосклонное за иноверие, они поддались Государю Московскому». Иоанн, в надежде воспользоваться услугами Бельского, принял его с отменною милостию и дал ему в отчину городок Демон.

Казимир поставил 10000 ратников в Смоленске, однако ж не смел начать войны; ласково угостил в Гродне чиновников Пскова и снисходительно удовлетворил всем их требованиям в спорных делах с Литвою; между тем советовал Ахматовым сыновьям, Сеид-Ахмату и Муртозе, тревожить Россию и старался отвлечь Хана Менгли-Гирея от нашего союза: в чем едва было и не успел, подкупив Вельможу Крымского, Именека, который склонил государя своего заключить (в 1482 году) мир с Литвою. Но Иоанн разрушил сей замысел: Послы Великокняжеские, Юрий Шестак и Михайло Кутузов, сильными представлениями заставили Менгли-Гирея снова объявить себя неприятелем Казимировым, так что он в 1482 году, осенью, со многочисленными конными толпами явился на берегах Днепра, взял Киев, пленил тамошнего Воеводу, Ивана Хотковича, опустошил город, сжег монастырь Печерский и прислал к Великому Князю дискос и потир Софийского храма, вылитые из золота. Сей случай оскорбил православных Москвитян, которые видели с сожалением, что Россия насылает варваров на единоверных жечь и грабить Святые церкви, древнейшие памятники нашего Христианства; но Великий Князь, думая единственно о выгодах государственных, изъявил благодарность Хану, убеждая его и впредь ревностно исполнять условия их союза. «Я с своей стороны, – приказывал к нему Иоанн, – не упускаю ни единого случая делать тебе удобное: содержу твоих братьев в России, Нордоулата и Айдара, с немалым убытком для казны моей». Великий Князь в самом деле поступал как истинный, усердный друг Менгли-Гиреев. Взаимная ненависть Ханов Крымской и Золотой Орды не прекратилась смертью Ахмата, несмотря на то, что Султан Турецкий, правом верховного Мусульманского Властителя, запретил им воевать между собою. Скитаясь в Донских степях с особенным своим Улусом, Царь Муртоза, при наступлении жестокой зимы (в 1485 году), искал убежища от голода в окрестностях Тавриды: Менгли-Гирей вооружился, пленил его, отослал в Кафу и разбил еще Улус князя Золотой Орды, Темира; но сей Князь в следующее лето, соединясь с другим

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал Ахматовым сыном, нечаянно напал на Тавриду – когда жители и воины ее занимались хлебопашеством, – едва не схватил самого Менгли-Гирея, освободил Муртозу и с добычею удалился в степи. Великий Князь, сведав о том, немедленно отрядил войско на Улусы Ахматовых сыновей и прислал к Менгли-Гирею многих Крымских пленников, вырученных Россиянами.

В Венгрии Царствовал Матфей Корвин, сын славного Гуниада, знаменитый остроумием и мужеством: будучи неприятелем Казимира, он искал дружбы Государя Московского и в 1482 году прислал к нему чиновника, именем Яна; а Великий Князь, приняв его благосклонно, вместе с ним отправил к Королю Дьяка Федора Курицына, чтобы утвердить договор, заключенный в Москве между сими двумя Государствами и разменяться грамотами. Обе Державы условились вместе воевать Королевство Польское в удобное для того время. – Венгрия, быв некогда в частых сношениях с южною Россиею, уже около двухсот лет как бы не существовала для нашей Истории: Иоанн возобновил сию древнюю связь, которая могла распространить славу его имени в Европе и способствовать нашему гражданскому образованию. Великий Князь требовал от Матфея, чтобы он доставил ему: 1) художников, умеющих лить пушки и стрелять из оных; 2) Размыслов, или Инженеров; 3) серебряников для делания больших и малых сосудов; 4) зодчих для строения церквей, палат и городов; 5) горных мастеров, искусных в добывании руды золотой и серебряной, также в отделении металла от земли. «У нас есть серебро и золото, – велел он сказать Королю: – но мы не умеем чистить руду. Услужи нам, и тебе услужим всем, что находится в моем Государстве». – Дьяк Курицын, возвращаясь в Москву, был задержан Турками в Белегороде, но освобожден старанием Короля и Менгли-Гирея. Новые взаимные Посольства, ласковые письма и дары утверждали сию приязнь. Иоанн (в 1488 году) подарил Матфею черного соболя с коваными золотыми ногтями, обсаженными крупным Новгородским жемчугом; в знак особенного уважения допускал к себе Послов Венгерских, изустно говорил с ними, позволял им садиться и сам подавал кубок вина. Зная, что дружество Государей бывает основано на Политике, он внимательно наблюдал Матфееву и предписывал своим Послам разведывать о всех его сношениях с Турциею, Римским Императором, с Богемиею и с Казимиром.

В сие время явилась новая знаменитая Держава в соседстве с Литвою и сделалась предметом Иоанновой политики. Мы говорили о начале Молдавского Княжества, управляемого Воеводами, коих имена едва нам известны до самого Стефана IV, или Великого, дерзнувшего обнажить меч на ужасного Магомета II и славными победами, одержанными им над многочисленными Турецкими воинствами, вписавшего имя свое в историю редких Героев: мужественный в опасностях, твердый в бедствиях, скромный в счастьях, приписывая его только Богу, покровителю добродетели, он был удивлением Государей и народов, с малыми средствами творя великое. Вера Греческая, сходство в обычаях, употребление одного языка в церковном служении и в делах государственных, необыкновенный ум обоих Властителей, Российского и Молдавского, согласие их выгод и правил служили естественною связию между ими. Стефан, кроме Турков, опасался честолюбивого Казимира и Менгли-Гирея: первый хотел, чтобы Молдавия зависела от Королевства Польского; второй, будучи присяжником Султана, угрожал ей нападением. Иоанн мог содействовать ее независимости и безопасности, обуздывая Короля страхом войны, а Менгли-Гирея дружественными представлениями, с условием, чтобы и Стефан, в случае нужды, помогал России усердно. Сей Воевода и Господарь – так называет он себя в своих грамотах, – противоборствуя насилиям Султанов, утеснителей Греции, имел еще особенное право на дружество зятя Палеологов, который принял герб их и с ним обязательство быть врагом Магометовых наследников.

Таким образом расположенные к искреннему союзу, Иоанн и Стефан утвердили оный семейственным: второй предложил выдать дочь свою, Елену, за старшего сына Иоаннова, избрав в посредницы мать Великого князя. Боярин Михаиле Плещеев с знатною дружиною в 1482 году отправился за невестою в Молдавию, где и совершилось обручение. Стефан отпустил дочь в Россию с своими Боярами: Ланком, Синком, Герасимом и с женами их. Она ехала через Литву: Казимир не только дал ей свободный путь, но и прислал дары в знак учтивости. Прибыв в Москву после Филиппова заговенья, Елена жила в Вознесенском монастыре у матери великого князя и до свадьбы имела время познакомиться с женихом. Их обвенчали в самый праздник Крещения. Увидим, что Судьба не благословила сего союза.

Хитрою внешнею Политикою утверждая безопасность Государства, Иоанн возвеличил его внутри новым успехом Единовластия. Он уже покорил Новгород, взял Двинскую землю, завоевал Пермь отдаленную; но в осьмидесяти верстах от Москвы видел Российское особенное княжество, Державу равного себе Государя, по крайней мере

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал именем и правами. Со всех сторон окруженная Московскими владениями, Тверь еще возвышала независимую главу свою, как малый остров среди моря, жгуче опасно угрожаемый потоплением. Князь Михаил Борисович, шурина Иоаннова, знал опасность и не верил ни свойству, ни грамотам договорным, коими сей Государь утвердил его независимость: надлежало по первому слову смиренно оставить трон или защитить себя иноземным союзом. Одна Литва могла служить ему опорой, хотя и весьма слабую, как то свидетельствовал жребий Новагорода; но личная ненависть Казимира к Великому Князю, пример бывших Тверских Владетелей, искони друзей Литвы, и легковерие надежды, всеяемое страхом в малодушных, обратили Михаила к Королю: будучи вдовцом, он вздумал жениться на его внучке и вступил с ним в тесную связь. Дотоле Иоанн, в нужных случаях располагая Тверским войском, оставлял шурина в покое: узнав же о сем тайном союзе и, как вероятно, обрадованный справедливым поводом к разрыву, немедленно объявил Михаилу войну (в 1485 году). Сей Князь, затрепетав, спешил умиловить Иоанна жертвами: отказался от имени равного ему брата, признал себя младшим, уступил Москве некоторые земли, обязался всюду ходить с ним на войну. Тверской Епископ был посредником, и Великий Князь, желая обыкновенно казаться умеренным, долготерпеливым, отсрочил гибель сей Державы. В мирной договорной грамоте, тогда написанной, сказано, что Михаил разрывает союз с Королем и без ведома Иоаннова не должен иметь с ним никаких сношений, ни с сыновьями Шемяки, Князя Можайского, Боровского, ни с другими Российскими беглецами; что он клянется за себя и за детей своих вовеки не поддаваться Литве; что Великий Князь обещает не вступаться в Тверь, и проч. Но сей договор был последним действием Тверской независимости: Иоанн в уме своем решил ее судьбу, как прежде Новгородскую; начал теснить землю и подданных Михайловых: если они чем-нибудь досаждали Москвитянам, то он грозил и требовал их казни; а если Москвитяне отнимали у них собственность и делали им самые несносные обиды, то не было ни суда, ни управы. Михаил писал и жаловался: его не слушали. Тверитяне, видя, что уже не имеют защитника в своем Государе, искали его в Московском: Князя Микулинский и Дорогобужский вступили в службу Великого Князя, который дал первому в поместье Дмитров, а второму Ярославль. Вслед за ними приехали многие Бояре Тверские. Что оставалось Михаилу? Готовить себе убежище в Литве. Он послал туда верного человека: его задержали и представили Иоанну письмо Михайлово к Королю, достаточное свидетельство измены и вероломства: ибо Князь Тверской обещался не сноситься с Литвою, а в сем письме еще возбуждал Казимира против Иоанна. Несчастный Михаил отправил в Москву Епископа и Князя Холмского с извинениями: их не приняли. Иоанн велел Наместнику Новгородскому, Боярину Якову Захарьевичу, идти со всеми силами ко Твери, а сам, провождаемый сыном и братьями, выступил из Москвы 21 Августа со многочисленным войском и с огнестрельным снарядом (вверенным искусному Аристотелю); Сентября 8 осадил Михайлову столицу и зажег предместье. Чрез два дня явились к нему все тайные его доброжелатели Тверские, Князья и Бояре, оставив Государя своего в несчастии. Михаил видел необходимость или спастись бегством, или отдаться в руки Иоанну; решился на первое и ночью ушел в Литву. Тогда Епископ, Князь Михаил Холмский с другими Князьями, Боярами и земскими людьми, сохранив до конца верность к их законному Властителю, отворили город Иоанну, вышли и поклонились ему как общему Монарху России. Великий Князь послал Бояр своих и Дьяков взять присягу с жителей; запретил воинам грабить; 15 Сентября въехал в Тверь, слушал Литургию в храме Преображения и торжественно объявил, что дарует сие Княжество сыну, Иоанну Иоанновичу; оставил его там и возвратился в Москву. Чрез некоторое время он послал Бояр своих в Тверь, в Старицу, Зубцов, Опоки, Клин, Холм, Новгородок описать все тамошние земли и разделить их на сохи для платежа казенных податей.

Столь легко исчезло бытие Тверской знаменитой Державы, которая от времен Святого Михаила Ярославича именовалась Великим Княжеством и долго спорила с Москвою о первенстве. Ее народ, уступая другим Россиянам в промышленности, славился мужеством и верностию к Государям. Князья Тверские имели до 40000 конного войска; но, будучи врагами Московских, не хотели участвовать в великом подвиге нашего освобождения и тем лишились права на общее сожаление в их бедствии. Михаил Борисович кончил дни свои изганным в Литве, не оставив сыновей.

Иоанн известил Матфея, Короля Венгерского, о покорении Твери и велел сказать ему: «Я уже начал воевать с Казимиром, ибо Князь Тверской его союзник. Наместники мои заняли разные места в Литовских пределах, и Хан Менгли-Гирей, исполняя мою волю, огнем и мечем опустошает Казимировы владения. И так помогай мне, как мы условились». Но Матфей, отняв тогда у Императора знатную часть Австрии и Вену, хотел отдохновения в старости. «Душевно радуюсь, — писал он к великому Князю, — успехам твоего единовластия в России. Я готов исполнить

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагда договор и вступить в землю общего врага нашего, когда узнаю, что ты всеми силами против него действуешь. Ожидаю сей вести». Между тем, возбуждай друг друга к войне Польской, они не начинали ее и занимались иными делами.

Взяв Тверь мечем, Иоанн грамотою присвоил себе Удел Верейский. Единственный сын и наследник Князя Михаила Андреевича, Василий, женатый на Гречанке Марии, Софииной племяннице, должен был еще при жизни родителя выехать из отечества, быв виною раздора в семействе Великокняжеском, как сказывает летописец. Иоанн, в конце 1483 года обрадованный рождением внука, именем Димитрия, хотел подарить невестке, Елене, драгоценное узорочье первой Княгини своей; узнав же, что София отдала его Марии или мужу ее, Василию Михайловичу Верейскому, так разгневался, что велел отнять у него все женино приданое и грозил ему темницею. Василий в досаде и страхе бежал с супругою в Литву; а великий князь, объявив его навеки лишенным отцовского наследия, клятвенною грамотою обязал Михаила Андреевича не иметь никакого сообщения с сыном-изменником и города Ярославца, Белоозера, Вереку по кончине своей уступить ему, Государю Московскому, в потомственное владение. Михаил Андреевич умер весною в 1485 году, сделав Великого Князя наследником и душеприкащиком, не смев в духовной ничего отказать сыну в знак благословения, ни иконы, ни креста, и моля единственно о том, чтобы Государь не пересушивал его судов.

Присоединяя Уделы к Великому Княжению, Иоанн искоренял и все остатки сей несчастной для Государства системы. Ярославль уже давно зависел от Москвы, но его Князья еще имели особенные наследственные права, несогласные с единовластием: они добровольно уступили их Государю. Половина Ростова еще называлась отчиною тамошних Князей, Владимира Андреевича, Ивана Ивановича, детей их и племянников: они продали ее Великому Князю. – Сим восстановилась целость северной Российской Державы, как была она при Андрее Боголюбском или Всеволоде III. Усиленное сверх того подданством Новагорода и всех его обширных владений, также Уделов Муромского и некоторых Черниговских, Великое Княжение Московское было уже достойно имени Государства. – Но Рязань еще сохраняла вид Державы особенной: любя сестру свою, Княгиню Анну, Иоанн позволял супругу и сыновьям ее господствовать там независимо. Зять его, Василий Иванович, преставился в 1483 году, отказав большему сыну, Ивану, Великое Княжение Рязанское, с городами Переславлем, Ростиславлем и Пронском, а Феодору меньшему Перевитеск и Старую Рязань с третью доходов Переславских. Сии два брата жили мирно, слушаясь родительницы, которая брала себе четвертую часть их всех казенных пошлин, и в 1486 году заключили между собою договор, чтобы одному наследовать после другого, если не будет у них детей, и чтобы никаким образом не отдавать своего княжества в иной род. Они боялись, кажется, чтоб Государь Московский не объявил себя их наследником.

Новый блестящий успех прославил оружие Иоанново. Еще в 1478 году Царь Казанский, нарушив клятвенные обеты, воевал зимою область Вятскую, приступал к ее городам, опустошил села и вывел оттуда многих пленников, будучи обманут ложною вестью, что Иоанн разбит Новгородцами и сам-четверт шел раненый в Москву. Великий Князь отмстил ему весною: Устюжане и Вятчане выжгли селения в окрестностях Камы; а Воевода Московский, Василий Образец, на берегах Волги: он доходил из Нижнего до самой Казани и приступил к городу; но страшная буря заставила его удалиться. Царь Ибрагим просил мира, заключил его и скоро умер, оставив многих детей от разных жен. Казань сделалась феатром несогласия и мятежа чиновников: одни хотели иметь Царем Магмет-Аминя, меньшего Ибрагимова сына, коего мать, именем Нурсалтан, дочь Темирова, сочеталась вторым браком с Ханом Таврическим, Менгли-Гиреем; другие держали сторону Алегама, старшего сына, и с помощью Ногаев возвели его на престол, к неудовольствию Иоанна, который доброжелательствовал пасынку своего друга, Менгли-Гирея, знал ненависть Алегамову к России и сверх того опасался тесного союза Казани с Ногаями. Юный Магмет-Аминь приехал в Москву: Великий Князь дал ему в поместье Коширу и наблюдал все движения Алегамовы. Воеводы Московские стояли на границах; вступали иногда и в Казанскую землю. Царь мирился; нелюбимый подданными, обещал быть нам другом, обманывал и злодействовал. Наконец Иоанн, видя непримиримую его злобу, в Апреле 1487 года послал Магмет-Аминя и славного Даниила Холмского с сильною ратию к Казани. Маия 18 Холмский осадил ее; Июля 9 взял город и Царя. Сию радостную весть привез в Москву Князь Федор Рязоловский: Иоанн велел петь молебны, звонить в колокола и с умилением благодарил небо, что Оно предало ему в руки Мамутеково Царство, где его отец, Василий Темный, лил слезы в неволе. Но мысль совершенно овладеть сим древним Болгарским Царством и присоединить оное к России еще не представлялась ему или казалась неблагоприятною: народ Веры Магометовой, духа ратного,

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал беспокойного, нелегко мог быть обуздан властью Государя Христианского, и мы еще не имели всегдашнего, непрременного войска, коему надлежало бы хранить страну завоеванную, обширную и многолюдную. Иоанн только назвался Государем Болгарии, но дал ей собственного Царя: Холмский его именем возвел Магмет-Аминя на престол, казил некоторых знатных Уланов, или Князей, и прислал Алегаму в Москву, где народ едва верил глазам своим, видя Царя Татарского пленником в нашей столице. Алегам с двумя женами был сослан в Вологду; а мать, братья и сестры его в Карголом на Белеозере.

Иоанн немедленно уведомил о сем счастливом происшествии Менгли-Гирея и в особенности Царицу Нурсалтан, умную, честолюбивую, желая, чтобы она, из благодарности за ее сына, им возвеличенного, способствовала твердости союза между Россиею и Крымом. Сия искренняя, взаимная приязнь не изменялась. Великий Князь уведомлял Менгли-Гирея о замыслах Ханов Ординских, о частых их сношениях с Казимиром; и, сведав, что они двинулись к Тавриде, отрядил Козаков с Нордоулатом, бывшим Царем Крымским, на Улусы Золотой Орды; велел и Магмет-Аминю тревожить ее нападениями; советовал также Менгли-Гирею возбудить Ногаев против сыновей Ахматовых. Сообщение между Тавридою и Россиею подвергалось крайним затруднениям, ибо Волжские Татары хватали в степях, кого встречали, на берегах Оскола и Мерли: для того Иоанн предлагал Хану оставить новый путь через Азов с условием, чтобы Турки освобождали Россиян от всякой пошлины. Сия безопасность пути нужна была не только для государственных сношений и купцов, но и для иноземных художников, вызываемых Великим Князем из Италии и ездивших в Москву через Кафу. Кроме обыкновенных гонцов, отправлялись в Тавриду и знаменитые Послы: в 1486 году Семен Борисович, в 1487 Боярин Дмитрий Васильевич Шеин, с ласковыми грамотами и дарами, весьма умеренными; например, в 1486 году Иоанн послал Царю три шубы – рысью, кунью и беличью, – три соболя и корабельник, жене его и брату, Калге Ямгурчею, по корабельнику, а детям по червонцу. За то и сам хотел даров: узнав, что Царица Нурсалтан достала славную Тохтамышеву жемчужину (которую, может быть, сей Хан похитил в Москве при Димитрии Донском), он неотступно требовал ее в письмах и наконец получил от Царицы. – Как истинный друг Мангли-Гирея, Иоанн способствовал его союзу с Королем Венгерским и не дал ему сделать важной политической ошибки. Сей случай достопамятен, показывая ум Великого Князя и простосердечие Хана. Братья Менгли-Гиреевы, Айдар и Нордоулат, добровольно приехав в Россию, уже не имели свободы выехать оттуда. Хан Золотой Орды, Муртоза, желал переманить Нордоулата к себе и (в 1487 году) прислал своего чиновника в Москву с письмами к нему и к Великому Князю, говоря первому: «Брат и друг мой, сердцем праведный, величеством знаменитый, опора Бесерменского Царства! Ты ведаешь, что мы дети единого отца; предки наши, омраченные властолюбием, восстали друг на друга: немало было зла и кровопролития; но раздоры утихли: следы крови омылись млеком, и пламень вражды погас от воды любовной. Брат твой, Менгли-Гирей, снова возбудил междоусобие: за что господь наказал его столь многими бедствиями. Ты, краса отечества, живешь среди неверных: сего мы не можем видеть спокойно и шлем твоему величеству тяжелый поклон с легким даром чрез слугу, Ших-Баглула: открой ему тайные свои мысли. Хочешь ли оставить страну злочестия? Мы пишем о том к Ивану. Где ни будешь, будь здрав и люби наше братство». Письмо к Великому князю содержало в себе следующее: «Муртозино слово Ивану. Знай, что Царь Нордоулат всегда любил меня: отпусти его, да возведу на Царство, свергнув моего злодея, Менгли-Гирея. Удержи в залог жену и детей Нордоулатовых: когда он сядет на престол, тогда возьмет их у тебя добром и любовью». Великий Князь посмеялся над гордостью Муртозы; задержав его Посла, известил о том Менгли-Гирея и прибавил, что Король Польский тайно зовет к себе другого брата Ханского, Айдара. Но Менгли-Гирей, не весьма прозорливый, скучая множеством забот, сам желал уступить Нордоулату половину трона, чтобы он, вместе с ним Царствуя, своим умом и мужеством облегчил ему тягость власти. «Отправь его ко мне, – писал Менгли-Гирей к Иоанну: – мы забудем прошедшее. Айдара же не боюсь: пусть идет, куда хочет». Великий Князь отвечал, что не может исполнить требования столь неблагоразумного; что властолюбие не знает ни братства, ни благодарности; что Нордоулат, быв сам Царем в Тавриде, не довольствуется частью власти, имея дарования и многих единомышленников; что долг приязни есть остерегать приятеля и не соглашаться на то, что ему вредно. Сии представления образумили и, может быть, спасли Менгли-Гирея.

Несчастливая судьба Алегамы оскорбила Шибанских и Ногайских Владетелей, связанных с ним родством: Царь Ивак, Мурзы Алач, Муса, Ямгурчей и жена его прислали в Москву грамоты, убеждая в них освободить сего пленника. Ивак писал к Великому Князю: «Ты мне брат: я Государь Бесерменский, а ты Христианский. Хочешь ли быть в любви со мною? Отпусти моего брата, Алегаму. Какая тебе польза держать его в

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кага неволе? вспомни, что ты, заключая с ним договоры, обещал ему доброжелательство и приязнь». Мурзы изъявляли в своих письмах более смирения, говоря, что они шлют Великому Князю тяжелые поклоны с легким даром и ждут от него милости; что отцы их жили всегда в любви с Государями Московскими; что обстоятельства удаляли юрт Иваков от пределов России, но что сей Царь, победив недругов, снова к ней приблизился и хочет Иоанновой дружбы. Послы Ногайские желали еще, чтобы купцы их могли свободно приезжать к нам и торговать везде без пошлин. Государь велел объявить им следующий ответ: «Алегама, обманщика и клятвопреступника, мною сверженного, не отпускаю; а другом вашим быть соглашюсь, если Царь Ивак казнит разбойников, людей Алегамовых, которые у него живут и грабят землю мою и сына моего, Магмет-Аминя; если возвратит все похищенное ими ли не будет впредь терпеть подобных злодейств». В ожидании сего требуемого удовлетворения Иоанн задержал в Москве одного из Послов, отпустил других и велел, чтобы Ногайцы ездили в Россию всегда чрез Казань и Нижний, а не Мордовскую землю, как они приехали. Сии сношения продолжались и в следующие годы, представляя мало достопамятного для Истории. Видим только, что Орда Ногайская, кочуя на берегах Яика и близ Тюменя, имела разных Царей и сильных Мурз, или Князей Владетельных; называясь их другом, Иоанн говорил с ними языком повелителя; дозволил князю Мусе, внуку Эдигееву и племяннику Темирову, выдать дочь свою за Магмет-Аминя, но не велел последнему выдавать сестры за сына Мурзы Ногайского, Ямгурчя, коего люди, вместе с жителями Астраханскими, грабили наших рыболовов на Волге; несмотря на все убедительные просьбы Ногайских Владетелей, держал Алегама в неволе, отвечая: «из уважения к вам даю ему всякую льготу»; посылал к ним гонцов и дары, ипрские сукна, кречетов, рыбы зубы, не забывая и жен их, которые в своих приписках именовались его сестрами, но; строго наблюдая пристойность в Дворских обрядах и различая Послов, Великий Князь изъяснялся с Ногайскими единственно через второстепенных сановников, Казначеев и Дьяков. Главною целию Иоанновой Политики в рассуждении сего кочевого народа было возбуждать его против Ахматовых сыновей и не допускать до впадения в землю Казанскую, где Магмет-Аминь Царствовал как присяжник и данник России: ибо в тогдашних бумагах находим жалобу Магмед-Аминя на чиновника Московского, Федора Киселева, который сверх обыкновенных пошлин взял у жителей Цывильской области несколько кадок меда, лошадей, куниц, бобров, лисьих шкур и проч.

Подчинив себе Казань, Государь утвердил власть свою над Вяткою. В то время, когда Холмский действовал против Алегама, беспокойный ее народ, не менее своих братьев, Новгородцев, привязанный к древним уставам вольности, изъявил непослушание и выгнал Наместника Великокняжеского. Несмотря на многочисленность войска, бывшего в Казанском походе, Иоанн имел еще иное в готовности и послал Воеводу, Юрия Шестака-Кутузова, смирить мятежников; но Вятчане умели обольстить Кутузова: приняв их оправдание, он возвратился с миром. Великий Князь назначил других Полководцев, князя Даниила Щеню и Григорья Морозова, которые с 60000 воинов приступили к Хлынову. Жители обещались повиноваться, платить дань и служить службы Великому Князю, но не хотели выдать главных виновников бунта: Аникиева, Лазарева и Богодайщикова. Воеводы грозили огнем: велели окружить город плетнями, а плетни берестом и смолою. Оставалось несколько минут на размышление: Вятчане представили Аникиева с товарищами, коих немедленно послали окованных к Государю. Народ присягнул в верности. Ему дали новый устав гражданский, согласный с самодержавием, и вывели оттуда всех нарочитых земских людей, граждан, купцев с женами и детьми в Москву. Иоанн поселил русских людей в Боровске и в Кременце, купцев в Дмитрове, а трех виновнейших мятежников казнил: чем и пресеклось бытие сей достопамятной народной Державы, основанной выходцами Новгородскими в исходе второго-надесять века, среди пустынь и лесов, где в тишине и неизвестности обитали вотяки с Черемисами. Долго история молчала о Вятке: малочисленный ее народ, управляемый законами демократии, строил жилища и крепости, пахал землю, ловил зверей, отражал нападения Вотяков и, мало-помалу усиливаясь размножением людей, более и более успевая в гражданском хозяйстве, вытеснил первобытных жителей из мест привольных, загнал их во глубину болотистых лесов, овладел всею землею между Камою и Югом, устьем Вятки и Сысолою; начал торговать с Пермьями, Казанскими Болгарами, с восточными Новгородскими и Великокняжескими областями; но еще не довольный выгодами купечества, благоприятствуемого реками судоходными, сделался ужасен своими дерзкими разбоями, не щадя и самых единоплеменников. Вологда, Устюг, Двинская земля опасались сих Русских Норманов столько же, как и Болгария: легкие вооруженные суда их непрестанно носились по Каме и Волге. В исходе XIV века уже часто упоминается в летописях о Вятке. Полководец Тохтамыша выжег ее города: сын Донского присвоил себе власть над оною, внук стеснил там вольность народную, правнук уничтожил навеки. Воеводы Иоанновы вместе с Вяткою покорили и землю

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал Арскую (где ныне город Арск); сия область древней Болгарии имела своих князей, взятых тогда в плен и приведенных в Москву: государь отпустил их назад, обязав клятвою подданства.

Среди блестящих деяний государственных, ознаменованных мудростию и счастьем Венценовца, он был поражен несчастием семейственным. Достойный наследник Великого Князя, Иоанн Младой, любимый отцом и народом, пылкий, мужественный в опасностях войны, в 1490 году занемог ломотою в ногах (что называли тогда камчюгою). За несколько месяцев перед тем сыновья Рала Палеолога, быв в Италии, привезли с собою из Венеции, вместе с разными художниками, лекаря, именем Мистра Леона, родом Жидовина: он взялся вылечить больного, сказав Государю, что ручается за то своею головою. Иоанн поверил и велел ему лечить сына. Сей Медик, более смелый, нежели искусный, жег больному ноги стеклянными сосудами, наполненными горячею водою, и давал пить какое-то зелие. Недуг усилился: юный князь, долго страдав, к неописанной скорби отца и подданных скончался, имея от рождения 32 года. Иоанн немедленно приказал заключить Мистра Леона в темницу и через шесть недель казнил всенародно на Болванове за Москвою-рекою. В сем для нас жестоком деле народ видел одну справедливость: ибо Леон обманул Государя и сам себя обрек на казнь. Такую же участь имел в 1485 году и другой врач, немец Антон, лекарством уморив Князя Татарского, сына Даниярова: он был выдан родным головою и зарезан ножом под Москворецким мостом, к ужасу всех иноземцев, так, что и славный Аристотель хотел немедленно уехать из России: Иоанн разгневался и велел заключить его в доме; но скоро простил.

Строгий в наказании бедных неискусных врачей, сей Государь в то же время изъявил похвальную умеренность в случае важном для веры, в расколе столь бедственном, по выражению современника, Св. Иосифа Волоцкого, что благочестивая земля Русская не видала подобного соблазна от века Ольгина и Владимирова. Расскажем обстоятельства. Был в Киеве Жид именем Схариа, умом хитрый, языком острый: в 1470 году приехав в Новгород с князем Михаилом Олельковичем, он умел обольстить там двух Священников, Дионисия и Алексия; уверил их, что закон Моисеев есть единый Божественный; что история Спасителя выдумана; что Христос еще не родился; что не должно поклоняться иконам, и проч. Завелась Жидовская ересь. Поп Алексей назвал себя Авраамом, жену свою Саррою и развратил, вместе с Дионисием, многих Духовных и мирян, между коими находился Протоиерей Софийской церкви, Гавриил, и сын знатного Боярина, Григорий Михайлович Тучин. Но трудно понять, чтобы Схариа мог столь легко размножить число своих учеников Новгородских, если бы мудрость его состояла единственно в отвержении Христианства и в прославлении Жидовства: Св. Иосиф Волоцкий дает ему имя Астролога и чернокнижника: и так вероятно, что Схариа обольщал Россиян Иудейскою Кабалою, наукою пленительною для невежд любопытных и славною в XV веке, когда многие из самых ученых людей (например, Иоанн Пик Мирандольский) искали в ней разрешения всех важнейших загадок для ума человеческого. Кабалисты хвалились древними преданиями, будто бы дошедшими до них от Моисея; многие уверяли даже, что имеют книгу, полученную Адамом от Бога, и главный источник Соломоновой мудрости; что они знают все тайны природы, могут изъяснить сновидения, угадывать будущее, повелевать духами; что сею наукою Моисей восторжествовал над Египетскими волхвами, Илия повелевал огнем небесным, Даниил смыкал челюсти львам; что Ветхий Завет исполнен хитрых иносказаний, объясняемых кабалою; что она творит чудеса посредством некоторых слов Библии, и проч. Неудивительно, если сии внушения произвели сильное действие в умах слабых, и хитрый Жид, овладев ими, уверил их и в том, что Мессия еще не являлся в мире. – Внутренно отвергая святыню Христианства, Новгородские еретики соблюдали наружную пристойность, казались смиренными постниками, ревностными в исполнении всех обязанностей благочестия так, что Великий князь в 1480 году взял Попов Алексия и Дионисия в Москву как Пастырей, отличных достоинствами: первый сделался Протоиереем храма Успенского, а второй Архангельского. С ними перешел туда и раскол, оставив корень в Новгороде. Алексей снискал особенную милость Государя, имел к нему свободный доступ и тайным своим учением прельстил Архимандрита Симоновского, Зосиму, Инока Захарию, Дьяка Великокняжеского Федора Курицына и других. Сам Государь, не подозревая ереси, слышал от него речи двусмысленные, таинственные: в чем после калялся наедине Святому Иосифу, говоря, что и невестка его, Княгиня Елена, была вовлечена в сей Жидовский раскол одним из учеников Алексиевых, Иваном Максимовым. Между тем Алексей до конца жизни пользовался доверенностию Государя и, всегда хваля ему Зосиму, своего единомышленника, был главною виною того, что Иоанн, по смерти Митрополита Геронтия, возвел сего Архимандрита Симоновского (в 1490 году) на степень Первосвященителя. «Мы увидели, – пишет Иосиф, – чадо Сатаны на престоле угодников Божиих, Петра и Алексия, увидели хищного волка в одежде мирного Пастыря». Тайный

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал Жидовин еще скрывался под личиною Христианских добродетелей.

Наконец Архиепископ Геннадий открыл ересь в Новгороде: собрав все об ней известия и доказательства, прислал дело на суд Государю и Митрополиту вместе с виновными, большею частию Попами и Дяконами; он наименовал и Московских их единомышленников, кроме Зосимы и Дьяка Федора Курицына. Государь призвал Епископов, Тихона Ростовского, Нифонта Суздальского, Симеона Рязанского, Вассиана Тверского, Прохора Сарского, Филофея Пермского, также многих Архимандритов, Игуменов, Священников и велел Собором исследовать ересь. Митрополит председательствовал. С ужасом слушали Геннадиеву обвинительную грамоту: сам Зосима казался изумленным. Архиепископ Новгородский доносил, что сии отступники злословят Христа и Богоматерь, плюют на кресты, называют иконы болванами, грызут оные зубами, повергают в места нечистые, не верят ни Царству Небесному, ни Воскресению мертвых и, безмолвствуя при усердных Христианах, дерзостно развращают слабых. Призвали обвиняемых: инока Захарию, Новгородского Протопопа Гавриила, Священника Дионисия и других (глава их, Алексей, умер года за два до сего времени). Они во всем заперлися; но свидетельства, Новгородские и Московские, были несомнительны. Некоторые думали, что уличенных надобно пытать и казнить: Великий Князь не захотел того, и Собор, действуя согласно с его волею, проклял ересь, а безумных еретиков осудил на заточение. Такое наказание по суровости века и по важности разврата было весьма человеколюбиво. Многие из осужденных были посланы в Новгород: Архиепископ Геннадий велел посадить их на коней, лицом к хвосту, в одежде вывороченной, в шлемах берестовых, острых, какие изображаются на бесах, с мочальными кистями, с венцом соломенным и с надписью: се есть Сатанино воинство! Таким образом возили сих несчастных из улицы в улицу; народ плевал им в глаза, восклицая: се враги Христовы, и в заключение сжег у них на голове шлемы. Те, которые хвалили сие действие как достойное ревности Христианской, без сомнения осуждали умеренность Великого Князя, не хотевшего употребить ни меча, ни огня для истребления ереси. Он думал, что клятва церковная достаточна для отвращения людей слабых от подобных заблуждений.

Но Зосима, не дерзнув на Соборе покровительствовать своих обличенных тайных друзей, остался в душе еретиком; соблюдая наружную пристойность, скрытно вредил Христианству, то изъясняя ложно Св. Писание, то будто бы с удивлением находя в нем противоречия; иногда же, в порыве искренности, совершенно отвергая учение Евангельское, Апостольское, Святых Отцов, говорил приятелям: «Что такое Царство Небесное? что второе пришествие и воскресение мертвых? кто умер, того нет и не будет». Придворный Дьяк Федор Курицын и многие его сообщники также действовали во мраке; имели учеников; толковали им Астрологию, иудейскую мудрость, ослабляя в сердцах Веру истинную. Дух суетного любопытства и сомнения в важнейших истинах Христианства обнаружился в домах и на торжищах: иноки и светские люди спорили о Естестве Спасителя, о Троице, о святости икон, и проч. Все зараженные ересью составляли между собою некоторый род тайного общества, коего гнездо находилось в палатах Митрополитовых: там они сходились умствовать и пировать. – Ревностные враги их заблуждений были предметом гонения: Зосима удалил от церкви многих Священников и Дяконов, которые отличались усердием к православию и ненавистию к Жидовскому расколу. «Не должно (говорил он) злоститься и на еретиков, Пастыри духовные да проповедуют только мир!»

Так повествует Св. Иосиф, основатель и начальник монастыря Волоколамского, Историк, может быть, не совсем беспристрастный: по крайней мере смелый, неустрашимый противник ереси: ибо он еще во времена Зосими Первосвятительства дерзал обличать ее, как то видим из письма его к Суздальскому Епископу Нифонту. «Сокрылись от нас, – пишет Иосиф, – отлетели ко Христу древние орлы Веры, Святители добродетельные, коих глас возвещал истину в саду Церкви и которые истерзали бы когтями всякое око, неправо зрящее на божественность Спасителя. Ныне шипит тамо змий пагубный, изрыгая хулу на Господа и Его мать». Он заклинает Нифонта очистить Церковь от неслыханного дотоле соблазна, открыть глаза Государю, свергнуть Зосиму: что и совершилось. Уверился ли Великий Князь в расколе Митрополита, неизвестно; но в 1494 году, без суда и без шума, велел ему как бы добровольно удалиться в Симонов, а оттуда в Троицкий монастырь за то, как сказано в летописи, что сей Первосвятитель не радел о Церкви и любил вино. Благоразумный Иоанн не хотел, может быть, соблазнить Россиян всенародным осуждением Архипастыря, им избранного, и для того не огласил его действительной вины.

Преемник Зосимы в Митрополии был Игумен Троицкий, Симон. Здесь летописцы сообщают нам некоторые весьма любопытные обстоятельства. Когда Владыки

России Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Васильевича. Николай Михайлович Карамзин кагал
Российские в Великокняжеской Думе нарекли Симона достойным Первосвятительства, Государь пошел с ним из двorca в церковь Успения, провождаемый сыновьями, внуком, Епископами, всеми Боярами и Дьяками. Поклонились иконам и гробам Святительским; пели, читали молитвы и тропари. Иоанн взял будущего Архипастыря за руку и, выходя из церкви, в западных дверях предал Епископам, которые отвели его в дом Митрополитов. Там, отпустив их с благословением, сей скромный муж обедал с Иноками Троицкого монастыря, с своими Боярами и Детьми Боярскими. В день посвящения он ехал на осляти, коего вел знатный сановник Михайло Русалка. Совершились обряды, и новый Митрополит должен был идти на свое место. Вдруг священнодействие остановилось; пение умолкло: взоры Духовенства и Вельмож устремились на Иоанна. Государь выступил и громогласно сказал Митрополиту: «Всемогущая и Животворящая Святая Троица, дарующая нам Государство всея Руси, подает тебе сей великий престол Архиепископства руковождением Архиепископов и Епископов нашего Царства. Восприими жезл Пастырства; взыди на седалище старейшинства во имя Господа Иисуса; моли Бога о нас – и да подаст тебе Господь здравие со многоденством». Тут хор певчих возгласил Исполлаэти Деспота. Митрополит ответствовал: «Всемогущая и вседержащая десница вышнего да сохранит мирно твое Богопоставленное Царство, Самодержавный Владыко! Да будет оно многолетно и победительно со всеми повинующимися тебе Христолюбивыми воинствами и народами! Во вся дни живота твоего будя здрав, творя добро, о Государь Самодержавный!» Певчие возгласили Иоанну многолетие. – Великие Князья всегда располагали Митрополию, и нет примера в нашей Истории, чтобы власть духовная спорила с ними о сем важном праве; но Иоанн хотел утвердить оное священным обрядом: сам указал Митрополиту престол и торжественно действовал в храме: чего мы доселе не видали.

К успокоению правоверных новый Митрополит ревностно старался искоренить Жидовскую ересь; еще ревностнее Иосиф Волоцкий, который, имея доступ к Государю, требовал от него, чтобы он велел по всем городам искать и казнить еретиков. Великий Князь говорил, что надобно истреблять разврат, но без казни, противной духу Христианства; иногда, выводящий из терпения, приказывал Иосифу умолкнуть; иногда обещал ему подумать и не мог решиться на жестокие средства, так что многие действительные или мнимые еретики умерли спокойно; а знатный Дьяк Федор Курицын еще долго пользовался доверенностию Государя и был употребляем в делах Посольских.

Глава V

Продолжение государствования Иоаннова. 1491–1496 г. Заключение Андрея, Иоаннова брата. Смерть его и Бориса Васильевича. Посольства Императора Римского и наши к нему. Открытие Печорских рудников. Посольство Датское, Чагатайское, Иверское. Первое дружелюбное сношение с Султаном. Посольства в Крым. Литовские дела. Смерть Казимира: сын его, Александр, на троне Литовском. Неприятельские действия против Литвы. Переговоры о мире и сватовстве. Злоумышление на жизнь Иоаннову. Посольство князя Мазовецкого в Москву. Мир с Литвою. Иоанн отдает дочь свою, Елену, за Александра. Новые неудовольствия между Россиею и Литвою.

Обратимся к государственным происшествиям. – Великий Князь жил мирно с братьями до кончины матери, Инокони Марфы: она преставилась в 1484 году, и с того времени началось взаимное подозрение между ими. Андрей и Борис не могли привыкнуть к новому порядку вещей и досадовали на властолюбие Иоанна, который, непрестанно усиливая Государство Московское, не давал им части в своих приобретениях. Лишенные защиты и посредничества любимой, уважаемой родительницы, они боялись, чтобы Великий Князь не отнял у них и наследственных Уделов. Иоанн также, зная сие внутреннее расположение братьев, помня их бегство в Литву и наглые злодейства в пределах Российских, не имел к ним ни доверенности, ни любви; но соблюдал пристойность, не хотел быть явным утеснителем и в 1486 году обязался новою договорною грамотою не присваивать себе ни Андреевых, ни Борисовых городов, требуя, чтобы сии Князья не входили в переговоры с Казимиром, с Тверским изгнанником Михаилом, с Литовскими Панами, Новгородцами, Псковитянами и немедленно сообщали ему все их письма. Следственно, Иоанн опасался тайной связи между братьями, Литвою и теми Россиянами, которые не любили самодержавия: может быть, и знал об ней, желая прервать оную или в противном случае не оставить братьям уже никакого извинения. Еще они с обеих сторон удерживались от явных знаков взаимного недоброжелательства, когда Андрею Васильевичу сказали, что Великий Князь намерен взять его под стражу: Андрей хотел бежать; одумался и

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагда велел Московскому Боярину, Ивану Юрьевичу, спросить у Государя, чем он заслужил гнев его? Боярин не дерзнул вмешаться в дело столь опасное. Андрей сам пришел к брату и хотел знать вину свою. Великий Князь изумился: ставил Небо во свидетели, что не думал сделать ему ни малейшего зла, и требовал, чтобы он наименовал клеветника. Андрей сослался на своего Боярина, Образца: Образец на слугу Иоаннова, Мунта Татищева; а последний признался, что сказал то единственно в шутку. Государь, успокоив брата, дал повеление отрезать Татищеву язык: ходатайство Митрополитово спасло несчастного от сей казни; однако ж его высекли кнутом. В 1491 году Великий Князь посылал войско против Ординских Царей, Сеид-Ахмута и Шиг-Ахмета, которые хотели идти на Тавриду, но удалились от ее границ, сведав, что Московская рать уже стоит на берегах Донца. Полководцы Иоанновы, Царевич Салтаган, сын Нордоулатов, и князья Оболенские, Петр Никитич и Репня, возвратились, не сделав ничего важного. В сем походе должныствовали участвовать и братья Великого Князя; но Андрей не прислал вспомогательной дружины к Салтагану. Иоанн скрыл свою досаду. Осенью, Сентября 19, приехав из Углича в Москву, Андрей был целый вечер во дворце у Великого Князя. Они казались совершенными друзьями: беседовали искренно и весело. На другой день Иоанн через Дворецкого, князя Петра Шастунова, звал брата к себе на обед, встретил ласково, поговорил с ним и вышел в другую комнату, отослав Андреевых Бояр в столовую гридню, где их всех немедленно взяли под стражу. В то же время Князь Симеон Иванович Рязполовский со многими иными Вельможами явился перед Андреем, хотел говорить и не мог ясно произнести ни одного слова, заливаясь слезами; наконец дрожащим голосом сказал: Государь Князь Андрей Василиевич! поиман еси Богом, да Государем Великим Князем, Иваном Василиевичем, всея Руси, братом твоим старейшим. Андрей встал и с твердостью ответствовал: «Волен Бог да Государь брат мой; а Всевышний рассудит нас в том, что лишаюсь свободы безвинно». Андрея свели на Казенный двор, оковали цепями и приставили к нему многочисленную стражу, состоящую из Князей и Бояр; двух его сыновей, Ивана и Димитрия, заключили в Переславле; дочерей оставили на свободе: Удел же их родителя присоединили к Великому Княжению. Чтобы оправдать себя, Иоанн объявил Андрея изменником: ибо сей Князь, нарушив клятвенный обет, замышлял восстать на Государя с братьями Юрием, Борисом и с Андреем Меньшим, переписывался с Казимиром и с Ахматом, наводя их на Россию; вместе с Борисом уезжал в Литву; наконец, послушался Великого Князя и не посылал Воевод своих против Сеид-Ахмута. Только последняя вина имела вид справедливости: другие, как старые, были заглажены миром в 1479 году; или надлежало уличить Андрея, что он уже после того писал к Казимиру. Одним словом, Иоанн в сем случае поступил жестоко, оправдываясь, как вероятно, в собственных глазах известною строптивостью Андрея, государственною пользою, требующею беспрекословного единовластия, и примером Ярослава I, который также заключил брата. – Государь тогда же потребовал к себе и Бориса Василиевича: сей Князь с ужасом и трепетом явился в Московском дворце, но через три дня был с милостию отпущен назад в Волок. Андрей в 1493 году умер в темнице, к горести Великого Князя, по уверению Летописцев. Рассказывают, что он (в 1498 году), призвав Митрополита и Епископов во дворец, встретил их с лицом печальным, безмолвствовал, заплакал и начал смиренно каяться в своей жестокости, быв виною жалостной, безвременной кончины брата. Митрополит и Епископы сидели: Государь стоял перед ними и требовал прощения. Они успокоили его совесть: отпустили ему грех, но с Пастырским душеспасительным увещанием. – Борис Василиевич также скоро преставился. Сыновья его, Феодор и Иван, наследовали достояние родителя. В 1497 году они уступили Великому Князю Коломенские и другие села, взяв за них Тверские. Иван Борисович, умирая в 1503 году, отказал Государю Рузу и половину Ржева, вместе с его воинскою рухлядью, доспехами и конями. Так в Государстве Московском исчезали все особенные наследственные власти, уступая великокняжеской.

Между тем и внешние политические отношения России более и более возвышали достоинство ее Монарха. Послы Ольгины находились в Германии, при Оттоне I, а Немецкие в Киеве около 1075 года; Изяслав I и Владимир Галицкий искали покровительства Римских Императоров: Генрик IV был женат на княжне Российской, и Фридерик Барбарусса уважал Всеволода III: но с того времени мы не имели сообщения с Империею, до 1486 года, когда знатный Рыцарь, именем Николай Поппель, приехал в Москву с письмом Фридерика III, без всякого особенного поручения, единственно из любопытства. «Я видел, – говорил он, – все земли Христианские и всех Королей: желаю узнать Россию и Великого Князя». Бояре ему не верили и думали, что сей иноземец с каким-нибудь злым намерением подослан Казимиром Литовским; однако ж Поппель, удовлетворив своему любопытству, благополучно выехал из России и чрез два года возвратился в качестве Посла Императорского с новою грамотою от Фридерика и сына его, Короля Римского,

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кага Максимилиана, писанною в Ульме 26 декабря 1488 года. Принятый ласково, он в первом свидании с Московскими Боярами, Князем Иваном Юрьевичем, Даниилом Холмским и Яковом Захарьевичем, говорил следующее: «Выехав из России, я нашел Императора и Князей Германских в Нюрнберге; беседовал с ними о стране вашей, о Великом Князе, и вывел их из заблуждения: они думали, что Иоанн есть данник Казимиров. Нет, сказал я: Государь Московский сильнее и богаче Польского; держава его неизмерима, народы многочисленны, мудрость знаменита. Одним словом, самый усерднейший из слуг Иоанновых не мог бы говорить об нем иначе, ревностнее и справедливее. Меня слушали с удивлением, особенно Император, в час обеда ежедневно разговаривая со мною. Наконец сей Монарх, желая быть союзником России, велел мне ехать к вам Послом со многочисленною дружиною. Еще ли не верите истине моего звания? За два года я казался здесь обманщиком, ибо имел с собою только двух служителей. Пусть Великий Князь пошлет собственного чиновника к моему Государю: тогда не останется ни малейшего сомнения». Но Иоанн уже верил послу, который именем Фридриковым предложил ему выдать его дочь, Елену или Феодосию, за Албрехта, Маркграфа Баденского, племянника Императорова, и желал видеть невесту. Великий Князь ответствовал ему через Дьяка, Федора Курицына, что вместе с ним отправится в Германию Посол Российский, коему велено будет изъясниться о сем с Императором, и что обычаи наши не дозволяют прежде времени показывать юных девиц женихам или сватам. – Второе предложение Поппелево состоялось в том, чтобы Иоанн запретил Псковитянам вступаться в земли Ливонских Немцев, подданных Империи. Государь велел ответствовать, что Псковитяне владеют только собственными их землями и не вступают в чужие.

Весьма достопамятна третья аудиенция, данная Послу Фридрикову в набережных сенях, где сам Великий Князь слушал его, отступив несколько шагов от своих Бояр. «Молю о скромности и тайне, – сказал Поппель: – ежели неприятели твои, Ляхи и Богемцы, узнают, о чем я говорить намерен: то жизнь моя будет в опасности. Мы слышали, что ты, Государь, требовал себе от Папы Королевского достоинства; но знай, что не Папа, а только Император жалует в Короли, в Принцы и в Рыцари. Если желаешь быть Королем, то предлагаю тебе свои услуги. Надлежит единственно скрыть сие дело от Монарха Польского, который боится, чтобы ты, сделавшись ему равным Государем, не отнял у него древних земель Российских». Ответ Иоаннов изображает благородную, истинно Царскую гордость. Бояре сказали Послу так: «Государь, великий Князь, Божию милостию наследовал Державу Русскую от своих предков, и поставление имеет от Бога, и молит Бога, да сохранит оную ему и детям его вовеки; а поставления от иной власти никогда не хотел и не хочет». Поппель не смел более говорить о том и вторично обратился к сватовству. «Великий Князь, – сказал он, – имеет двух дочерей: если не благоволит выдать некоторой за Маркграфа Баденского, то Император представляет ему в женихи одного из Саксонских знаменитых Принцев, сыновей его племянника (Курфирста Фридрика), а другая Княжна Российская может быть супругою Сигизмунда, Маркграфа Бранденбургского, коего старший брат есть зять Короля Польского». На сие не было ответа, и Поппель скоро отправился из Москвы в Данию чрез Швецию, для какого-то особенного Императорского дела: Государь же послал в Немецкую землю Грека, именем Юрия Траханиота, или Трахонита, выехавшего к нам с Великою Княгинею, Софиюю, дав ему следующее наставление:

«I. Явить Императору и сыну его, Римскому Королю Максимилиану, верующую Посольскую грамоту. Уверить их в искренней приязни Иоанновой. II. Условиться о взаимных дружественных Посольствах и свободном сообщении обеих Держав. – III. Ежели спросят, намерен ли Великий Князь выдать свою дочь за Маркграфа Баденского? то ответствовать, что сей союз не пристоеен для знаменитости и силы Государя Российского, брата древних Царей Греческих, которые, переселясь в Византию, уступили Рим Папам. Но буде Император пожелает сватать нашу Княжну за сына своего, Короля Максимилиана, то ему не отказывать и дать надежду. – IV. Искать в Германии и принять в службу Российскую полезных художников, горных мастеров, Архитекторов и проч.». На издержки дано было ему 80 соболей и 3000 белок. Иоанн написал с ним дружественные грамоты к Бургомистрам Нарвскому, Ревельскому и Любекскому.

Траханиот поехал (22 марта) из Москвы в Ревель, оттуда в Любек и Франкфурт, где был представлен Римскому Королю Максимилиану, говорил ему речь на языке Ломбардском и вручил дары Великокняжеские, 40 соболей, шубы горностаевую и беличью. Доктор, Георг Торн, именем Максимилиана отвечал послу на том же языке, изъявляя благодарность и приязнь сего Венценосца к Государю Московскому. Посла осыпали в Германии ласками и приветствиями.

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал
Король Римский, встречая его, сходил обыкновенно с трона и сажал подле себя; то же делал и сам Император. Они стоя подавали ему руку в знак уважения к Великому Князю. Более ничего не знаем о переговорах Траханиота, который возвратился в Москву 16 июля 1490 года с новым Послом Максимилиановым. Георгом Делатором. Незадолго до того времени умер славный Король Матфей, и Паны Венгерские соглашались избрать на его место Казимира сына, Владислава, Государя Богемского, в досаду Максимилиану, считавшему себя законным наследником Матфеевым. Сие обстоятельство соединяло Австрийскую Политику с нашею: Максимилиан хотел завоевать Венгрию, Иоанн южную Литовскую Россию: они признавали Казимира общим врагом, и Делатор, чтобы тем вернее успеть в государственном деле, объявил желание Римского Короля (тогда вдового) быть Иоанну зятем: хотел видеть юную Княжну и спрашивал о цене ее приданого. Ответ состоял в учтивом отказе: послу изъяснили наши обычаи. Какой стыд для отца и невесты, если бы сват отвергнул ее! Мог ли знаменитый Государь с беспокойством и страхом ждать, что слуга иноземного властителя скажет об его дочери? Изъяснили также Делатору, что Венценосцам неприлично торговаться в приданом; что Великий Князь без сомнения назначит его по достоинству жениха и невесты, но уже после брака; что надобно согласиться прежде в деле важнейшем, а именно в том, чтобы Княжна Российская, если будет супругою Максимилиана, не переменяла Веры, имела у себя Церковь Греческую и Священников. Для последнего Великий Князь требовал уверительной записи: но Делатор сказал, что он для сего не уполномочен. И так перестали говорить о браке.

Однако ж союз государственный заключился, и написали договор следующего содержания:

«По воле Божией и нашей любви мы, Иоанн, Божиею милостию Государь всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Югорский, Вятский, Пермский, Болгарский» (то есть Казанский) «и проч. условились с своим братом, Максимилианом, Королем Римским и Князем Австрийским, Бургонским, Лотарингским, Стирским, Каринтийским и проч. быть в вечной любви и согласии, чтобы помогать друг другу во всех случаях. Если Король Польский и дети его будут воевать с тобою, братом моим, за Венгрию, твою отчину: то извести нас, и поможем тебе усердно, без обмана. Если же и мы начнем добывать Великого Княжения Киевского и других земель Русских, коими владеет Литва: то уведомим тебя, и поможем нам усердно, без обмана. Если и не успеем обослаться, но узнаем, что война началась с твоей или моей стороны: то обязываемся немедленно идти друг ко другу на помощь. – Послы и купцы наши да ездят свободно из одной земли в другую. На сем целую крест к тебе, моему брату... В Москве, в лето 6998 (1490), Августа 16».

Сей первый договор с Австриею, написанный на хартии, был скреплен золотою Великокняжескою печатю. Делатор, видев супругу Иоаннову, Софию, поднес ей в дар от Максимилиана серое сукно и попугая; а Государь, пожаловав его в золотonosцы, дал ему золотую цепь с крестом, горностаевую шубу и серебряные остроги, или шпоры, как бы в знак Ныцарского достоинства. Делатор выехал из Москвы августа 19, вместе с нашими Послами, Траханиотом и Дьяком Васильем Кулешиним. Наказ, им данный, состоял в следующем: «1) Вручить Максимилиану договорную Иоаннову грамоту и присягнуть в верном исполнении условий. 2) Взять с него такую же, писанную языком Славянским; а буде напишут оную по-Немецки или по-Латыни, то изъяснить, что обязательство Великого князя не имеет силы, ежели в грамоте будут отмены против Русской» (ибо Траханиот и Кулешин не знали сих двух языков). «3) Максимилиан должен утвердить союз целованием креста перед нашими Послами. 4) Объявить Королю соглаосие Иоанново выдать за него дочь, с условием, чтобы она не переменяла Закона. 5) Сказать ему, что Послам его и Московским лучше ездить впредь чрез Данию и Швецию, для избежания неприятностей, какие могут им встретиться в Польских владениях. 6) Требовать, чтобы он дал Великому князю лекаря искусного в целении внутренних болезней и ран. 7) Приветствовать единственно Короля Римского, а не Императора: ибо Делатор, будучи в Москве, не сказал Великому князю ни слова от Фридерика». Несмотря на государственную важность заключаемого с Австриею союза, Иоанн, как видим, строго наблюдал достоинство Российского Монарха и в сие же время отослал из Москвы без ответа слугу Поппелева, который приезжал в Россию за живыми лосями для Императора, но с письмом не довольно учтивым от господина своего. Не взяв даров Поппелевых, богатого мониста с ожерельем, Великий князь милостиво принял от его слуги две объяри и дал ему зато 120 соболей, ценою в 30 червонцев.

Траханиот и Кулешин писали к Государю из Любека, что Король Датский и князья Немецкие, сведав об их прибытии в Германию и желая добра Казимиру, замышляли

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал сделать им остановку в пути; что Посол Максимилианов едет вместе с ними и возьмет меры для их безопасности; что Римский Король уже завоевал многие места в Венгрии. Они наехали Максимилиана в Нюрнберге, вручили ему дары от Иоанна и Великой Княгини (80 соболей, камку и птицу кречета); явили письменный договор, им одобренный и клятвенно утвержденный, но не упоминали о сватовстве, ибо слышали, что Максимилиан, долго не имев ответа от Великого Князя, в угождение своему отцу помолвил на княжне Бретанской. Пробыв там от 22 Марта до 23 Июня (1491 года), послы Иоанновы возвратились в Москву Августа 30 с Максимилиановою союзною грамотою, которую Великий Князь приказал отдать в хранилище государственное.

Вслед за ними Король Римский вторично прислал Делатора, чтобы он был свидетелем клятвенного Иоаннова обета исполнять заключенный договор. Государь сделал то же, что Максимилиан: целовал крест перед его Послом. Изъявив совершенное удовольствие и благодарность короля, Делатор молил Великого Князя не досадовать за помолвку его на Принцессе Бретанской и рассказал длинную историю в оправдание сего поступка. «Король Римский, – говорил он, – весьма желал чести быть зятем Великого Князя; но Бог не захотел того. Разнесся в Германии слух, что я и Послы Московские, в 1490 году отплыв на двадцати четырех кораблях из Любека, утонули в море. Государь наш думал, что Иоанн не сведал о его намерении вступить в брак с Княжною Российскою. Дальнее расстояние не дозволяло отправить нового Посольства, и согласие Великого Князя было еще не верно. Между тем время текло. Князя Немецкие требовали от Императора, чтобы он женил сына, и предложили в невесты Анну Бретанскую. Фридерик убедил Максимилиана принять ее руку. Когда же Государь наш узнал, что мы живы и что княжна Российская могла быть его супругою, то искренне огорчился и донныне жалеет о невесте столь знаменитой». Сия справедливая или выдуманная повесть удовлетворила Иоанновой чести: он не изъявил ни малейшей досады и не отвечал послу ни слова. Делатор, как бы в знак особенной, неограниченной к нему доверенности Максимилиановой, известил Великого Князя о тайных видах Австрийской Политики. Долговременная война Немецкого Ордена с Польшею решилась (в 1466 году) совершенною зависимостию первого от Казимира, так что Великий Магистр Лудвиг назвал себя его присяжником, и Рыцарство, некогда Державное, стеноло под игом чужеземной власти. Максимилиан тайно возбуждал Орден свергнуть сие иго и снова прибегнуть к оружию; но Магистры Немецкий и Ливонский требовали от него, чтобы он прежде доставил им важное покровительство Монарха Российского, сильного и грозного. Делатор убеждал Великого Князя послать Московского чиновника в Ливонию для переговоров, дать ее Рыцарям вечный мир, не теснить их и взять Орден в его милостивое соблюдение. – Столь же усердно ходатайствовал Посол за Швецию. Государственный ее правитель, Стен Стур, находился в дружественной связи с Максимилианом и жаловался ему на обиды Россиян, которые в 1490 году ужасным образом свирепствовали в Остерботне: жгли, резали, мучили жителей, присвоивая себе господство над Финляндиею. Делатор молил Иоанна оставить сию несчастную землю в покое. Наконец предлагал, чтобы Московские Послы ездили в Империю через Мекленбург и Любек, а не через Данию, где в рассуждении их не соблюдаются уставы чести и гостеприимства: ибо Король держит сторону Казимирову. – Заметим, что Посол Максимилианов в своих аудиенциях именовал Великого Князя Царем, так и наши Послы называли Иоанна в Германии: Немцы же в переводе дипломатических бумаг употребляли имя *Kauser*, *Imperator*, вместо Царя.

Ответ Великого Князя, сообщенный Послу Казначеем Дмитрием Владимировичем и Дьяком Федором Курицыным, был такой: «Я заключил искренний союз с моим братом Максимилианом! хотел помогать ему всеми силами в завоевании Венгрии и готовился сам сесть на коня; но слышу, что Владислав, сын Казимиров, объявлен там Королем и что Максимилиан с ним примирился: следственно, мне теперь нечего делать. Однако ж вместе с тобою отправлю к нему Послов. Не изменю клятве. Если брат мой решится воевать, то иду немедленно на Казимира и сыновей его, Владислава и Албрехта. В угодность Максимилиану буду посредником его союза с Господарем Молдавским, Стефаном. Что касается до Магистров Прусского и Ливонского, то я готов взять их в мое хранение. Последний желает условиться о мире с моими особенными Послами и вместо челобитья писать в договора. моление, но да будет все по-старому. Прежде он бил челом вольному Новугороду: ныне да имеет дело с тамошними моими наместниками, людьми знатными». – О Швеции не было слова в ответе.

Делатор выехал из Москвы 12 апреля 1492 года, с Великокняжеским Приставом, коему надлежало довольствоваться его всем нужным до самой границы. Так обыкновенно бывало: Приставы встречали и провожали Послов. Маия 6 снова отправился Траханиот

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал с Дьяком Михайлом Яропкиным в Германию. Ему велено было именем Иоанновым спросить Максимилиана о здравии, но не править поклона : ибо Делатор в первой аудиенции не кланялся ни Великому Князю, ни супруге его от своего Короля, а спрашивал только о здравии. Наказ сего Посольства был следующий:

«Объявить Максимилиану, что Великий Князь, вступив с ним в союз, желал верно исполнять условия и для того не хотел говорить о мире с Послом Литовским, бывшим в Москве: следственно и Король Римский не должен мириться с Богемиею и Польшею без Иоанна, который готов, в случае его верности, действовать с ним заодно всеми силами, ему Богом данными. – Если он заключил мир с Владиславом, то разведать о тайных причинах оного. Узнать все обстоятельства и виды Австрийской Политики: имеет ли Максимилиан сильных доброжелателей в Венгрии и кого именно? не для того ли уступает он Владиславу, чтобы воевать с Государем Французским, который, по слуху, отнимает у него невесту, Анну Бретанскую? – Ежели брак Римского Короля не состоялся, то искусным образом внушить ему, что Великий Князь, может быть, не отринет его вторичного сватовства, когда Император и Максимилиан пришлют к нему убедительную грамоту с человеком добрым» (то есть знатным). «В таком случае изъясниться о Вере Греческой, о церкви и Священниках. А буде Король женится на Принцессе Бретанской, то говорить о сыне его, Филиппе, или о Саксонском Курфирсте Фридрике. Наведаться также о пристойных невестах для сына Государева, Василия, из дочерей королевских, и проч.; но соблюдать благоразумную осторожность, чтобы не повредить Государевой чести. – Заехать к саксонскому курфирсту, поднести ему в дар 40 собoley и сказать: Великий Князь благодарит тебя за охранение его Послов в земле твоей: и впредь охраняй их, равномерно и тех, которые ездят к нам из стран Италийских. Дозволяй художникам, твоим подданным, переселяться в Россию: за что Великий Князь готов служить тебе всем, чем изобилует земля его».

Послы наши имели письма к Герцогу Мекленбургскому, к Бургомистрам и Ратманам городов Немецких, о свободном их пропуске: в Нарве и в Ревеле они должны были вручить сии грамоты сидя. – Донесения, писанные им к Государю в пути, любопытны своею подробностью, вмеща в себе известия не только о главных делах Европейской Политики, но и купеческие: например, о дороговизне хлеба во Фландрии, где ласт ржи стоил тогда 100 червонцев. Описывая войну Максимилиана с Королем Французским, Траханиот и Яропкин говорят о союзе первого с Англиею, Шотландиею, Испаниею, Португалиею и со всеми князьями Немецкими; о мире его с Владиславом, который обязался ему заплатить за Венгрию 100000 червонцев, объявив Максимилиана после себя наследником; уведомляют также о походе Султанского войска в Сервию; одним словом, представляют все движения Европы очам любопытного Иоанна, который хотел быть сам одним из ее Великих Монархов.

Приплыв на корабле из Ревеля в Германию, Траханиот и Яропкин жили несколько месяцев в Любеке – не зная, куда ехать к Максимилиану, занятому тогда Французскою войною, – и для перевода Немецких бумаг, ими получаемых, приняли в Государеву службу тамошнего славного книгопечатника Варфоломея, который дал им клятву таить содержание оных. Они нашли Максимилиана в Коль-маре, где и были от 15 Января до 23 Марта. Политика его уже переменялась: сей Государь, довольный условиями заключенного с Владиславом мира, не думал более о северном союзе, употребляя все усилия против Франции. Послы наши – не сделав, кажется, ничего – возвратились в Москву в Июле 1493 года.

Таким образом прекратились на сей раз сношения Великокняжеского Двора с Империею, хотя и не имел важных государственных следствий, однако ж удовлетворив честолюбию Иоанна, который поставил себя в оных наравне с первым Монархом Европы. – Связь с Германнею доставила нам и другую существенную выгоду. Новое велелепие Двора Московского, новые кремлевские здания, сильные ополчения, Посольства, дары требовали издержек, которые истощали казну более, нежели прежняя дань Ханская. Доселе мы пользовались единственно чужими драгоценными металлами, добываемыми внешнею торговлею и меною с Сибирскими народами через Югру: сей последний источник, как вероятно, оскудел или совсем закрылся: ибо в летописях и в договорах XV века уже нет ни слова о серебре Закамском. Но издавна был у нас слух, что страны полунощные, близ Каменного Пояса, изобилуют металлами: присоединив к Московской Державе Пермь, Двинскую землю, Вятку, Иоанн желал иметь людей, сведущих в горном искусстве. Мы видели, что он писал о том к Королю венгерскому; но Траханиот, кажется, первый вывез их из Германии. В 1491 году два Немца, Иван и Виктор, с Андреем Петровым и Василием Болтыным отправились из Москвы искать серебряной руды в окрестностях Печоры. Через семь месяцев они возвратились с известием, что нашли оную, вместе с медною, на реке

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кага
Цыльме, верстах в двадцати от Космы, в трехстах от Печоры и в 3500 от Москвы, на
пространстве десяти верст. Сие важное открытие сделало Государю величайшее
удовольствие, и с того времени мы начали сами добывать, плавить металлы и
чеканить монету из своего серебра; имели и золотые деньги, или медали
Российские. В собрании наших древностей хранится снимок золотой медали 1497 года
с изображением Св. Николая: в надписи сказано, что Великий Государь вылил сей
единый талер из золота для княгини (Княжны) своей, Феодосии. На серебряных
деньгах Иоаннова времени обыкновенно представлялся всадник с мечом.

Может быть, слух о новых, в северной России открытых богатых рудниках скоро
дошел до Германии и возбудил там любопытство увериться в справедливости оного
(Европа еще не знала Америки и, нуждаясь в драгоценных металлах, долженствовала
брать живейшее участие в таком открытии): по крайней мере, в 1492 году приехал в
Москву немец Михаил Снупс с письмом к Великому Князю от Максимилиана и дяди его,
Австрийского Эрцгерцога Зигмунда, княжившего в Инспруке: они дружески просили
Иоанна, чтобы он дозволил сему путешественнику осмотреть все любопытное в нашем
отечестве, учиться языку Русскому, видеть обычаи народа и приобрести знания,
нужные для успехов общей истории и Географии. Снупс, обласканный Великим князем,
немедленно изъявил желание ехать в дальнейшие страны полунощные и на восток, к
берегам Оби. Иоанн усомнился и наконец решительно отказал ему. Прожив несколько
месяцев в Москве, Снупс отправился назад в Германию прежним путем, чрез Ливонию,
с следующим письмом от Великого Князя к Максимилиану и Зигмунду: «Из дружбы к
вам мы ласково приняли вашего человека, но не пустили его в страны отдаленные,
где течет река Обь, за неудобностию пути: ибо самые люди наши, ездящие туда для
собрания дани, подвергаются немалым трудам и бедствиям. Мы не дозволили ему
также возвратиться к вам чрез владения Польские или Турецкие: ибо не можем
ответствовать за безопасность сего пути. Бог да блюдет ваше здравие». Вероятно,
что Иоанн опасался сего Немца как лазутчика и не хотел, чтобы он видел наши
северо-восточные земли, где открылся новый источник богатства для России.

Вторым достопамятным Посольством описываемых нами времен было Датское. Если не
Дания, то по крайней мере Норвегия издревле имела сношения с Новымгородом, по
соседству с его северными областями. Двор Ярослава Великого служил убежищем для
ее знаменитых изгнанников; Александр Невский хотел женить сына на дочери
Гаконовой; мы упоминали также о договоре Норвегии с Правительством Новгородским
в 1326 году: но отдаленная Москва скрывалась во мраке неизвестности для трех
Северных Королевств до того времени, как Великий князь сделался Самодержцем всей
России, от берегов Волги до Лапландии. Приязнь, бывшая между тогдашним королем
Датским, Иоанном, сыном Христиановым, и Казимиром, заставила первого нарушить
долг гостеприимства в рассуждении послов Московских, когда они ехали в Любек
чрез его землю: ибо Траханиот и Яропкин жаловались на претерпенные ими в ней
обиды; но существенные выгоды государственные переменяли образ мыслей сего
Монарха: будучи врагом Шведского правителя, он увидел пользу быть другом
Великого князя, чтобы страхом нашего оружия обузывать Шведов, и Посол Датский
(в 1493 году) заключил в Москве союз любви и братства с Россией. Грек Дмитрий
Ралев и Дьяк Зайцев отправились в Данию для размена договорных грамот.

Упомянем также о двух Посольствах Азиатских. Неизмеримая держава, основанная
завоеваниями дикого Героя, Тамерлана, хотя не могла по его смерти устоять в
своем величии и разделилась: однако ж имя Царства Чагатайского, составленного из
Бухарии и Хорасана, еще гремело в Азии: Султан Абусаид, внук Тамерланова сына,
Мирана, господствовал от берегов моря Каспийского до Мультана в Индии и, в 1468
году убитый Персидским Царем Гассаном, оставил сию обширную страну в наследие
сыновьям, коих междоусобие предвестило их общую гибель. Гуссеин Мирза, правнук
второго Тамерланова сына, Омара, завладел Хорасаном; прославился многими
победами, одержанными им над Татарами-Узбеками; любил добродетель, науки; слышал
о величии Государя Российского и, желая его дружбы, в 1489 году прислал в Москву
какого-то богатыря Уруса для заключения союза с Иоанном. Может быть, он хотел,
чтобы Великий князь, имея связь с Ногаями, возбудил их против Узбеков. Но
Царство Чагатайское отжило век свой: Хан Узбекский, Шай-Бег, в начале XVI века
изгнал Гуссеиновых сыновей из Хорасана, овладев и Бухарию, откуда последний
Султан Тамерланова рода, Бабор, ушел в Индостан, где судьба определила ему быть
основателем Империи так называемого Великого Могола.

Иверия, или нынешняя Грузия, искони славилась воинскою доблестью своего народа,
так, что ни Персидское, ни Македонское оружие не могло поработить его; славилась
также богатством (древние Аргонавты искали золотого руна в соседственной с ней
Мингрелии). Завоеванная Помпеем, она делается с того времени известною в Римской

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал
Истории, которая именует нам ее разных Царей, данников Рима. Один из них, фарасман II, верный друг Императора Адриана, удостоился чести приносить богам жертву в Капитолии и видеть свой изваянный образ в храме Беллоны на берегу Тибра. Но далее не находим уже никаких известий о сей стране до разделения Империи; знаем только, что Христианская Вера начала там утверждаться еще со времен Константина Великого; что Св. Симеон Столпник способствовал успехам ее; что Иверия, имея всегда собственных Царей или князей, зависела то от Моноархов Персидских, то от Императоров Греческих, была покорена Моголами и в 1476 году подвластна Царю Персидскому, Узун-Гассану. Нет сомнения, что Россия издревле находилась в связи с единоверною Грузиею: Изяслав I, как известно, был женат на Княжне Абассинской, а сын Андрея Боголюбского супругом славной Грузинской Царицы, Тамари. Сия связь, прерванная нашествием Батыевым, возобновилась: Послы Князя Иверского, Александра, именем Нариман и Хоземарум, в 1492 году приехали к Иоанну требовать его покровительства. Уважаемый в Персии и в странах окрестных, Великий Князь мой действительно быть заступником своих утесненных единоверцев, которые оплакивали падение Греции и, под игом варваров закоснев в невежестве, имели нужду в советах нашего духовенства для Христианского просвещения. Александр в грамоте своей смиренно именует себя холопом Иоанна, его же называет Великим Царем, светом зеленого неба, звездою темных, надеждою Христиан, подпорою бедных, законом, истинною управою всех Государей, тишиною земли и ревностным обетником Св. Николая.

Занимаясь делами Европы и Азии, мог ли Иоанн оставить без примечания Державу Оттоманскую, которая уже столь сильно действовала на судьбу трех частей мира? Как зять Палеологов и сын Греческой Церкви, утесняемой Турками, он долженствовал быть врагом Султанов; но не хотел себя обманывать: видел, что еще не пришло время для России бороться с ними; что здравая Политика велит ей употреблять свои юные силы на иные предметы, ближайšie к истинному благу ее: для того, заключая союзы с Венгриєю и Молдавиєю, не касался дел Турецких, имея в виду одну Литву, нашего врага естественного. Выгодная торговля купцов Московских в Азове и Кафе, управляемой Константинопольскими Пашами, зависимость Менгли-Гирея (важнейшего союзника России) от Султанов и надежда вредить Казимиру через Оттоманскую Порту склоняли Иоанна к дружбе с нею: он ждал только пристойного случая и тем более обрадовался, узнав, что Султанские Паши, говоря в Белегороде с Дьяком его, Федором Курицыным, объявили ему желание их Государя искать Иоанновой приязни. Великий Князь поручил Менгли-Гирею основательно разведать о сем предложении, и Султан, Баязет II, отвечивал: «Ежели Государь Московский тебе, Менгли-Гирею, брат: то будет и мне брат». Следующее происшествие служило поводом к первому государственному сношению между нами и Портою. Купцов Российских обижали в Азове и в Кафе, так что они перестали наконец ездить в Султанские владения. Паша Кафинский жаловался на то Баязету, слагая вину на Менгли-Гирея, будто бы отвратившего Россиян от торговли с сим городом; а Менгли-Гирей хотел чтобы Иоанн оправдал его в глазах Султана. Удовлетворяя требованию оклеветанного друга и как бы единственно из снисхождения, Великий Князь написал такую грамоту к Баязету:

«Султану, вольному Царю Государей Турских и Азиямских, земли и моря, Баязету, Иоанн божиєю милостию единый правый, наследственный Государь всея Руси и ногих иных земель от Севера до Востока. Се наше слово к твоему Величеству. Мы не посылали людей друг ко другу спрашивать о здравии; но купцы мои ездили в страну твою и торговали, с выгодою для обеих Держав. Они уже несколько раз жаловались мне на твоих чиновников: я молчал. Наконец, в течение минувшего лета, Азовский Паша принудил их копать ров и носить камень для городского строения. Сего мало: в Азове и Кафе отнимают у наших купцов товары за полцены: в случае болезни одного из них кладут печать на имение всех: если умирает, то все остается в казне; если выздоравливает, отдают назад только половину. Духовные завещания не уважаемы: Турецкие чиновники не признают наследников, кроме самих себя, в Русском достоянии. Узнав о сих обидах, я не велел купцам ездить в твою землю. Прежде они платили единственно законную пошлину и торговали свободно: отчего же родилось насилие? знаешь или не знаешь оного?.. Еще одно слово: отец твой (Магомет II) был Государь Великий и славный: он хотел, как сказывают, отправить к нам Послов с дружеским приветствием; но его намерение, по воле Божией, не исполнилось. Для чего же не быть тому ныне? Ожидаем ответа. Писано в Москве, 31 Августа» (в 1492 году). – Менгли-Гирей должен был доставить сию грамоту Баязету: увидим следствие.

Тесная связь Иоаннова с Ханом Таврическим не ослабевала, утверждаемая частыми Посольствами и дарами. В 1490 году ездил в Тавриду князь Василий Ромодановский с уверением, что войско наше готово всегда тревожить Золотую Орду. Сия тень

Батыева Царства скиталась из места в место: иногда переходила за Днепр, иногда удалялась к пределам страны Черкесской, к берегам Кумы. Щетно сыновья Ахматовы вместе с Царем астраханским, Абдыл-Керимом, замыслили впадение в Тавриду, оберегаемую с одной стороны Россиянами, Магмет-Аминем Казанским и Ногаями, а с другой Султаном, который дал Менгли-Гирею 2000 воинов для его защиты. Крымцы отгоняли стада у Волжских Татар и в одной кровопролитной сшибке убили сына Ахматова, Едигея. – В 1492 году новый Посол Иоаннов, Лобан Кольчев, убеждал Менгли-Гирея воевать Литовские владения, представляя, что Ординские Цари злодействуют ему единственно по внушениям Казимировым. Хан отвечал: «Я с братом моим, Великим Князем, всегда один человек, и строю теперь при устье Днепра, на старом городище, новую крепость, чтобы оттуда вредить Польше». Сия крепость была Очаков, основанный на каких-то древних развалинах. Брат Ханский, Усмемир, и племянник Довлет жили у Казимира: Великий Князь, для безопасности Менгли-Гирея, старался переманить их в Россию, но не мог; в угодность ему принял также меньшего пасынка его, Абдыл-Летифа, и с честью отправил к Царю Казанскому, Магмет-Аминю. Менгли-Гирей желал еще, чтобы он дал Каширу в поместье Царевичу Мамытеку, сыну Мустафы: сие требование не было уважено, равно как и другое, чтобы Иоанн заплатил 33000 алтын, взятых Ханом в долг у жителей Кафинских для строения Очакова. «Не строением бесполезных крепостей, отдаленных от Литвы, – приказывал Великий Князь к своему другу, – но частыми впадениями в ее земли должен ты беспокоить общих врагов наших». Хан любил дары; просил кречетов и соболей для Турецкого Султана: Государь давал, однако ж небескорыстно, и (в 1491 году) походом Воевод Московских на Улусы Золотой Орды оказав услугу Менгли-Гирею, хотел, чтобы он в знак благодарности прислал к нему свой большой красный лал. Заметим еще, что Хан Крымский, опасаясь Иоаннова подозрения, сносился с Царем Казанским только чрез Москву; всякую грамоту их переводили и читали Государю, который думал, что осторожность не мешает дружбе.

Так было до 1492 года, когда важная перемена случилась в Литве и переменяла систему России. Несмотря на взаимную ненависть между сими двумя державами, которая не хотела явной войны. Казимир, уже старый и всегда малодушный, боялся твердого, хитрого, деятельного и счастливого Иоанна, увенчанного славою побед; а Великий Князь отлагал войну по внушению государственной мудрости: чем более медлил, тем более усиливался и вернее мог обещать себе успехи; неусыпно стараясь вредить Литве, казался готовым к миру и не отвергал случаев объясняться с Королем в их взаимных неудовольствиях. С 1487 до 1492 года Литовские Послы, Князь Тимофей Мосальский, Смоленский Боярин Плюсков, Стромиллов, Хребтович и Наместник Утенский, Ключко, приезжали в Москву с разными жалобами. Со времен Витовта Удельные Князья древней земли Черниговской, в нынешних Губерниях Тульской, Калужской, Орловской, были подданными Литвы; видя наконец возрастающую силу Иоанна, склоняемые к нему единоверием и любезным их сердцу именем Русским, они начали переходить к нам с своими отчинами и для успокоения совести давали только знать Казимиру, что слагают с себя обязанность его присяжников. Уже некоторые Одоевские, Воротынские, Белевские, Перемышльские Князья служили Московскому Государю и вели непрестанную войну с своими родственниками, которые еще оставались в Литве. Так Василий Кривой, Князь Воротынский, опустошил несколько мест в земле Королевской. Сыновья князя Симеона Одоевского взяли город их дяди, Феодора, Одоев; расхитили казну, пленили мать его. Дружина Князя Дмитрия Воротынского обратила в пепел многие Брянские села. Князь Иван Белевский силою принудил брата, Андрея, отложиться от Короля. Казимир жаловался, что Иоанн принимает изменников и терпит их разбои; то многие Литовские места отошли к нам; что Великие Луки и Ржева не хотят платить ему дани, и проч. Иоанн отвечал ему на словах и чрез собственных Послов, что сии жалобы большею частию несправедливы: что Великие Луки и Ржева суть искони Новгородские области; что Казимировы подданные сами обижают Россиян; что ссорные дела должны быть решены на месте общими судиями; что Князья племени Владимирова, добровольно служив Литве, имеют право с наследственным своим достоянием возвратиться под сень их древнего отечества. Государь требовал, чтобы Казимир отпустил в Россию жену Князя Бельского, не обременял наших купцов налогами и возвратил отнятое у них насилем в его земле, казнил обидчиков, дозволил Послам Великокняжеским свободно ездить чрез Литву в Молдавию, и проч. «Государь наш, – сказал Король чиновнику Иоаннову, Яропкину, – любил требовать, а не удовлетворять: я должен следовать его примеру». Однако ж взаимно соблюдалась учтивость: Литовские Послы обедали у Государя; не только он, но и юный сын его, Василий Иоаннович, приказывал с ними дружеские поклоны к Казимиру; в знак приязни Великий Князь освободил даже многих Поляков, которые находились пленниками в Орде. В мае 1492 года был отправлен в Варшаву Иван Никитич Беклемишев с предложением, чтобы Король отдал нам городки Хлепен, Рогачев и другие места, издревле Российские, и чтобы с обеих сторон

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал
выслать Бояр на границу для исследования взаимных обид. Но Беклемишев
возвратился с известием, что Казимир умер 25 июня; что старший его сын, Алберт,
сделался Королем Польским, а меньший, Александр, великим Князем Литовским.

Сей случай казался благоприятным для России: Литва, избрав себе иного властителя уже не могла располагать силами Польши, которая не имела вражды с нами и долженствовала следовать особенной государственной системе. Иоанн немедленно послал Константина Заболоцкого к Менгли-Гирею, убедить его, чтобы он воспользовался смертью Короля и шел на Литовскую землю, не отлагая похода до весны; что Волжская Орда кочует в отдаленных восточных пределах и не опасна для Тавриды; что ему никогда не будет лучшего времени отмстить Казимировым сыновьям за все злые козни отца их. – Другой Великокняжеский чиновник, Иван Плещеев, отправился к Стефану Молдавскому, вероятно, с такими же представлениями. Начались и неприятельские действия с нашей стороны: Князь Федор Телепня-Оболенский, вступив с полком в Литву, разорил Мценск и Любутск; Князя Перемышльские и Одоевские, служащие Иоанну, пленили в Мосальске многих жителей, наместников и Князей с их семействами; другой отряд завоевал Хлепен и Рогачев.

Между тем новый Государь Литовский, Александр, всего более желал мира с Россиею, от юных лет слышав непрестанно о величии и победах ее самодержца. Вернейшим средством снискать Иоаннову приязнь казалось ему супружество с одною из его дочерей, и Наместник Полоцкий, Ян, писал о том к первому Воеводе Московскому, Князю Ивану Юрьевичу, представляя, что Россия и Литва наслаждались счастливым миром, когда дед Иоаннов, Василий Димитриевич, совокупился браком с дочерию Витовта. Скоро явилось в Москве и торжественное Посольство Литовское. Пан Станислав Глебович, вручив верующую грамоту, объявил Иоанну о смерти Казимира, о восшествии Александра на престол и требовал удовлетворения за разорение Мценска и других городов. Ему ответствовали, что мы должны были отмстить Литве за грабежи ее подданных; что пленники будут освобождены, когда Александр удовольствует всех обиженных Россиян, и проч. Станислав, пируя у Воеводы Московского, Князя Ивана Юрьевича, в веселом разговоре упомянул о сватовстве: он был нетрезв и для того не получил ответа; а на другой день сказал, что Литовские Сенаторы желают сего брака, но что ему велено тайно разведать о мыслях Великого Князя. Дело столь важное требовало осторожности: не входя ни в какие изъяснения, послу дали чувствовать, что надобно утвердить искренний, вечный мир, прежде нежели говорить о сватовстве; что мир легко может быть заключен, если Правительство Литовское удержится от лишних речей и требований неосновательных. То же написал и Князь Иван Юрьевич к Наместнику Полоцкому.

Станислав уехал из Москвы, и неприятельские действия продолжались. Князя Воротынские, Симеон Федорович с племянником Иваном Михайловичем, вступив в нашу службу, засели города Литовские, Серпейск и Мещовск: Воевода Смоленский, Пан Юрий, и Князь Симеон Можайский выгнали их оттуда; но Государь послал сильное войско, Московское и Рязанское, которое взяло приступом Серпейск и городок Опаков; а Мещовск сдался. В числе пленников находились многие знатные Смоленяне и Паны двора Александрова. Другое наше войско покорило Вязьму: ее Князя, присягнув Государю, остались в наследованном владении; также и Князь Мезецкий, выдав Иоанну своих двух братьев, сосланных в Ярославль за их усердие к Литве. Князя Воротынские завоевали Мосальск.

В сие время открылось в Москве гнусное злоумышление, коего истинный виновник уже тлел во гробе, но которое едва не исполнилось и не пресекло славного течения Иоанновой жизни. Никогда выгода государственная не может оправдать злодеяния; нравственность существует не только для частных людей, но и для Государей: они должны поступать так, чтобы правила их деяний могли быть общими законами. Кто же оставит, что Венценосец имеет право тайно убить другого, находя его опасным для своей державы: тот разрушит связь между гражданскими обществами, оставит вечную войну, беспорядок, ненависть, страх, подозрение между ими, совершенно противные их цели, которая есть безопасность, спокойствие, мир. Не так рассуждал отец Александров, Казимир: он подослал к Иоанну Князя Ивана Лукомского, племени Владимирова, с тем, чтобы злодейски убить или отравить его. Лукомский клялся исполнить сие адское поручение, привез с собою в Москву яд, составленный в Варшаве, и, будучи милостиво обласкан Государем, вступил в нашу службу; но какою-то счастливою нескромностию обнаружил свой умысел: его взяли под стражу; нашли и яд, коим он хотел умертвить Государя, чтобы сдержать данное Казимиру слово. Злодейство столь необыкновенное требовало и наказания чрезвычайного: Лукомского и единомышленника его, Латинского толмача, Поляка Матиаса, сожгли в клетке на берегу Москвы-реки. Князь Федор Бельский также впал в подозрение и

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал был сослан в Галич: ибо Лукомский доказывал, что сей легкомысленный родственник Казимиров хотел тайно уехать от нас в Литву. Открылись и другие преступники, два брата, Алексей и Богдан Селевины, граждане Смоленские: будучи пленниками в Москве, они жили на свободе, употребляли во зло доверенность Государеву к их честности, имели связь с Литвою и посылали вести к Александру Литовскому. Богдана засекали кнутом до смерти: Алексею отрубили голову.

Такое происшествие не могло расположить Иоанна к миру: он непрестанно побуждал Менгли-Гирея воевать Литву. Посол Александра, Князь Глинский, находился тогда в Крыму и требовал, чтобы Хан снес город Очаков, построенный им на Литовской земле. В угодность Великому Князю Менгли-Гирей задержал Глинского, зимою подступил к Киеву и выжег окрестности Чернигова, но за разлитием Днепра возвратился в Перекоп. Между тем Воевода Черкасский, Богдан, разорил Очаков, к великой досаде Хана, истратившего 150000 алтын на строение оного. «Мы ничего важного не сделаем врагам своим, если не будем иметь крепости при устье Днепра», – писал Менгли-Гирей к Великому Князю, уведомляя, что Александр посредством Султана Турецкого предлагал ему мир и 13 500 червонцев за Литовских пленников, но что он, как верный союзник Иоаннов, не хотел о том слышать; что сей новый Государь Литовский, следуя политике отца, возбуждает Ахматовых сыновей против Тавриды и России; что Царь Ординский, Шиг-Ахмед, женатый на дочери Ногайского Князя Мусы и за то сверженный с престола, опять царствует вместе с братом Сеид-Махмутом; что войско Крымское всегда готово идти на них и на Литву, и проч. В самом деле Менгли-Гирей не преставал тревожить Александровых владений набегами и грабежом.

Новый союзник представился Иоанну, Владетельный Князь Мазовецкий, Конрад, племени древних Венценосцев Польских. Будучи тогда врагом сыновей Казимировых, он желал вступить в тесную связь с Россиею и прислал в Москву Варшавского Наместника, Ивана Подосю, сватать за него одну из дочерей Великого Князя. Сей брак казался пристойным и выгодным для нашей Политики; но Государь не хотел вдруг изъявить согласия и сам отправил Послов в Мазовию для заключения предварительного договора с ее Князем: 1) о вспоможении, которое он дает России против сыновей Казимировых; 2) о назначении вена для будущей супруги его: то есть Иоанн требовал, чтобы она имела в собственном владении некоторые города и волости в Мазовии. – Не знаем, с каким ответом возвратились Послы; но сие сватовство не имело дальнейших следствий, вероятно, от перемены обстоятельств.

Если и Казимир, Государь Литвы и Польши, опасался войны с Иоанном: то Александр, властвуя единственно над первою и не уверенный в усердной помощи брата, мог ли без крайности отважиться на кровопролитие? Менгли-Гирей опустошал, Стефан Молдавский грозил, заключив тесный союз между собою посредством Иоанна и следуя его указаниям. Но всего опаснее был сам Великий Князь, именем отечества и единоверия призывая к себе всех древних Россиян, которые составляли большую часть Александровых подданных. Уже Москва расширила свои пределы до Жиздры и самого Днепра, действуя не столько мечом, сколько приманом. В городах, в селах и в битвах страшились измены. – Итак, Александр решительно хотел искреннего, вечного мира.

Не столь легко изъяснить обстоятельствами миролюбие Иоанна; все ему благоприятствовало: он имел сильное, опытное войско, друзей в Литве и счастье, важное в делах человеческих; видел ее боязнь и слабость; мог обещать себе редкую славу и даже Христианскую заслугу, то есть возвратить отечеству лучшую его половину, а Церкви шесть или семь знаменитых Епархий, насилием Латинским отторженных от ее истинного, общего Пастырства. Но мы знаем характер Иоаннов, для коего умеренность была законом в самом счастье; знаем ум его, который не любил отважности, кроме необходимой. Властвовав уже более тридцати лет в непрестанной и часто беспокойной деятельности, он хотел тишины, согласной с достоинством Великого Монарха и благом Державы. Вообще люди на шестом десятилетии жизни редко предпринимают трудное и менее обольщаются успехами отдаленными. Покушение завоевать всю древнюю южную Россию возбудило бы против нас не только Польшу, но и Венгрию, и Богемию, где царствовал брат Александров, Владислав; надлежало бы воевать долго и не распускать полков: что казалось тогда невозможностию. Союз Хана Крымского и Стефана Великого, полезный для усмирения Литвы, не мог быть весьма надежен в усильном борении с сими тремя Государствами. Менгли-Гирей зависел от Султана, готового иногда оказывать услуги Венгрии и Польше: хотя не изменял Иоанну, однако ж не во всем удовлетворял ему: например, без его ведома освободил Глинского, ссылаясь с Александром и действовал против Литвы слабо, недружно. Стефан же имел более ума и мужества, нежели сил,

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кага
истощаемых им в войнах с Турками. – Заметим наконец, что время уже приучило
Северную Россию смотреть на Литовскую как на чуждую землю; в обычаях и нравах
сделалась перемена, и связь единокровства ослабела. Иоанн, отняв у Литвы
некоторые области, был доволен сим знаком превосходства сил и лучше хотел миром
утвердить приобретенное, нежели войною искать новых приобретений.

Вслед за Литовскими Послами, бывшими в Москве, Великий Князь отправил Дворянина
Загряского к Александру, с объявлением, что отчины Князей Воротынских,
Белевских, Мезецких и Вяземских, служащих Государю, будут впредь частию России,
и что Литовское правительство не должно вступаться в оные. В верующей грамоте,
данной Загряскому, Иоанн по своему обыкновению назвал себя Государем всей
России. Сей Посол имел также письмо от юного сына Иоаннова, Василия, к
изгнаннику, Князю Василию Михайловичу Верейскому, коему дозволялось возвратиться
в Москву: ибо Великая Княгиня София исходатайствовала ему прощение. В Вильне
отвечали Загряскому, что новые Послы Александровы будут в Москву: они
действительно приехали в исходе Июня с требованием, чтобы Иоанн не только отдал
их Государю все захваченные Россиянами Литовские области, но и казнил виновников
сего насилия; сверх того изъявили негодование, что Великий Князь употребляет в
грамотах титул новый и высокий, именуясь Государем всей России и многих земель:
а в заключение сказали Воеводе Московскому, Ивану Юрьевичу, что Александр, по
желанию Сенаторов Литовских, готов начать переговоры о вечном мире. Ответ
Иоанновых Бояр состоял в следующем: «Князья Воротынские и другие искони были
слугами наших Государей. Пользуясь невзгодою России, Литва завладела их
странами: теперь иные времена. – Великий Князь не пишет в грамотах своих ничего
высокого, а называется Властителем земель, данных ему Богом».

В Генваре 1494 году Великие Послы Литовские, Воевода Троцкий, Петр Янович Белой
и Станислав Гастольд, Староста Жмудский, прибыли в Москву для заключения мира.
Они хотели возобновить договор Казимиров с Василием Темным, а наши Бояре
древнейший Ольгердов с Симеоном Гордым и отцем Донского. Первые уступали Иоанну
Новгород, Псков и Тверь в вечное потомственное владение, но требовали всех иных
городов, коими завладели Россияне в новейшие времена. «Вы уступаете нам не свое,
а наше», – сказали Бояре. Спорили долго, хитрили и несколько раз прерывали
сношения; наконец согласились, чтобы Вязьма, Алексин, Тешилов, Рославль, Венев,
Мстислав, Торуса, Оболенск, Козельск, Серенск, Новосиль, Одоев, Воротынск,
Перемышль, Белев, Мещера остались за Россию; а Смоленск, Любутск, Мценск,
Брянск, Серпейск, Лучин, Мосальск, Дмитров, Лужин и некоторые иные места по Угрю
за Литвою. Князьям Мезецким, или Мещовским, дали волю служить, кому они хотят.
Александр обещал признать Великого Князя Государем всей России, с тем, чтобы он
не требовал Киева. Тогда Послы Литовские, вторично представленные Иоанну, начали
дело сватовства, и Государь изъявил согласие выдать дочь свою, Елену, за
Александра, взяв слово, что он не будет нудить ее к перемене Веры. На другой
день, февраля 6, в комнатах у Великой Княгини Софии они увидели невесту, которая
чрез Окольного спросила у них о здоровье будущего супруга. Тут, в присутствии
всех Бояр, совершилось обручение. Станислав Гастольд заступал место жениха, ибо
старшему послу, Воеводе Петру, имевшему вторую жену, не дозволили быть
действующим в сем обряде. Иереи читали молитвы. Обменялись перстнями и крестами,
висящими на золотых цепях.

февраля 7 Послы именем Александра присягнули в верном соблюдении мира; а Великий
Князь целовал крест в том же. Главные условия договора, написанного на хартии с
золотою печатью, были следующие: «1) жить обоим Государям и детям их в вечной
любви и помогать друг другу во всяком случае; 2) владеть каждому своими землями
по древним рубежам; 3) Александру не принимать к себе Князей Вяземских,
Новосильских, Одоевских, Воротынских, Перемышльских, Белевских, Мещерских,
Говдыревских, ни Великих Князей Рязанских, остающихся на стороне Государя
Московского, коему и решить их спорные дела с Литвою; 4) двух Князей Мезецких,
сосланных в Ярославль, освободить; 5) в случае обид выслать общих судей на
границу; 6) изменников Российских, Михаила Тверского, сыновей князя Можайского,
Шемьяки, Боровского, Верейского, никуда не отпускать из Литвы: буде же уйдут, то
вновь не принимать их; 7) Послам и купцам ездить свободно из земли в землю», и
проч. – Сверх того Послы дали слово, что Александр обяжется грамотою не
беспокоить супруги в рассуждении веры. Они три раза обедали у Государя и
получили в дар богатые шубы с серебряными ковшами. Отпуская их, Великий князь
сказал изустно: «Петр и Станислав! милостию Божиею мы утвердили дружбу с зятем и
братом Александром; что обещали, то исполним. Послы мои будут свидетелями его
клятвы».

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал
Для сего князя Василий и Симеон Рязановские, Михайло Яропкин и Дьяк Федор
Курицын были посланы в Вильну. Александр, присягнув, разменялся мирными
договорами; написал также грамоту о Законе будущей супруги, но вместил слова:
«Если же Великая Княгиня Елена сама захочет принять Римскую Веру, то ее воля».
Сие дополнение едва не остановило брака: Иоанн гневно велел сказать Александру,
что он, по-видимому, не хочет быть его зятем. Бумагу переписали, и чрез
несколько месяцев явилось в нашей столице Великое Посольство Литовское. Воевода
Виленский, Князь Александр Юрьевич, Князь Ян Заберезенский, Наместник Полоцкий,
Пан Юрий, Наместник Брянславский, и множество знатнейших Дворян приехали за
невестою, блистая великолепием в одежде, в услуге и в украшении коней своих. В
верующей грамоте Александр именовал Великого Князя отцом и тестем. Выслушав речь
Посольскую, Иоанн сказал: «Государь ваш, брат и зять мой, восхотел прочной любви
и дружбы с нами: да будет! Отдаем за него дочь свою. – Он должен помнить
условие, скрепленное его печатью, чтобы дочь наша не переменяла Закона ни в
каком случае, ни принужденно, ни собственною волею. – Скажите ему от нас, чтобы
он дозволил ей иметь придворную церковь Греческую. Скажите, да любит жену, как
Закон Божественный повелевает, и да веселится сердце родителя счастьем супругов!
– Скажите от нас Епископу и Панам вашей Думы Государственной, чтобы они
утверждали Великого Князя Александра в любви к его супруге и в дружбе с нами.
Всевышний да благословит сей союз!»

Генваря 13 Иоанн, отслушав Литургию в Успенском храме со всем Великокняжеским
семейством и с Боярами, призвал Литовских Вельмож к церковным дверям, вручил им
невесту и проводил до саней. В Дорогомилове Елена остановилась и жила два дня:
брат ее, Василий, угостил там Панов роскошным обедом; мать ночевала с нею, а
Великий Князь два раза приезжал обнять любезную ему дочь, с которою расставался
навек. Он дал ей следующую записку: «Память Великой Княжне Елене. В божницу
Латинскую не ходить, а ходить в Греческую церковь: из любопытства можешь видеть
первую или монастырь Латинский, но только однажды или два раза. Если свекровь
твоя будет в Вильне и не прикажет тебе идти с собою в божницу, то проводи ее до
дверей и скажи учтиво, что идешь в свою церковь». – Невесту провожали Князь
Симеон Рязановский, Боярин Михайло Яковлевич Русалка и Прокофий Зиновьевич с
женами, Дворецкий Дмитрий Пешков, Дьяк и Казначей Василий Кулешин, несколько
Окольничих, Стольников, Конюших и более сорока знатных Детей Боярских. В тайном
наказе, данном Рязановскому, велено было требовать, чтобы Елена венчалась в
Греческой церкви, в Русской одежде, и при совершении брачного обряда на вопрос
Епископа о любви ее к Александру отвечала: люб ми, и не остави ми его до
живота никоея ради болезни, кроме Закона; держать мне Греческий, а ему не нудить
меня к Римскому. Иоанн не забыл ничего в своих предписаниях, назначая даже, как
Елене одеваться в пути, где и в каких церквях петь молебны, кого видеть, с кем
обедать и проч.

Ее путешествие от пределов России до Вильны было веселым торжеством для народа
Литовского, который видел в ней залог долговременного, счастливого мира. В
Смоленске, Витебске, Нолоцке Вельможи и Духовенство встречали ее с дарами и с
любовию, радуясь, что кровь Св. Владимира соединяется с Гедиминою; что Церковь
Православная, сирая, безгласная в литве, найдет ревностную покровительницу на
троне; что сим брачным союзом возобновляется древняя связь между единоплеменными
народами. Александр выслал знатнейших чиновников приветствовать Елену на пути и
сам встретил ее за три версты от Вильны, окруженный двором и всеми Думными
Панами. Невеста и жених, ступив на разостланное алое сукно и золотую камку,
подали руку друг другу, сказали несколько ласковых слов и вместе въехали в
столицу, он на коне, она в санях, богато украшенных. Невеста в Греческой церкви
Св. Богоматери отслушала молебен: Боярыни Московские расплели ей косу, надели на
голову кичу с покрывалом, осыпали ее хмелем и повели к жениху в церковь Св.
Станислава, где венчал их, на бархате и на соболях, Латинский Епископ и наш
Священник Фома. Тут был и Виленский Архимандрит Макарий, Наместник Киевского
Митрополита; но не смел читать молитв. Княгиня Рязановская держала над Еленою
венеч, а Дьяк Кулешин скляницу с вином. – По совершении обрядов Александр
торжественно принял Бояр Иоанновых; начались веселые пиры: открылись и взаимные
неудовольствия.

Давно замечено Историками, что редко брачные союзы между Государями способствуют
благу Государств: каждый Венценосец желает употребить свойство себе в пользу;
вместо уступчивости рождаются новые требования, и тем чувствительнее бывают
отказы. Кажется, что Иоанн и Александр в сем случае не хотели обмануть друг
друга, но сами обманулись: по крайней мере первый действовал откровеннее,
великодушнее, как должно сильнейшему; не уступал, однако ж и не мыслил

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Васи́лиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал коварствовать, с прискорбием видя, что надежда обеих Держав не исполнилась и что свойство не принесло ему мира надежного.

Еще во время сватовства Александр с досадою писал в Москву. о новых обидах, делаемых Россиянами Литве: Иоанн обещал управу; но сам был недоволен тем, что Александр именовал его в грамотах только Великим Князем, а не Государем всей России. Весною приехал из Литвы Маршалок Станислав с брачными дарами: вручив их Государю и семейству его, он жаловался ему на Молдавского Воеводу, Стефана, разорившего город Бряславль, и на Послов Московских, Князя Ряполовского и Михаила Русалку, которые, едучи из Вильны в Москву, будто бы грабили жителей; требовал еще, чтобы все Российские чиновники, служащие Елене, были отозваны назад: «ибо она имеет довольно своих подданных для услуги». Иоанн обещал примирить Стефана с зятем; но досадовал, что Александр не позволил ни православному Епископу, ни Архимандриту Макарию венчать Елены, не соглашается построить ей домовую церковь Греческого Закона, удалил от нее почти всех Россиян и весьма худо содержит остальных. Жалоба на Московских Послов была клеветою: напротив того, они дорогою терпели во всем недостаток. – Отпустив Станислава, Великий Князь послал гонца в Вильну наведаться о здоровье Елены и дал ему два письма: одно с обыкновенными приветствиями, а другое с тайными наставлениями, желая, чтобы она не имела при себе чиновников, ни слуг Латинской Веры, и никак не отпускала наших Бояр, из коих главным был тогда Князь Василий Ромодановский, присланный в Вильну с женою. Для переписки с родителями Елена употребляла Московского Подьячего и должна была скрывать оную от супруга: положение весьма опасное и неприятное! Юная Великая Княгиня, одаренная здравым смыслом и нежным сердцем, вела себя с удивительным благоразумием и, сохраняя долг покорной дочери, не изменяла мужу, ни государственным выгодам ее нового отечества; никогда не жаловалась родителю на свои домашние неудовольствия и старалась утвердить его в союзе с Александром. В сие время разнесся слух в Вильне, что Хан Менгли-Гирей идет на Литву: Елена вместе с супругом писала к Иоанну, чтобы он, исполняя договор, защитил их; о том же писала и к матери в выражениях убедительных и ласковых.

Великий Князь находился в обстоятельствах затруднительных: без ведома и без участия Менгли-Гиреева вступив в тесный союз с Александром, их бывшим неприятелем, он известил Хана Таврического о сем важном происшествии, уверяя его в неизменной дружбе своей и предлагая ему также помириться с Литвою. Ответ Менгли-Гиреев, сильный искренностию и прямотою, содержал в себе упреки, отчасти справедливые. «С удивлением читаю твою грамоту, – писал Хан к Государю: – ты ведаешь, изменял ли я тебе в дружбе, предпочитал ли ей мои особенные выгоды, усердно ли помогал тебе на врагов твоих! Друг и брат великое дело; не скоро добудешь его, так я мыслил и жег Литву, громил Улусы Ахматовых сыновей, не слушал их предложений, ни Казимировых, ни Александровых: что ж моя награда? Ты стал другом наших злодеев, а меня оставил им в жертву!.. Сказал ли нам хотя единое слово о своем намерении? Не рассудил и подумать с твоим братом!» однако ж Мегли-Гирей все еще держался Великого Князя и даже снова клялся умереть его верным союзником; не отвергал и мира с Литвою, требуя единственно, чтобы Александр удовлетворил ему за понесенные им в войне убытки.

И так Иоанн мог бы легко примирить зятя с Ханом; но прежде надлежало удостовериться в искренней дружбе первого: ответствуя ему, что договор с нашей стороны будет исполнен и что войско Российское готово защитить Литву, если Менгли-Гирей не согласится на мир, Иоанн послал в Вильну Боярина Кутузова с требованием, чтобы Александр непременно позволил супруге своей иметь домовую церковь, не принуждал ее носить Польскую одежду, не давал ей слуг Римского исповедания, писал в грамотах весь титул Государя согласно с условием, не запрещал вывозить серебра из Литвы в Россию и чтобы наконец отпустил в Москву жену Князя Бельского. В угодность зятю Великий Князь отозвал из Вильны Бояр Московских, коих Александр считал опасными доносителями и ссорщиками: остались при Елене только Священник Фома с двумя Крестовыми Дьяками и несколько Русских поваров. Несмотря на то, зять не хотел исполнить ни одного из требований Иоанновых, ответствуя на первое, что устав предков его запрещает строить вновь церкви нашего исповедания и что Елена может ходить в приходскую, которая недалеко от дворца. «Какое мне дело до ваших уставов? – возражал Государь: – у тебя супруга Православной Веры, и ты обещал ей свободу в богослужении». Но Александр упрямылся; не отпустил даже и княгини Бельской, говоря, что она сама не едет в Россию. К сим досадам он присовокупил новую. Султан Турецкий, Баязет, получив грамоту Великого Князя и строго запретив утеснять купцев наших, торгующих в Кафе и Азове, немедленно отправил в Москву Посла с дружественными

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал уверениями: Александр велел ему и бывшим с ним Константинопольским гостям возвратиться из Киева в Турцию, приказав к Иоанну, что никогда Султанские Послы не езжали в Россию чрез Литву и что они могут быть лазутчиками.

Однако ж Великий Князь еще изъявлял доброхотство зятю и дал ему знать, что Стефан Молдавский и Менгли-Гирей соглашаются жить в мире с Литвою, Сего не довольно: услышав, что Александр, по совету Думных Панов, готов отдать в Удел меньшую брату, Сигизмунду, Киевскую область, Иоанн писал к Елене, чтобы она всячески старалась отвратить мужа от намерения столь вредного. Повторим собственные слова его: «Я слыхал о неурействах, какие были в Литве от Удельного правления. И ты слыхала о наших собственных бедствиях, произведенных разновластием в княжение отца моего; помнишь, что и сам я терпел от братьев. Чему быть добром, когда Сигизмунд делается у вас особенным Государем? Советую, ибо люблю тебя, милую дочь свою; не хочу вашего зла. Если будешь говорить мужу, то говори единственно от себя». В сем случае Иоанн явил образ мыслей, достойный Монарха сильного и великодушного: имел досаду на зятя, но как искренний друг предостерегал его от гибельной погрешности, несмотря на то, что Россия могла бы воспользоваться ею.

Сие великодушие, по-видимому, не тронуло Александра: он с грубостью ответственвал, что не видит расположения к миру в наших союзниках, Менгли-Гирее и Стефане, непрестанно враждующих Литве; что тесть указывает ему в его делах и не дает никакой управы. Огорченный Великий Князь, жалуясь Елене на мужа ее, спрашивал, для чего он не хочет жить с ним в любви и братстве? «Для того, – писал Александр к тестю, – что ты завладел многими городами и волостями, издавна Литовскими; что пересылаешься с нашими недругами, Султаном Турецким, Господарем Молдавским и Ханом Крымским, а доселе не помирил меня с ними, вопреки нашему условию иметь одних друзей и неприятелей; что Россияне, невзирая на мир, всегда обижают Литовцев. Если действительно желаешь братства между нами, то возврати мое и с убытками, запрети обиды и докажи тем свою искренность: союзники твои, увидев оную, престанут мне злодействовать». Елена в сей грамоте приписала только поклон родителю.

Все неудовольствия Александровы происходили, кажется, оттого, что он жалел о городах, уступленных им России, и с прискорбием оставлял Елену Греческою Христианкою. Иоанн не отнял ничего нового у Литвы после заключенного договора; видя же упрямство, несправедливость и грубости зятя, брал свои меры. Боярин Князь Звенец поехал к Менгли-Гирею: извиняясь, что за худою зимнею дорогою не уведомил его вовремя о сватовстве Александровом, Иоанн убеждал Хана забыть прошедшее. «Не требую, – говорил он, – но соглашаюсь, чтобы ты жил в мире с Литвою; а если зять мой будет опять тебе или мне врагом, то мы восстанем на него общими силами». Вероятно, что Иоанн таким же образом писал и к Стефану Молдавскому: по крайней мере сии два союзника России не спешили мириться с Александром, и Великий Князь в случае войны мог надеяться на их усердную помощь.

Глава VI

Продолжение государствования Иоаннова. 1495–1503 г.

Заложен Иваньгород. Гнев Вел. Князя на Ливонских Немцев и заключение всех купцов Ганзейских в России. Союз с Даниею. Едина с Шведами. Иоанн в Новегороде. Поход на Гамскую землю, или Финляндию. Дела Казанские. Первое наше Посольство в Константинополь. Рязанская Княгиня в Москве и выдает дочь за Бельского. Гнев Иоаннов на супругу и сына, Василия. Великий Князь торжественно венчает на Царство внука своего, юного Димитрия Иоанновича; мирится с супругою, казнит Бояр и называет Василия вел. Князем Новагорода и Пскова. Посол из Шемахи. Посольство в Венецию и в Константинополь. Завоевание земли Югорской, или северо-западной Сибири. Послан Воевода в Казань. Разрыв с Литвою. Князя Черниговский и Рыльский поддаются Иоанну. Завоевание Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа. Князя Трубчевские добровольно покоряются. Местничество наших Воевод. Битва на берегах Ведроши. Хан Крымский опустошает Литву и Польшу. Союз Александра с Ливонским Орденом. Переговоры о мире. Александр избран в Польские Короли. Новая победа над Литвою близ Мстиславля. Война с Орденом. Сражение близ Изборска. Болезнь в Ливонской рати. Россияне опустошают Ливонию. Царь Большой Орды, Шиг-Ахмет, помогает Литве. Хан Крымский совершенно истребляет сии остатки Батыева Царства. Александр вероломно заключает Шиг-Ахмета. Досада Хана Крымского на Великого Князя. Иоанн, заключив невестку и внука, объявляет Василия наследником. Разрыв с Стефаном Молдавским. Смерть Стефанова. Осада Смоленска. Битва с Магистром Ливонским близ Пскова. Папа старается о мире. Перемирие с Литвою и с Орденом. Хитрость Вел. Князя. Александр безрассудно досаждает ему.

Имея Литву главным предметом своей Политики, Государь с тою же деятельностью занимался и другими внешними делами, важными для чести и безопасности России. Он велел в 1492 году заложить каменную крепость против Нарвы, на Девичьей горе, с высокими башнями, и назвал ее, по своему имени, Иваньгород, к великому беспрепятству Ливонских Немцев, которые однако ж не могли ему в том воспрепятствовать и в 1493 году продолжили мир с Россиею на десять лет. Чрез несколько месяцев – так пишет Немецкий Историк – «всенародно сожгли в Ревеле одного Россиянина, уличенного в гнусном преступлении, и легкомысленные из тамошних граждан сказали его единоземцам: мы сожгли бы и вашего князя, если бы он сделал у нас то же. Сии безрассудные слова, пересказанные Государю Московскому, возбудили в нем столь великий гнев, что он изломал трость свою, бросил на землю и, взглянув на небо, грозно произнес: Бог суди мое дело и казни дерзость». А наш Летописец говорит, что Ревельцы обижали купцов Новгородских, грабили их на море, без обсылки с Иоанном и без исследования варили его подданных в котлах, делая несносные грубости Послам Московским, которые ездили в Италию и в Немецкую землю. Раздраженный Государь требовал, чтобы Ливонское Правительство выдало ему Магистрат Ревельский, и, получив отказ, велел схватить Ганзейских купцов в Новгороде: их было там 49 человек, из Любека, Гамбурга, Грейфсвальда, Люнебурга. Мюнстера, Дортмунда, Билефельда, Унны, Дуизбурга, Эймбека, Дудерштата, Ревеля и Дерпта. Запечатали Немецкие гостинные дворы, лавки и божницу; отняли и Послали в Москву все товары, ценою на миллион гульденов; заключили несчастных в тяжкие оковы и в душные темницы. Весть о сем бедственном случае произвела тревогу во всей Германии. Давно не бывало подобного: Новгород в самых пылких ссорах с Ливонским Орденом щадил купцов Ганзейских, имея нужду во многих вещах, ими доставляемых России: ибо они привозили к нам не только фламандские сукна и другие Немецкие рукоделия, но и соль, медь, пшеницу. Ганза находилась тогда на вышней степени ее силы и богатства. Новгородская контора сего достопамятного купеческого союза издавна считалась матерью других: удар столь жестокий произвел всеобщее замешательство в делах оного. Послы Великого Магистра, семидесяти городов Немецких и зятя Иоаннова, Александра, приехали в Москву ходатайствовать за Ганзу и требовать освобождения купцов, предлагая с обеих сторон выслать судей на остров реки Наровы для разбора всех неудовольствий. Миновало более года: заключенные томились в темницах. Наконец Государь умилился и велел отпустить их: некоторые умерли в оковах, другие потонули в море на пути из Ревеля в Любек; немногие возвратились в отечество, и все лишились имения: ибо им не отдали товаров. Сим пресекалась торговля Ганзейская в Новгороде, быв для него источником богатства и самого гражданского просвещения в то время, когда Россия, омраченная густыми тенями варварства Могольского, сим одним путем сообщалась с Европою. Иоанн без сомнения сделал ошибку, Последовав движению гнева; хотел исправить оную и не мог: Немецкие купцы уже страшились вверять судьбу свою такой земле, где единое мановение грозного Самовластителя лишало их вольности, имения и жизни, не отличая виновных от невинных. Любек, Гамбург и другие союзные города, пострадав за Ревель, имели причину жаловаться на жестокость Иоанна, который думал только явить гнев и милость, в надежде, что Немцы, смиренные наказанием, с благодарностию возвратятся на свое древнее торжище: чего однако ж не случилось. Люди охотнее подвергаются морским волнам и бурям, нежели беззаконному насилию правительств. Дворы, божница, лавки Немецкие опустели в Новгороде; торговля перешла оттуда в Ригу, Дерпт и Ревель, а после в Нарву, где Россияне менялись своими произведениями с чужестранными купцами.

Так Великий Князь в порыве досады разрушил благое дело веков, к обоюдному вреду Ганзы и России, в противность собственному его всегдашнему старанию быть в связи с образованною Европою. Некоторые Историки умствуют, что Иоанн видел в Ганзейских купцах проповедников народной вольности, питающих дух мятежа в Новгороде, и для того гнал их; но сия мысль не имеет никакого исторического основания и не согласна ни с духом времени, ни с характером Ганзы, которая думала единственно о своих торговых выгодах, не вмешиваясь в политические отношения граждан к Правительству, и, несмотря на покорение Новгорода, еще несколько лет купечествовала там свободно. Другие пишут, что Великий Князь сделал то в угождение Королю Датскому, ее неприятелю; что они условились вместе воевать Швецию; что Король уступал Иоанну знатную часть Финляндии, требуя уничтожения Ганзейской конторы в Новгороде. Сии два Монарха действительно заключили между собою тесный союз. Наши Послы возвратились из Копенгагена с новым Послом Датским, и скоро Воеводы Российские, Князь Щеня, Боярин Яков

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал Захарьевич, князь Василий Федорович Шуйский, осадили Выборг. Приготовления и силы наши были велики. Желая изъять особенное усердие, Псковитяне с каждых десяти сох поставили вооруженного всадника и на шумном Вече обесчестили многих Иереев, которые доказывали Номоканон, что жители церковных сел не должны участвовать в земских ополчениях. Но Россияне около трех месяцев стояли под Выборгом и не могли взять его. Уверяют, что тамошний начальник, храбрый витязь Кнут Поссе, видя их уже на стене крепости, зажег башню, где лежал порох: она с ужасным треском взлетела на воздух, а с нею и множество Россиян; другие, оглушенные, израненные обломками, пали на землю; остальные бежали, гонимые страхом и мечом осажденных. Сей случай, едва ли не баснословный, долго жил в памяти Финнов под именем Выборгского треска и прославил мнимое волшебное искусство Кнута Поссе. Воеводы наши удовольствовались только опустошением сел на пространстве тридцати или сорока миль.

Желая распорядить на месте военные действия, Иоанн сам ездил в Новгород со внуком Димитрием и сыном Юрием, оставив старшего сына, Василия, в Москве. Уже сей город не имел ни прежнего многолюдства, ни величавых Бояр, ни купцев именитых; но Архиепископ Геннадий и Наместники старались пышною встречей удовлетворить вкусу Иоаннову ко всему торжественному: Святитель, Духовенство, чиновники, народ ждали Государя на Московской дороге; радостные восклицания проводжали его до Софийской церкви: он обедал у Геннадия со Двором своим, который состоял из осьми Бояр Московских, четырех Тверских, трех Окольничих, Великого Дворецкого, Постельничего, Спальничего, трех Дьяков, пятидесяти Князей и многих Детей Боярских.

Воеводы, князь Василий Косой, Андрей Федорович Челяднин, Александр Владимирович Ростовский и Дмитрий Васильевич Шеин, посланные на Гамскую землю, Ямь, или Финляндию, разбили 7000 Шведов. Сам Государственный правитель, Стен Стур, находился в Або, имея сорок тысяч воинов, и хотел встретить Россиян в поле; но дал им время уйти назад с добычею и пленниками. Иоанн возвратился в Москву, приказав двум братьям, князьям Ивану и Петру Ушатым, собрать войско в области Устюжской, Двинской, Онежской, Вагской и весною идти на Каянию или на десять рек. Сей поход имел важнейшее следствие: князья Ушатые не только разорили всю землю от Корелии до Лапландии, но и присоединили к Российским владениям берега Лименги, коих жители отправили Посольство к Великому князю в Москву и дали клятву быть его верноподданными. За то Шведский чиновник, Свант Стур, с двумя тысячами воинов и с огнестрельным снарядом приплыв на семидесяти легких судах из Стокгольма в реку Нарову, взял Иваньгород. Тамошний начальник, князь Юрий Бабич, первый ушел из крепости; а воеводы, князь Иван Брюхо и Гундоров, стояли недалеко оттуда с полком многочисленным, видели приступ Шведов и не дали никакой помощи гражданам. Зная, что ему нельзя удержать сего места, Свант уступал оно Ливонскому рыцарству; но Магистр отказался от приобретения столь опасного. Шведы разорили часть крепости и спешили удалиться с тремястами пленников.

[1496 г.] Война кончилась тем, что Король Датский, друг Иоаннов, сделался Государем Швеции, согласно с желанием ее Сената и Духовенства. Он старался всячески соблюсти приязнь Великого князя и, может быть, отдал ему некоторые места в Финляндии. Два раза (в 1500 и в 1501 году) Послы его были в Москве, а наши в Дании, вероятно, для утверждения бесспорных границ между обеими державами. Финляндия наконец отдохнула, претерпев ужасные бедствия от наших частых впадений, так, что Шведский Государственный Совет, обвиняя бывшего правителя Стена во многих жестокостях, сказал в манифесте: «Он злодействовал в Швеции, как Россияне в Финляндии!» Главною причиною сей войны было, кажется, упрямство Стена, который никак не хотел относиться к Новгородским Наместникам, требуя, чтобы сам Великий князь договаривался с ним о мире: Иоанн досадовал на такую гордость и желал смирить оную.

[1497 г.] Доселе царь Казанский верно исполнял обязанность нашего присяжника; но, угождая Иоанну, теснил подданных и был ненавидим Вельможами, которые тайно предлагали Владетелю Шибанскому, Мамуку, избавить их от тирана. Магмед-Аминь, узнав о том, требовал защиты в Москве, и Государь прислал к нему воеводу, князя Ряполовского, с сильною ратиею. Изменники бежали: Мамук удалился от пределов Казанских; все было тихо и спокойно. Магмед-Аминь отпустил Ряполовского, но чрез месяц сам явился в Москве, с вестиею, что Мамук, внезапно изгнав его, царствует в Казани. Сей новый царь умел только грабить: жадный к богатству, отнимал у купцев товары, у Вельмож сокровища и посадил в темницу главных своих доброжелателей, которые предали ему Казань, изменив Магмед-Аминю. Он хотел завоевать городок Арский: не взял его и не мог уже возвратиться в Казань, где граждане стояли на

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал
стенах с оружием, велел сказать ему, что им не надобен Царь-разбойник. Мамук
ушел восвоися; а Вельможи Казанские отправили Посольство к Иоанну, смиренно
извиняясь перед ним, но вина и Магмед-Аминя в несносных для народа утеснениях.
«Хотим иметь инога Царя от руки твоей, – говорили они: – дай нам второго
Ибрагимова сына, Абдыл-Летифа». Иоанн согласился и Послал сего меньшего пасынка
Менгли-Гиреева в Казань, где Князя Симеон Данилович Холмский и Федор Палецкий
возвели его на Царство, заставив народ присягнуть в верности к Российскому
Монарху. – Чтобы удовольствовать и Магмед-Аминя, Великий Князь дал ему в
поместье Коширу, Серпухов и Хотунь, к бедствию жителей, коим он сделался
ненавистен своим алчным корыстолюбием и злобным нравом.

Сие происшествие могло обеспокоить Нурсалтан, жену Менгли-Гирееву: Иоанн дал ей
знать о том в самых ласковых выражениях, уверяя, что Казань всегда будет
собственностью ее рода. Благодаря великого Князя, она уведомяла его о своем
возвращении из Мекки и намерении ехать в Россию для свидания с сыновьями.
Менгли-Гирей прислал Иоанну в дар яхонтовый перстень Магомета II и старался
утвердить Султана Баязета в благосклонном к нам расположении. Хотя Посол
Турецкий и не доехал до Москвы, однако ж Иоанн решился тогда отправить своего в
Константинополь, чтобы изъявить признательность Султану за его доброе намерение,
и поручил сие дело Михайлу Андреевичу Плещееву: Хан Крымский дал ему письмо и
вожатых. Целию Посольства было доставить нашим купцам безопасность и свободу в
торговле с областями Султанскими: по крайней мере в бумагах оно не упоминается
ни о чем ином; сказано только, чтобы Плещеев в изъявлениях Иоаннова дружества к
Баязету и к юному сыну его, Магмеду Шихзоде, Кафинскому Султану, строго наблюдал
достоинство Великого Князя; чтобы правил им поклон стоя, не на коленях, и никому
из других Послов не уступал места; чтобы говорил речь единственно Султану, а не
Пашам, и проч. Плещеев, исполняя в точности наказ Государев, своею гордостью
удивил двор Баязетов. Обласканный Пашами в Константинополе и слыша, что его на
другой день представят Султану, он не хотел ехать к ним на обед, не взял их
даров, которые состояли в драгоценной одежде, ни десяти тысяч Оттоманских денег,
назначенных ему на содержание, и сказал присланному от них чиновнику: «Мне с
Пашами нет речи; их платье не надену; денег не хочу; буду говорить только с
Султаном». Однако ж Баязет отпустил Плещеева с ласковою ответною грамотою и
сделал все, чего требовал Иоанн в рассуждении наших купцов. «Государь
Российский, – писал он к Менгли-Гирею, – с коим искренно желаю быть в любви,
прислал ко мне какого-то невежду: для сего не посылаю с ним моих людей в Россию,
опасаясь, чтобы их там не оскорбили. Уважаемый от Востока до Запада, не хочу
подвергнуть себя такому стыду. Пусть сын мой, Правитель Кафы, сносится с
Иоанном». Но, соблюдая учтивость, Баязет не жаловался самому Великому Князю на
его Посла и писал к нему следующее: «Ты от чистого сердца присла доброго мужа к
моему порогу: он видел меня и вручил мне твою грамоту, которую я приложил к
своему сердцу, видя, что желаешь быть нам другом. Послы и гости твои да ездят
часто в мою землю: они увидят и скажут тебе нашу правду, равно как и сей, едущий
назад в свое отечество. Дай Бог, чтобы он благополучно возвратился с нашим
великим поклоном и к тебе и ко всем друзьям твоим: ибо кого ты любишь, того и мы
любим». – Столь мирно и дружелюбно началось государственное сношение России с
Оттоманскою Державою! Ни та, ни другая не могла предвидеть, что Судьба готовит
их к ужасному взаимному противоборству, коему надлежало решить падение
Магометанских Царств в мире и первенство Христианского оружия!

[1498 г.] Плещеев возвратился в Москву тогда, когда двор, Вельможи и народ были
ужасным образом волнуемы происшествиями, горестными для Иоаннова сердца. Мы
видели, что с XV века установилось новое право наследственное в России, по коему
уже не братья, а сыновья были преемниками Великокняжеского достоинства; но
кончина старшего Иоаннова сына произвела вопрос: «кому быть наследником
Государства, внуку ли Димитрию или Василию Иоанновичу?» Великий Князь колебался:
Бояре думали разное, одни доброхотствуя Елене и юному сыну ее, другие Софии и
Василию; первых было гораздо более, отчасти по любви, которую все имели к
великодушному отцу Димитрию, отчасти и потому, что мать его окружали только
Россияне; Софию же многие Греки, неприятные нашим Вельможам. Друзья Еленины
утверждали, что Димитрий естественным образом наследовал право своего родителя
на Великое Княжение; а Софиины доброжелатели ответствовали, что внук не может
быть предпочтен сыну – и какому? происшедшему от крови Императоров Греческих.
София и Елена, обе хитрые, честолюбивые, ненавидели друг друга, но соблюдали
наружную пристойность. Великая Княгиня Рязанская, Анна, гостила тогда в Москве у
брата, равно ласкаемая его супругою и невесткою: он мог еще наслаждаться
семейственными удовольствиями; продержал сестру несколько месяцев, склонил ее
выдать дочь за Князя Федора Ивановича Бельского и с любовию отпустил в Рязань,

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагда где надлежало быть свадьбе.

Скоро по отъезде Анны донесли Государю о важном заговоре. Дьяк Федор Стромилов уверил юного Василия, что родитель его хочет объявить внука наследником: сей Дьяк и некоторые безрассудные молодые люди предлагали Василию погубить Димитрия, уйти в Вологду и захватить там казну Государеву. Они втайне умножали число своих единомышленников и клятвою обязались усердно служить сыну против отца и Государя. Иоанн, узнав о том, воспылил гневом. Обвиняемых взяли в допрос, пытали и, вынудив от них признание, казнили на Москве-реке: Дьякам Стромилову и Гусеву, Князю Ивану Палецкому и Скрябину отсекали голову: Афанасию Яропкину и Поярку ноги, руки и голову; многих иных Детей Боярских посадили в темницу и к самому Василию приставили во дворце стражу. Гнев Иоаннов пал и на Софию: ему сказали, что к ней ходят мнимые колдуньи с зелием; их схватили, обыскали и ночью утопили в Москве-реке. С того времени Государь не хотел видеть супруги, подозревая, кажется, что она мыслила отравить ядом невестку Елену и Димитрия. В сем случае Наместник Московский, Князь Иван Юрьевич, и Воевода Симеон Ряполовский действовали явно как ревностные друзья Иоаннова внука и недоброжелатели Софины.

Елена торжествовала: Великий Князь немедленно назвал ее сына своим преемником и возложил на него венец Мономахов. Искони Духовные Российские Пастыри благословляли Государей при восшествии их на престол, и сей обряд совершался в церкви; но древние Летописцы не сказывают ничего более: здесь в первый раз видим Царское венчание, описанное со всеми любопытными обстоятельствами. В назначенный день Государь, провождаемый всем Двором, Боярами и чиновниками, ввел юного, пятнадцатилетнего Димитрия в Соборную церковь Успения, где Митрополит с пятью Епископами, многими Архимандритами, Игуменами, пел молебен Богоматери и Чудотворцу Петру. Среди церкви возвышался амвон с тремя седалищами: для Государя, Димитрия и Митрополита. Близ сего места лежали на столе венец и бармы Мономаховы. После молебна Иоанн и Митрополит сели: Димитрий стоял пред ними на вышней степени амвона. Иоанн сказал: «Отче Митрополит! издревле Государи, предки наши, давали Великое Княжество первым сынам своим: я также благословил оным моего первородного, Иоанна. Но по воле Божией его не стало: благословляю ныне внука Димитрия, его сына, при себе и после себя Великим Княжеством Владимирским, Московским, Новгородским: и ты, отче, дай ему благословение». Митрополит велел юному Князю ступить на амвон, встал, благословил Димитрия крестом и, положив руку на главу его, громко молился, да Господь, Царь Царей, от Святого жилища Своего благоволит воззреть с любовию на Димитрия; да сподобит его помазаться елеем радости, приять силу свыше, венец и скипетр Царствия; да воссядет юноша на престол правды, оградится всеоружием Святого Духа и твердою мышцею покорит народы варварские; да живет в сердце его добродетель, Вера чистая и правосудие. Тут два Архимандрита подали бармы: Митрополит, ознаменовав Димитрия крестом, вручил их Иоанну, который возложил оные на внука. Митрополит тихо произнес следующее: «Господи Вседержителю и Царю веков! се земный человек, Тобою Царем сотворенный, преклоняет главу в молении к Тебе, Владыке мира. Храни его под кровом Своим: правда и мир да сияют во дни его; да живем с ним тихо и покойно в чистоте душевной!..» Архимандриты подали венец: Иоанн взял его из рук Первосвященителя и возложил на внука. Митрополит сказал: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа!»

Читали Ектению и молитву Богоматери. Великий Князь и Митрополит сели на своих местах. Архидиакон с амвона возгласил многолетие обоим Государям: за ним лик Священников и Диаконов. Митрополит встал и вместе с Епископами поздравил деда и внука: также сыновья Государевы, Бояре и все знатные сановники. В заключение Иоанн сказал юному Князю: «Внук Димитрий! Я пожаловал и благословил тебя Великим Княжеством; а ты имей страх Божий в сердце, люби правду, милость и пекись о всем Христианстве». – Великие Князья сошли с амвона. После обедни Иоанн возвратился в свой дворец, а Димитрий, в венце и в бармах, провождаемый всеми детьми Государевыми (кроме Василия) и Боярами, ходил в собор Архангела Михаила и Благовещения, где сын Иоаннов, Юрий, осыпал его в дверях золотыми и серебряными деньгами.

В тот день был великолепный пир у Государя для всех духовных и светских сановников. Лаская юного Димитрия, он подарил ему крест с золотою цепью, пояс, осыпанный драгоценными камнями, и сердоликовую крабью Августа Цесаря.

Несмотря на сии знаки любви ко внуку, грозное чело Иоанново изъявляло мучительное смятение его души, так что самые усердные доброжелатели Елены – самые те, которые своими доносами и внушениями возбудили гнев Государев на Софию

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал и Василия – не смели радоваться, опасаясь перемены. Страх их был весьма основателен. Иоанн любил супругу, по крайней мере чтил в ней отрасль знаменитого Императорского дома, двадцать лет благоденствовал с нею, пользовался ее советами и мог по суеверию, свойственному и великим людям, приписывать счастью Софии успехи своих важнейших предприятий. Она имела тонкую Греческую хитрость и друзей при дворе. Василий, коего рождение, прославленное чудом, было столь вожделенно для отца, не мог лишиться всех прав на любовь его. Вина сего юного князя – если и несомнительная – находила извинение в незрелости ума и в легкомыслии молодых лет. Но миновал год: Россия уже привыкла к мысли, что Димитрий, любезный, непорочный сын отца, памятного благородным мужеством, и внук двух Великих Государей, будет ее Монархом. Открылось, что дед украсил венцом сего юношу как жертву, обреченную на погибель.

[1499 г.] К сожалению, Летописцы не объясняют всех обстоятельств сего любопытного происшествия, сказывая только, что Иоанн возвратил наконец свою нежность супруге и сыну, велел снова исследовать бывшие на них доносы, узнал козни друзей Елениных и, считая себя обманутым, явил ужасный пример строгости над знатнейшими Вельможами, князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым, двумя его сыновьями и зятем, князем Симеоном Ряполовским, обличенными в крамоле: осудил их на смертную казнь, невзирая на то, что Иван Юрьевич, праправнук славного Ольгерда, был родной племянник Темного, сын дочери Великого князя Василия Димитриевича, Марии, и тридцать шесть лет верно сужил Государю как первый Боярин в делах войны и мира: отец же Ряполовского, один из потомков Всеволода Великого, спасал Иоанна в юности от злобы Шемякиной. Государь по-видимому уверился, что они, усердствуя Елене, оклеветали пред ним и Софию и Василия: не знаем точной истины; но Иоанн во всяком случае был обманут кознями той или другой стороны: жалостная участь Монархов, коих легковерие стоит чести или жизни невинным! Князю Ряполовскому отсекали голову на Москве-реке; но Митрополит Симон, Архиепископ Ростовский и другие Святители ревностным ходатайством спасли Патрикеевых от казни: Иван Юрьевич и старший его сын, Боярин Василий Косой, постриглись в Монахи: первый в обители Св. Сергия, а второй – Св. Кирилла Белозерского; меньший сын Юрьевича, Иван Мынинда, остался под стражею в доме. Сия первая знаменитая Боярская опала изумила Вельмож, доказав, что гнев Самодержца не щадит ни сана, ни заслуг долговременных.

Чрез шесть недель Иоанн назвал Василия Государем, Великим князем Новагорода и Пскова, изъявлял холодность к невестке и ко внуку; однако ж долго медлил и совестился отнять старейшинство у Последнего, данное ему пред лицом всей России и с обрядами священными. Еще Димитрий именовался Великим князем Владимирским и Московским; но двор благоговел пред Софиею, удаляясь от Елены и сына ее: ибо предвидели будущее. Мог ли Иоанн, столь счастливо основав единовластие в России, предать ее по своей кончине в жертву новому, вероятному междоусобию двух князей Великих, сына и внука? Могла ли и София быть спокойною, не свергнув Димитрия? Одним словом, его падение казалось уже необходимым. – Псковитяне, с удивлением и неудовольствием сведав, что Иоанн дал им Государя особенного, послали к нему знатнейших чиновников, жаловались на такую новость и молили, чтобы Димитрий, как будущий наследник Российской Державы, остался и Главою земли их. Великий князь с гневом отвечив: «Разве я не волен в моем сыне и внуке? Кому хочу, тому и дам Россию. Служите Василию». Послов заключили в башню, но скоро освободили.

Сие время без сомнения было самым печальнейшим Иоанновой жизни: однако ж Монарх являл и тогда непрестанную деятельность в отношениях государственных. В Шамахе господствовал Султан Махмут, внук Ширван-Шаха, данника Тамерлана и сыновей его. Слабость и бедствия их преемников, смерть завоевателя Персидского, Узун-Гассана, и малодушие его наследников возвратили независимость сей стране Каспийской. Махмут, величаясь достоинством Монарха, желал иметь любовь и дружбу с Государями знаменитыми, каков был Иоанн. Он прислал в Москву Вельможу своего, Шебеддина, с учтивыми и ласковыми словами, на которые отвечивали ему такими же; но Государь не счел за нужное отправить собственного Посла в Шамаху, сведав, может быть, о завоеваниях Измаила Софи, мнимого потомка Алиева, который около сего времени назвался Шахом, овладел Ираном, Багдадом, южными окрестностями моря Каспийского и сделался основателем сильной Державы Персидских Софиев, во дни отцев наших уничтоженной Тахмасом-Кулы Ханом.

Тогда же Иоанн посылал в Венецию грека Дмитрия, Ралева сына, с Митрофаном Карачаровым, и к Султану Баязету Алексея Голохвастова, с коим отправились многие наши купцы в Азов рекою Доном (они грузились на Мече у Каменного Коня). Голохвастов, имея учтивые письма к Баязету и к сыну его, Магмеду Шихзоде, должен

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал был исходатайствовать разные выгоды Московским торговым людям в Баязетовых владениях и сказать Пашам Султанским следующие слова: «Великий Князь не ведает, чем вы обвиняете бывшего у вас Российского Посла Михаила Плещеева; но знайте, что многие Государи шлют Послов к нашему, чтущему и жалующему их ради своего имени: Султан может в том удостовериться опытом». Голохвастов через несколько месяцев возвратился с ответными грамотами от Баязета и Шихзоды: Последний присылал из Кафы в Москву и собственного чиновника, который обедал у Великого Князя. Но дело шло, как и прежде, единственно о безопасной и свободной торговле.

В сей год Иоанн утвердил власть свою над северо-западною Сибирью, которая издревле платила дань Новгороду. Еще в 1465 году – по известию одного летописца – Устюжанин, именем Василий Скряба, с толпою вольницы ходил за Уральские горы воевать Югру и привел в Москву двух тамошних Князей, Калпака и Течика: взяв с них присягу в верности, Иоанн отпустил сих Князей в отечество, обложив Югру данию и милостиво наградил Скрябу. Сие завоевание оказалось недействительным или мнимым: подчинив себе Новгород, Иоанн (в мае 1483 года) должен был отрядить Воевод, Князя Федора Курбского Черного и Салтыка-Травина, с полками Устюжскими и Пермскими на Вогуличей и Югру. Близ устья реки Пелыни разбив Князя Вогульского, Юмшана, Воеводы Московские шли вниз по реке Тавде мимо Тюменя до Сибири, оттуда же берегом Иртыша до великой Оби в землю Югорскую, пленили ее Князя Молдана и с богатою добычею возвратились чрез пять месяцев в Устюг. Владетели Югорские или Кодские требовали мира, коего посредником был Епископ пермский Филофей; присягнули в верности к России и пили воду с золота пред нашими чиновниками, близ устья Выми; а Юмшан Вогульский с Епископом Филофеем сам приезжал в Москву и, милостиво обласканный Великим Князем, начал платить ему дань, быв дотеле, равно как и отец его, Асыка, ужасом Пермской области. Но конечное покорение сих отдаленных земель совершилось уже в 1499 году: Князя Симеон Курбский, Петр Ушатов и Заболоцкий-Бражник, предводительствуя пятью тысячами Устюжан, Двинян, Вятчан, плыли разными реками до Печоры, заложили на ее берегу крепость и 21 ноября отправились на лыжах к Каменному Поясу. Сражаясь с усилием ветров и засыпаемые снегом, странствующие полки Великокняжеские с неописанным трудом всходили на сии, во многих местах неприступные горы, где и в летние месяцы не является глазам ничего, кроме ужасных пустынь, голых утесов, стремнин, печальных кедров и хищных белых кречетов, но где, под мшистыми гранитами, скрываются богатые жилы металлов и цветные камни драгоценные. Там встретили Россияне толпу мирных Самоедов, убили 50 человек и взяли в добычу 200 оленей; наконец спустились в равнины и, достигнув городка Ляпина (ныне Вогульского местечка в Березовском уезде), исчислили, что они прошли уже 4650 верст. За Ляпином съехались к ним владетели Югорские, земли Обдорской, предлагая мир и вечное подданство Государю Московскому. Каждый из сих Князьков сидел на длинных санях, запряженных оленями. Воеводы Иоанновы ехали также на оленях, а воины на собаках, держа в руках огонь и меч для истребления бедных жителей. Курбский и Петр Ушатов взяли 32 города, Заболоцкий 8 городов (то есть мест, укрепленных острогом), более тысячи пленников и пятьдесят Князей; обязали всех жителей (Вогуличей, Югорцев или, как вероятно, Остяков и Самоедов) клятвою верности и благополучно возвратились в Москву к Пасхе. Сподвижники их рассказывали любопытным о трудах, ими перенесенных, о высоте Уральских гор, коих хребты скрываются в облаках и которые, по мнению Географов, назывались в древности Рифейскими, или Гиперборейскими; о зверях и птицах, неизвестных в нашем климате; о виде и странных обыкновениях жителей Сибирских: сии рассказы, повторяемые с прибавлением, служили источником баснословия о чудовищах и немых людях, будто бы обитающих на северо-востоке; о других, которые по смерти снова оживают, и проч. – С того времени Государи наши всегда именовались Князьями Югорскими, а в Европе разнесся слух, что мы завоевали древнее отечество Угров или Венгерцев: сами Россияне хвалились тем, основываясь на сходстве имен и на предании, что единоплеменник Аттилин, славный Маджарский Воевода Альм, вышел из глубины Азии Северной, или Скифии, где много соболей и драгоценных металлов: Югория же, как известно, доставляла издревле серебро и соболей Новгороду. Даже и новейшие ученые хотели доказывать истину сего мнения сходством между языком Вогуличей и Маджарским, или Венгерским.

[1500 г.] Иоанн посылал еще войско в Казань с Князем Федором Бельским, узнав, что Шибанский Царевич Агалак, брат Мамуков, ополчился на Абдыл-Летифа: Агалак ушел назад в свои Улусы, и Бельский возвратился; а для защиты Царя остались там Воеводы, Князь Михайло Курбский и Лобан Ряполовский, которые чрез несколько месяцев отразили Ногайских Мурз, Ямгурчю и Мусу, хотевших изгнать Абдыл-Летифа.

Но дела Литовские всего более заботили тогда Иоанна: взаимные неудовольствия

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал тестя и зятя произвели наконец разрыв явный и войну, которая осталась навеки памятною в летописях обеих Держав, имел столь важные для оных следствия.

Александр мог двумя способами исполнить обязанность Монарха благоразумного: или стараясь искреннею приязнию заслужить Иоаннову для целости и безопасности Державы своей, или в тишине изготавляя средства с успехом противоборствовать Великому Князю, умножая свои ратные силы, отвлекая от него союзников, приобретая их для себя: вместо чего он досаждал тестю по упрямству, по зависти, по слепому усердию к Латинской Вере; приближал войну и не готовился к оной; не умел расторгнуть опасной для него связи Иоанновой с Менгли-Гиреем, ни с Стефаном Молдавским, искав только бесполезной дружбы бывшего Шведского правителя, Стена, и слабых Царей Ординских; одним словом, не умел быть ни приятелем, ни врагом сильной Москвы. Великий Князь еще несколько времени показывал миролюбие: освобождая купцев Ганзейских, говорил, что делает то из уважения к ходатайству зятя; не отвергал его посредничества в делах с Швециею; объяснял несправедливость частых Литовских жалоб на обиды Россиян. В 1497 году войско Султанское перешло Дунай, угрожая Литве и Польше: Иоанн велел сказать зятю, что Россияне в силу мирного договора готовы помогать ему, когда Турки действительно вступят в Литву. Но сие обещание не было искренним: Султан успел бы взять Вильну прежде, нежели Россияне тронулись бы с места. К счастью Александра, Турки удалились. Досадуя на Стефана за разорение Брянска, он хотел воевать Молдавию: Великий Князь просил его не тревожить союзника Москвы. «Я всегда надеялся, – отвечал Александр, – что зять тебе дороже свата: вижу иное». В 1499 году приехал в Москву Литовский Посол, Маршалок Станислав Глебович, и, представленный Иоанну, говорил так именем своего князя: «В угодность тебе, нашему брату, я заключил наконец союз любви и дружбы с Воеводою Молдавским Стефаном. Ныне слышим, что Баязет Султан ополчается на него всеми силами, дабы овладеть Молдавию: братья мои, Короли Венгерский, Богемский, Польский, хотят вместе со мною защитить оную. Будь и ты нашим сподвижником против общего злодея, уже владеющего многими Великими Государствами Христианскими. Держава Стефанова есть ограда для всех наших: когда Султан покорит ее, будет равно опасно и нам и тебе... Ты желаешь, чтобы я в своих грамотах именвал тебя Государем всей России, по мирному договору нашему: не отрицаюсь, но с условием, чтобы ты письменно и навеки утвердил за мною город Киев... К изумлению и прискорбию моему сведал я, что ты, вопреки клятвенному обету искреннего доброжелательства, умышляешь против меня зло в своих тайных сношениях с Менгли-Гиреем. Брат и тесть! вспомни душу и Веру». Сей упрек имел вид справедливости: Иоанн (в 1498 году), послав в Тавриду князя Ромодановского будто бы для того, чтобы прекратить вражду Менгли-Гирея с Александром, велел наедине сказать Хану: «Мирись, если хочешь; а я всегда буду заодно с тобою на Литовского князя и на Ахматовых сыновей». Александр – неизвестно, каким образом – имел в руках своих выписку из тайных бумаг Ромодановского и прислал оную в Москву для улики. Казначей и Дьяки Великокняжеские ответствовали Послу, что Иоанн, будучи сватом и другом Стефану, не откажется дать ему войска, когда он сам того потребует; что Государь никогда не утвердит Киева за Литвою и что сие предложение есть нелепость; что Ромодановский действительно говорил Менгли-Гирею вышеприведенные слова, но что виною тому сам Александр, будучи в дружбе с неприятелями России, сыновьями Ахматовыми.

Зная трудные обстоятельства Воеводы Молдавского, Иоанн не препятствовал ему мириться с Литвою; но тем приятнее было Великому Князю, что Менгли-Гирей изъявлял постоянную ненависть к наследникам Казимировым, отвергая все Александровы мирные предложения или требуя от него Киева, Канева и других городов, завоеванных некогда Батыем, то есть невозможного. Он убеждал Иоанна немедленно идти на Литву войною, обещая ему даже помощь Баязетову; но в то же время сам не верил Султану и писал откровенно к Великому Князю, что мыслит на всякий случай о безопасном для себя убежище вне Тавриды. Вот собственные слова его: «Султаны не прямые люди, говорят то, делают другое. Прежде Кафинские Наместники зависели от моей воли; а ныне там сын Баязетов: теперь еще молод и меня слушается; но за будущее нельзя ручаться. У стариков есть Пословица, что две бараньи головы в один котел не лезут. Если начнем ссориться, то будет худо; а где худо, оттуда бегут люди. Ты можешь достать себе Киев и городок Черкасск: я с радостию переселюсь на берег Днепра; наши люди будут твои, а твои наши. Когда же ни добром, ни лихом не возьмем Киева, ни Черкаска, то нельзя ли хотя выменять их на другие места? что утешит мое сердце и прославит имя твое». Иоанн отвечал: «Ревностно молю Бога о возвращении нам древней отчины, Киева, и мысль о ближнем соседстве с тобою, моим братом, весьма для меня приятна». Он ласкал Менгли-Гирея во всех письмах как друга, желая располагать его силами против

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагалитвы, в случае явного с нею разрыва. Но Александр столь мало надеялся на успех своего оружия и Великий Князь столь любил умеренность в счастии, столь был доволен последним миром с Литвою, что, несмотря на беспрестанные взаимные досады, жалобы, упреки, война едва ли могла бы открыться между ими, если бы в распрю их не замешалась Вера. Иоанн долго сносил грубости зятя; но терпение его исчезло, когда надлежало защитить Православие от Латинских фанатиков. Как ни скромно вела себя Елена, как ни таилась в своих домашних прискорбиях, уверяя родителя, что она любима мужем, свободна в исполнении обрядов Греческой Веры и всем довольна: однако ж Иоанн не престаивал беспокоиться, посылал ей душеспасительные книги, твердил о Законе и, сведав, что Духовник ее, Священник Фома, выслан из Вильны, с удивлением спрашивал о вине его. «Он мне неугоден, – сказала Елена: – буду искать другого». Наконец (в 1499 году) уведомили Великого Князя, что в Литве открылось гонение на Восточную Церковь; что Смоленский Епископ, Иосиф, взялся обратить всех единоверцев наших в Латинство; что Александр нудит к тому и супругу, желая угодить Папе и в летописях Римской Церкви заслужить имя Святого. Может быть, он хотел и государственного блага, думая, что единоверие подданных утверждает основание Державы: сие неоспоримо; но предприятие опасно: должно знать свойство народа, приготовить умы, избрать время и действовать более хитростию, нежели явною силою, или вместо желаемого добра произведешь бедствия: для того язычник Гедимин, Католик Витовт и отец Александров, впрочем суеверный, никогда не касались совести людей в делах Закона. Встревоженный известием, Иоанн немедленно отправил в Вильну Боярского сына, Мамонова, узнать подробно все обстоятельства, и велел ему наедине сказать Елене, чтобы она, презирая льстивые слова и даже муки, сохранила чистоту Веры своей. Так и поступила сия юная, добродетельная Княгиня: ни ласки, ни гнев мужа, ни хитрые убеждения коварного отступника, Смоленского Владыки, не могли поколебать ее твердости в Законе: она всегда гнушалась Латинским, как пишут Историки Польские.

Между тем гонение на Греческую Веру в Литве продолжалось. Киевского Митрополита Макария (в 1497 году) злодейски умертвили Перекопские Татары близ Мозыря: Александр обещал Первосвятительство Иосифу Смоленскому. В угодность ему сей честолюбивый Владыка, Епископ Виленский Альберт Табор и Монахи Бернардинские ездили из города в город склонять Духовенство, Князей, Бояр и народ к соединению с Римскою Церковию: ибо по смерти Киевского Митрополита Григория Святителя Литовской России, отвергнув устав Флорентийского Собора, не хотели зависеть от Папы и снова принимали Митрополитов от Патриархов Константинопольских. Иосиф доказывал, что Римский Первосвятитель есть действительно глава Христианства; Виленский Епископ и Бернардины вопили: «Да будет едино стадо и един Пастырь!» Александр грозил насилием: Папа в красноречивой Булле изъявлял свою радость, что еретики озаряются светом истины, и присылал в Литву мощи Святых. Но ревностные в Православии Христиане гнушались Латинским соблазном, и многие выехали в Россию. Знатный Князь, Симеон Бельский, первый поддался Государю Московскому с своею отчиною: за ним Князь Мосальские и Хотетовский, Бояре Мценские и Серпейские; другие готовились к тому же, и вся Литва находилась в волнении. Принимая к себе Литовских Князей с их поместьями, Иоанн нарушал мирный договор; но оправдывался необходимостью быть покровителем единоверцев, у коих отнимают мир совести и душевное спасение.

Видя опасность своего положения, Александр прислал в Москву Наместника Смоленского, Станислава, написав в верующей грамоте весь Государев титул и требуя, чтобы Иоанн взаимно исполнил договор, удовлетворил всем жалобам Литовских подданных и выдал ему Князя Симеона Бельского вместе с другими беглецами, коих он будто бы никогда не мыслил гнать за Веру и которые бесстыдным образом на него клеветают. «Поздно брат и зять мой исполняет условия, – отвечивал Великий Князь, – именует меня наконец Государем всей России; но дочь моя еще не имеет придворной церкви и слышит хулы на свою Веру от Виленского Епископа и нашего отступника, Иосифа. Что делается в Литве? строят Латинские божницы в городах русских; отнимают жен от мужей, детей у родителей и силою крестят в Закон Римский. То ли называется не гнать за Веру и могу ли видеть равнодушно утесняемое Православие? Одним словом, я ни в чем не преступил условий мира, а зять мой не исполняет оных».

Новые измены устрашили Александра. Князь Иван Андреевич Можайский и сын Шемякин, Иван Димитриевич, непримиримые враги Государя Московского, пользовались в Литве отменною милостию Казимира, так, что он дал им в наследственное владение целые области в южной России: первому Чернигов, Стародуб, Гомель, Любеч; второму Рыльск и Новгород Северский, где, по смерти сих двух Князей, господствовали их

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал дети: сын Можайского, Симеон, и внук Шемякин, Василий, верные присяжники Александра до самого того времени, как он вздумал обращать князей и народ в Латинство. Сие безрассудное дело рушило узы любви и верности, соединявшие Государя с подданными. Следуя примеру Бельского, Симеон и Василий Ивановичи, забыв наследственную вражду, предложили Великому Князю избавить их и подвластные им города от Литовского ига. Тогда Иоанн решился действовать силою против зятя: Послал чиновника, именем Телешева, объявить ему, чтобы он уже не вступался в отчину Симеона Черниговского, ни Василия Рыльского, которые добровольно присоединяются к Московской Державе и будут охраняемы ее войском. Телешев должен был вручить Александру и складную грамоту, то есть Иоанн, сложив с себя крестное целование, объявлял войну Литве за принуждение Княгини Елены и всех наших единоверцев к Латинству. Грамота оканчивалась словами: «хочу стоять за Христианство, сколько мне Бог поможет».

Тщетно Александр желал отклонить войну, уверяя, что он всякому дает полную свободу в Вере и немедленно отправит Послов в Москву: Государь дозволил им приехать, но уже брал города в Литве. Войском нашим предводительствовал бывший Царь Казанский, Магмед-Аминь, но действовал и всем управлял Боярин Яков Захарьевич. Мценск и Серпейск сдались добровольно. Брянск не мог сопротивляться долго: тамошний Епископ и Наместник, Станислав Бардашевич, были отосланы в Москву. Князь Симеон Черниговский и внук Шемякин, встретив Москвитян на берегу Кондовы, с радостию присягнули Иоанну: то же сделали и Князья Трубчевские (или Трубецкие), потомки Ольгердовы. Усиленный их дружинами, Воевода Яков Захарьевич овладел Путивлем, пленил Князя Богдана Глинского с его женою и занял без кровопролития всю Литовскую Россию от нынешней Калужской и Тульской Губернии до Киевской. – Другая Московская рать, предводимая Боярином Юрием Захарьевичем (прапрадедом Царя Михаила Феодоровича), вступила в Смоленскую область и взяла Дорогобуж.

Необходимость защитить свою Державу вооружила наконец Александра. Обнажив меч с трепетом и чувствуя себя неспособным к ратному делу, он искал Полководца между своими Вельможами. Незадолго до того времени Гетман Литовский, Петр Белый, старец, уважаемый Двором и любимый народом, будучи на смертном одре, сказал горестному Александру: «Князь Острожский, Константин, может заменить меня отечеству, будучи украшен достоинствами редкими». Таков действительно был сей муж, один из потомков славного Романа Галицкого, имея весьма скромную наружность, малый рост, но великую душу. Еще немногие ведали его доблесть, которая оказалась После в тридцати битвах, счастливых для оружия Литовского; но все отдавали ему справедливость в добродетелях государственных, гражданских и семейственных: «дома благочестивый Нума (писал об нем легат Римский к Папе), в сражениях Ромул: к сожалению, он раскольник, ослеплен излишним усердием к Греческой Вере и не хочет отступить ни на волос от ее Догматов». Несмотря на то, Александр возвел Константина на степенъ Гетмана Литовского и – что еще важнее – вручил ему главное Воеводство против Россиян, его братьев и единоверцев: такую доверенность имел к его чести и присяге! В самом деле, никто не служил Литве и Польше усерднее Острожского, брата Россиян в церкви, но страшного врага их в поле. Смелый, бодрый, славолюбивый, сей Вождь одушевил слабые полки Литовские: знатнейшие Паны и рядовые воины шли с ним охотно на битву. Сам Александр остался в Борисове, Константин выступил из Смоленска.

Между тем Иоанн прислал в Дорогобуж Князя Даниила Щеню с Тверскою силою, велел ему предводительствовать Большим, или главным полком, а Юрию Захарьевичу Сторожевым, или сберегательным, к досаде сего честолюбивого Боярина, не хотевшего зависеть от Князя Даниила; но Государь дал знать Юрию, чтобы он не смел противиться воле Самодержца; что всякое место хорошо, где служишь отечеству и Монарху; что предводитель Сторожевого полку есть товарищ главного Воеводы и не должен обижаться своим саном. Здесь видим древнейший пример так называемого Местничества, столь вредного впоследствии для Российских воинств.

Близ Дорогобужа, среди обширного Митькова поля, на берегах реки Ведроши стояли Иоанновы Полководцы, Даниил Щеня и Юрий, готовые к бою. Князь Острожский знал от пленников о числе Россиян, надеялся легко управиться с ними и смело шел сквозь болотистые, лесистые ущелья к нашему стану. Передовой Московский полк отступил, чтобы заманить Литовцев на другой берег реки. Тут началась кровопролитная битва. Долго и мужество и силы казались равными: с обеих сторон сражалось тысяч восемьдесят или более; но Воеводы Иоанновы имели тайную засаду, которая внезапным ударом смяла неприятеля. Литовцы искали спасения в бегстве: их легко на месте тысяч восемь; множество утонуло в реке: ибо наша пехота зашла им в тыл

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Васи́лиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал и подрубила мост. Военачальник Константин, Наместник Смоленский Станислав, Маршалки Григорий Остюкович и Литавор Хребтович, Князья Друцкие, Мосальские, Паны и чиновники были взяты в плен; весь обоз и снаряд огнестрельный достался в руки победителю. С сею счастливою для нас вестию прискакал в Москву дворянин Михайло Плещеев. Государь, Бояре, народ изъявили радость необыкновенную. Никогда еще Россияне не одерживали такой победы над Литвою, ужасною для них почти не менее Моголов в течение ста пятидесяти лет. Слыхав от своих дедов, как знамена Ольгердовы развевались перед стенами Кремлевскими, как Витовт похищал целые Княжества России и с каким трудом благоразумный сын Донского, Василий Димитриевич, спас ее Последнее достояние, ликующие Москвитяне дивились Иоанновой и собственной их славе! – Князя Острожского вместе с другими знатными пленниками привезли в Москву окованного цепями, по сказанию Литовского Историка; но Иоанн чтит его и склонял вступить в нашу службу. Константин долго не соглашался: наконец, угрожаемый темницею, присягнул в верности Российскому Монарху, весьма неискренно; ему дали чин Воеводы и земли: но он, Литвин душою, не мог простить своих победителей, желал мести и совершил оную чрез несколько лет, как увидим.

Довольный искусством и мужеством наших Полководцев, Иоанн в знак чрезвычайной милости послал к ним знатного чиновника спросить о их здравии и велел ему сказать первое слово Князю Даниилу Щене, а второе Князю Иосифу Дорогобужскому, который отличился в сем деле. Скоро также пришла весть, что соединенные полки Новгородские, Псковские и Великолуцкие, разбив неприятеля близ Ловати, взяли Торопец. В сем войске были племянники Государевы, Князья Иван п Феодор, сыновья брата его, Бориса: они начальствовали только именем, подобно Царю Магмед-Аминю: Новгородский Наместник, Андрей Федорович Челяднин, вел Большой полк, имел знамя Великокняжеское, избирал частных предводителей и давал все повеления. Государь хотел увенчать свои успехи взятием Смоленска; но дождливая осень, недостаток в съестных припасах и зима, отменно снежная, заставила его отложить сие предприятие.

В самом начале войны он спешил известить Менгли-Гирея, что пришло для них время ударить с обеих сторон на Литву. Сообщение между Россиею и Крымом было весьма неверно: Азовские Козаки разбойничали в степях Воронежских, ограбили нашего Посла, Князя Кубенского, принужденного бросить свои бумаги в воду, а другого, Князя Федора Ромодановского, пленили. Несмотря на то, Менгли-Гирей, как усердный наш союзник, уже в Августе месяце громил Литву. Сыновья его, предводительствуя пятнадцатью тысячами конницы, выжгли Хмельник, Кременец, Брест, Владимир, Луцк, Бряславль, несколько городов в Польской Галиции и вывели оттуда множество пленников. Желая довершить бедствие зятя, Великий Князь старался воздвигнуть на него и Стефана Молдавского, обязанного договорами помогать России в случае войны с Литвою.

[1501 г.]. В сих несчастных обстоятельствах Александр делал что мог для спасения Державы своей: укрепил Витебск, Полоцк, Оршу, Смоленск; писал к Стефану, что ему будет стыдно нарушить мирный договор, заключенный между ими, и служить орудием сильному к утеснению слабого; предлагал свою дружбу Менгли-Гирею, убеждая его следовать примеру отца, постоянного союзника Казимира, и называя Государя Московского вероломным, хищником, лютым братоубийцею, в то же время отправил Посла в Золотую Орду склонять Хана, Шиг-Ахмета, к нападению на Тавриду; в Польше, в Богемии, в Венгрии, в Германии нанимал войско, не жалея казны, и заключил тесный союз с Ливониею. Хотя силы Ордена никак не могли равняться с нашими; но тогдашний Магистр оного, Вальтер фон Плеттенберг, был муж необыкновенных достоинств, благоразумный правитель и военачальник искусный: такие люди умеют с малыми средствами делать великое и бывают опасными неприятелями. Воспитанный в ненависти к Россиянам, иногда беспокойным и всегда неуступчивым соседям, досадуя на Великого князя за бедствие, претерпенное Немецкими купцами в Новгороде, и за другие новейшие обиды, Плеттенберг требовал помощи от Имперского Сейма в Ландау, в Вормсе, также от богатых городов Ганзейских и, думая, что война Литовская не позволит Иоанну действовать против Ордена большими силами, обязался быть верным сподвижником Александровым. Написали договор в Вендене, утвержденный Епископом Рижским, Дерптским, Эзельским, Курляндским, Ревельским и всеми чиновниками Ливонии: условились вместе ополчиться на Россию, делить между собою завоевания и в течение десяти лет одному не мириться без другого.

Но Князь Литовский в самом деле не мыслил о завоеваниях: изведав опытом могущество Иоанново, утратив и войско и знатную часть своей Державы, не хотел без крайности искать новых ратных опасностей и бедствий. В начале 1501 года

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагда приехали в Москву Послы от Королей, его братьев, Владислава Венгерского и Альбрехта Польского, а за ними и чиновник Александров, Станислав Нарбут. Именуя Великого Князя братом и сватом, Короли желали знать, за что он вооружился на зятя; предлагали ему мир; обещали удовлетворение; хотели, чтобы Иоанн освободил Литовских пленников и возвратил завоеванные им области. Посол Александров предлагал то же и говорил: «Ты открыл лютую войну и пустил огонь в нашу землю; засел многие области Александровы и прислал грамоту складную поздно; взял в плен Гетмана и Панов, высланных единственно для сбережения границы. Уими кровопролитие. Большие Послы Литовские готовы ехать к тебе для мирных переговоров». Казначей и Дьяки Великокняжеские именем Иоанна ответствовали, что зять его навлек на себя войну неисполнением условий; что Государь, обнажив меч за Веру, не отвергает мира пристойного, но не любит даром освобождать пленных и возвращать завоевания; что он ждет больших Послов Литовских и согласен сделать перемирие. – Послы обедали во дворце; но, отпуская их, Государь не подал им ни вина, ни руки.

Прошло несколько времени: Александр молчал, и Немецкие воины, им нанятые, грабя жителей в собственной его земле, имели шибки с нашими отрядами. Великий князь решился продолжать войну, несмотря на то, что его зять, по смерти Албрехта, сделался Королем Польским, следовательно, мог располагать силами двух Держав. Сын Иоаннов, Василий, с Наместником князем Симеоном Романовичем должен был из Новагорода идти к северным пределам Литвы; а другое войско, под начальством князей Симеона Черниговского или Стародубского, Василия Шемякина, Александра Ростовского и Боярина Воронцова, близ Мстиславля одержало знаменитую победу над князем Михаилом Ижеславским и Воеводою Евстафием Дашковичем: положив на месте около семи тысяч неприятелей, оно взяло множество пленников и все знамена; впрочем, удовольствовалося только разорением Мстиславских окрестностей и возвратилось в Москву.

Уже Магистр фон Плеттенберг действовал как ревностный союзник Литвы и враг Иоаннов. Купцы наши спокойно жили и торговали в Дерпте: их всех (числом более двухсот) нечаянно схватили, ограбили, заключили в темницы. Началась война, славная для мужества Рыцарей, еще славнейшая для Магистра, но бесполезная для Ордена, бедственная для несчастной Ливонии. Исполняя договор и думая, что Король Александр также исполнит его, то есть всеми силами с другой стороны нападет на Россию, Плеттенберг собрал 4000 всадников, несколько тысяч пехоты и вооруженных земледельцев; вступил в область Псковскую; жег, истреблял все огнем и мечом. Воеводы, Наместник князь Василий Шуйский с Новгородцами, а князь Пенко Ярославский с Тверитянами и Московскою дружиною пришли защитить Псков, но долго не хотели отважиться на битву; ждали особенного указа Государева, получили его и сразились с неприятелем 27 Августа, в десяти верстах от Изборска. Ливонский Историк пишет, что Россиян было 40000: сие превосходство сил оказалось ничтожным в сравнении с искусным действием огнестрельного снаряда Немецкого. Приведенные в ужас пушечным громом, омраченные густыми облаками дыма и пыли, Псковитяне бежали; за ними и дружина Московская, с великим стыдом, хотя и без важного урона. В числе убитых находился Воевода, Иван Бороздин, застреленный из пушки. – Беглецы кидали свои вещи и самое оружие; но победители не гнались за сею добычею, взятою жителями Изборскими, которые, разделив ее между собою, зажгли предместье, изготовились к битве и на другой день мужественно отразили Немцев.

Псков трепетал: все граждане вооружились; от двух третьему надлежало идти с копьем и мечом против гордого Магистра, который безжалостно опустошал села на берегу Великой и 7 Сентября сжег Остров, где погибло 4000 людей в пламени, от меча или во глубине реки, между тем как наши Воеводы стояли неподвижно в трех верстах, а Литовцы приступали к Опочке, чтобы, взяв сию крепость, вместе с Немцами осадить Псков. К счастью Россиян, открылась тогда жестокая болезнь в войске Плеттенберга: от худой пищи и недостатка в соли сделался кровавый понос; всякий день умирало множество людей. Не время было думать о геройских подвигах. Немцы спешили восвояси: Литовцы также удалились. Сам Магистр занемог, с трудом достигнул своего замка и распустил войско, желая единственно отдохновения.

Но Иоанн желал мести и поручил оную храброму князю Даниилу Щене, победителю Константина Острожского. В глубокую осень, несмотря на дожди, чрезвычайное разлитие вод и худые дороги, сей Московский Воевода вместе с князем Пенком опустошил все места вокруг Дерпта, Нейгаузена, Мариенбурга, умертвив или взяв в плен около 40000 человек. Рыцари долго сидели в крепостях; наконец в темную ночь близ Гельмета ударили на стан Россиян: стреляли из пушек; секлись мечами, во тьме и беспорядке. Воевода нашей передовой дружины, князь Александр Оболенский,

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Васи́лиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал пал в сей кровопролитной битве. Но Рыцари не могли одолеть и бежали. Полк Епископа Дерптского был истреблен совершенно. «Не осталось ни одного человека для вести, – говорит Летописец Псковский: – Москвитяне и Татары не саблями светлыми рубили поганых, а били их, как вепрей, шестоперами». Щеня и Пенко доходили почти до Ревеля и зимою [1502 г.] возвратились, причинив неописанный вред Ливонии. Немцы отплатили нам разорением предместия Ивановгородского, умертвив тамошнего Воеводу, Лобана Колычева, и множество земледельцев в окрестностях Красного.

Как мужественный Плеттенберг отвлек знатную часть Иоанновых сил от Литвы, так Шиг-Ахмет, непримиримый злодей Менгли-Гиреев, обуздывал Крымцев. Он с двадцатью тысячами своих Улусников, конных и пеших, расположился близ устья Тихой Сосны, под Девичьими горами: на другом берегу Дона стоял Хан Крымский, с двадцатью пятью тысячами, в укреплении, ожидая Россиян. «Люди твои, – писал он к Великому Князю, – ходят в судах рекою Доном: пришли с ними несколько пушек, для одной славы: враг уйдет». Как ни занят был Иоанн войною Литовскою и Немецкою, однако ж немедленно выслал помощь союзнику: Магмет-Аминь вел наших служилых Татар, а Князь Василий Ноздроватый Москвитян и Рязанцев; за ними отправлялись пушки водою. Но Менгли-Гирей не дождался их, отступил, извиняясь голодом, и ручался Иоанну за скорую гибель Золотой Орды. С того времени Крымцы действительно не давали ей покоя ни летом, ни зимою и зажигали степи, в коих она скиталась. Напрасно Шиг-Ахмет звал к себе Литовцев: подходил к Рыльску и не видал их знамен; видел только наши и войско Иоанново, готовое к бою; жаловался, винил Александра, говоря ему чрез своих Послов: «Для тебя мы ополчились, сносили труды и нужду в пустынях ужасных; а ты оставляешь нас без помощи, в жертву гладу и Менгли-Гирею». Новый Король посылал Хану дары, обещал и войско, но обманывал или медлил, занимаясь тогда празднествами в Кракове. Между тем Князь, Уланы бежали толпами от Шиг-Ахмета. Оставленный и самую любимую женою, которая ушла в Тавриду; будучи в ссоре с братом, Сеит-Махмутом, желавшим тогда иметь пристанище в России; досадуя на Короля Польского и зная худые успехи его оружия, Шиг-Ахмет решил искать дружбы Иоанновой и в конце 1501 года прислал в Москву Вельможу Хаза, предлагая союз Великому Князю с условием воевать Литву, ежели он ни в каком случае не будет вступаться за Менгли-Гирея. Политика незлопамятна: Иоанн охотно соглашался быть другом Шиг-Ахмета, чтобы отвратить его от Литвы; только не мог пожертвовать ему важнейшим союзником России: для того послал в Орду собственного чиновника с ласковыми приветствиями, но с объявлением, что враги Менгли-Гиреевы не будут никогда нашими друзьями. Слепленный личною ненавистью, Шиг-Ахмет лучше хотел зависеть от милости своего бывшего данника, Государя Московского, нежели примириться с единоверным братом, Ханом Таврическим, и погубил остатки Батыева Царства: весною в 1502 году Менгли-Гирей внезапным нападением сокрушил оные; рассыпал, истребил или взял в плен изнуренные голодом толпы, которые еще скитались с Шиг-Ахметом; прогнал его в отдаленные степи Ногайские и торжественно известил Иоанна, что древняя Большая Орда уже не существует: «Улусы злодея нашего в руке моей, – говорил он: – а ты, брат любезный, слыша столь добрые вести, ликуй и радуйся!»

Заметим, что Летописцы наши едва упоминают о сем происшествии: ибо Россияне уже презирали слабую Орду, еще недавно трепетав Ахматова могущества. – Поздравляя Менгли-Гирея с одолением их общего врага, Иоанн писал к нему, чтобы он не забывал гораздо важнейшего, то есть короля Польского, и, навсегда безопасный от злобы Ахматовых сыновей, довершил победу над Литвою. Имея единственно сию цель, Великий Князь мыслил даже восставить Шиг-Ахмета: пересылаясь с ним, обещал ему Астрахань, с условием, чтобы сей изгнанник клятвенно обязался быть врагом Литвы и доброжелателем Хана Крымского. Таким образом Шиг-Ахмет мог еще остаться Царем по милости Государя, коему более всех иных надлежало бы ненавидеть племя Батыево! Но, увлеченный судьбою, он с двумя братьями, Козяком и Халеком, поехал в Царьград к Султану Баязету. Их остановили. Султан велел им сказать, что для врагов Менгли-Гиреевых нет пути в Турецкую Империю. Гонимые Царевичами Крымскими, они бежали в Киев и вместо помощи нашли там неволю: Шиг-Ахмета, братьев, слуг его взяли под стражу: ибо Государь Литовский, уже не имея нужды в союзе беглеца, думал, что сей несчастный может быть для него залогом мира с Тавридою. «Враги твои в моих руках, – приказывал он к Менгли-Гирею: – от меня зависит назло тебе освободить Ахматовых сыновей, если не примиришься со мною». Но Иоанн убеждал Хана не верить ему и писал: «В противность всем уставам Литовцы заключили своего союзника, который долгое время служил им орудием: так некогда поступили и с Седи-Ахматом; так и сия новая жертва их вероломства погибнет в темнице. Будь спокоен: они уже не освободят твоего злодея, ибо должны опасаться его мести». Предсказание Великого Князя исполнялось: быв еще несколько лет

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Васильевича. Николай Михайлович Карамзин кагал
игралитцем Литовской политики – то с уважением честимый во дворце как знаменитый
властитель, то осуждаемый на самую тяжкую неволю как преступник – Шиг-Ахмет
изъявлял великодушие в бедствии и, представленный на Сейм Радомский,
торжественно обвинял короля, сказав: «Ты льстивыми обещаниями вызвал меня из
дальних стран Скифии и предал Менгли-Гирею. Утратив мое войско и все Царское
достояние, я искал убежища в земле друга, а друг встретил меня как неприятеля и
ввергнул в темницу. Но есть Бог» (примолвил он, воздев руки на небо): «пред ним
будем судиться, и вероломство твое не останется без наказания». Ни красноречие,
ни истина сих упреков не тронула Александра, коего Вельможи ответствовали, что
Шиг-Ахмет должен винить самого себя; что его воины грабили в окрестностях Киева;
что Король советовал ему удалиться к границам Российским, к Стародубу, и там
искать добычи, что он упрямылся, не хотел того сделать, держался в соседстве с
опасною для него Тавридою, погубил свою рать и думал тайно уехать к Султану, без
сомнения, с каким-нибудь вредным для Польши и Литвы намерением. Одним словом,
сей именем Последний Царь Золотой Орды умер невольником в Ковне, не доставив
заключением своим ни малейшей выгоды Литве. Самая жестокосердая политика,
хваляся иногда злодействами счастливыми, признает бесполезные ошибки. Иоанн
лучше своего зятя умел соглашать ее законы с правилами великодушия: в то время,
когда сыновья Ахматовы кляли вероломство Литовское, племянники сего врага
нашего, Царевичи Астраханские, Исуп и Шигавляир, хвалились милостию Великого
Князя, вступив к нему в службу.

Не слушая никаких льстивых предложений Александровых, Менгли-Гирей едва было не
размолвился с Иоанном по другой причине. Сведав о многих несправедливостях Царя
Казанского, Абдыл-Летифа, Государь велел Князю Василию Ноздреватому взять его,
привезти в Москву и заточил на Белоозеро, а в Казань Послал господствовать
вторично Магмет-Аминя, отдав ему жену бывшего Царя, Алегамы. Менгли-Гирей
оскорбился и просил, чтобы Иоанн, извинив безрассудную молодость Летифа, или
отпустил его, или наградил поместьем. Хан писал: «Если не исполнишь сего, то
уничтожится наш союз, весьма для тебя полезный: ибо счастливым действием одного
враги твои исчезли и Государство твое распространилось. Старые, умные люди
твердят, что лучше умереть с добрым именем, нежели благоденствовать с худым: а
можешь ли сохранить первое, нарушив святую клятву братства между нами?.. Посылаю
тебе перстень из рога кагерденева, Индейского зверя, коего тайная сила мешает
действию всякого яда: носи его на руке и помни мою дружбу; а свою докажешь мне,
когда сделаешь то, о чем молю тебя неотступно». Но Великий Князь опасался
выпустить Летифа из России и, дав ему пристойное содержание, удовлетворив
Менгли-Гирея, так что сей Хан не преставал вместе с ним усердно действовать
против Литвы. Войско Крымское, состоящее из 90000 человек и предводимое
сыновьями Ханскими, в Августе 1502 года опустошило все места вокруг Луцка,
Турова, Львова, Бряславля, Люблина, Вишневецца, Бельза, Кракова.

Тогда же Стефан Молдавский, пользуясь обстоятельствами, завоевал на Днестре
Колымью, Галич, Снятии, Красное и тем ослабил могущество Польши, хотя уже и не
думал в сие время содействовать нашим выгодам, ибо имел важную причину к
неудовольствию на Иоанна. Около трех лет дочь его, вдовствующая Княгиня Елена,
среди двора Московского находилась с юным сыном, Димитрием, как бы в изгнании,
оставленная прежними друзьями, угрожаемая немилостию Великого Князя и ненавистию
Софии. Может быть, открылись новые недозволенные происки честолюбивой Елены или
нескромные слова, внушенные ей досадою, оскорбили ее свекора, или клевета
представила ему невестку в виде опасной заговорщицы; не знаем; но Иоанн вдруг
разгневался на Елену и на Димитрия, приставил к ним стражу, запретил внуку
именоваться Великим Князем и даже поминать их в церковных молитвах; а чрез два
дня объявил сына, Василия, Государем, наследником престола Всероссийского.
Димитрию едва исполнилось 18 лет: в такой юности он не мог быть важным
соумышленником матери, если и действительно виновной. Народ жалел об нем, хотя
ни Духовенство, ни Вельможи не смели осуждать приговора, изреченного
Мамодержцем. Но Россия утратила Стефанову дружбу: седой Герой Молдавский,
оскорбленный бедствием своей дочери и внука, возненавидел Иоанна, и старания
благоразумного Менгли-Гирея не могли примирить их. Великий Князь любил исполнять
только собственную волю; не терпел гордых требований и в ответ Хану Крымскому на
вопрос: «для чего Димитрий лишен отцовского наследия?» – сказал: «Милость моя
возвела внука на степень Государя, а немилость свергнула: ибо он и мать его
досадили мне. Жалуют того, кто служит или угождает: грубых за что жаловать?»
Елена от горести и тоски скончалась в Генваре 1505 года; а несчастный ее сын,
бывший наследник Российской Монархии, остался под стражею как государственный
преступник: никто не имел к нему доступа, кроме малого числа слуг и
надзирателей.

Впрочем, сей разрыв между Стефаном и Великим Князем не имел никаких важных следствий, кроме того, что первый задержал наших Послов и художников Итальянских, которые ехали из Рима в Москву: о чем Иоанн писал не только к Менгли-Гирею, но и к Султану Кафинскому, Баязетову сыну, убеждая их вступить за такое нарушение права народного. Стефан отпустил Послов. Тщетно король Александр склонял его быть деятельным врагом России и союзником Польши: Стефан не хотел возвратить ему завоеванной им Днестровской области до самой своей кончины. Сей великий муж умер в 1504 году: готовый закрыть глаза навеки, он дал совет сыну Богдану и Вельможам покориться Оттоманской Империи, сказав: «Знаю, как трудно было мне удерживать право независимого Властителя. Вы не в силах бороться с Баязетом и только разорили бы отечество. Лучше добровольно уступить то, чего сохранить не можете». Богдан признал над собою верховную власть Султана, и слава Молдавии исчезла с Господарем Стефаном, быв искусственным творением его души великой.

Иоанн не терял времени в бездействии; и, желая увенчать свои победы новым важным приобретением, в июле 1502 года отправил сына, Димитрия, со многочисленную ратию на Литву. С ним находились племянники Государевы, Феодор Волоцкий, Иван Торусский; Бельский, зять сестры его Анны; Удельный Князь Рязанский Феодор; Князь Симеон Стародубский и внук Шемякин, Василий Рыльский; Бояре Василий Холмский, Яков Захарьевич, Шеин; Князя Александр Ростовский, Михайло Корамыш-Курбский, Телятевский, Репня и Телепень Оболенские, Константин Ярославский, Стрига-Ряполовский. Целию столь знаменитого ополчения был наш древний, столичный город Смоленск, укрепленный природою и каменными стенами. Осада требовала искусства и больших усилий. Димитрий послал отряды к Березине и Двине. Россияне взяли Оршу, выжгли предместье Витебское, все деревни до Полоцка, Мстиславля; пленили несколько тысяч людей, но должны были за недостатком в продовольствии удалиться от Смоленска, где начальствовали Воеводы Королевские, Станислав Кишка и Наместник его, Сологуб, прославленные Историком Литовским за оказанное ими мужество. – В декабре того же года князя Северские, Симеон Стародубский и внук Шемякин, Василий, с Московскими и Рязанскими Воеводами опять ходили на Литву; не завоевали городов, но везде распространили ужас жестокими опустошениями.

Верный союзник Александров, Вальтер Плеттенберг, снова хотел отвесть счастья в полях Российских и с 15 000 воинов приступил к Изборску: разбил пушками стены, но, боясь терять время, спешил осадить Псков. Он ждал Короля, давшего ему слово встретить его на берегах Великой. Сего не сделалось: Литовцы остались в своих пределах; однако ж Магистр с жаром начал осаду: стрелял из пушек и пищалей; старался разрушить крепость. К счастью жителей, Воеводы Иоанновы, Даниил Щеня и Князь Василий Шуйский, уже были недалеко с полками сильными. Немцы отступили: Воеводы от Изборска зашли им в тыл. Они увидели друг друга на берегах озера Смолина. Плеттенберг, ободрив своих великодушною речью; употребил хитрость: двинулся с войском в сторону, как бы имея намерение спастись бегством. Россияне кинулись на обоз Немецкий; другие устремились за войском и в беспорядке наскakали на стройные ряды неприятеля: смешанные действием его огнестрельного снаряда, хотели мужеством исправить свою ошибку; сразились, но большею частию легли на месте: остальные бежали. Магистр не гнался за ними. Россияне ободрились, устроились и снова напали. Если верить Ливонским Историкам, то наших было 90000. Немцы бились отчаянно; пехота их заслужила в сей день славное название железной. Оказав неустранимость, хладнокровие, искусство, Плеттенберг мог бы одержать победу, если бы не случилась измена. Пишут, что Орденский Знаменосец, Шварц, будучи смертельно уязвлен стрелою, закричал своим: «Кто из вас достоин принять от меня знамя?» Один из Рыцарей, именем Гаммерштет, хотел взять его, получил отказ и в досаде отсек руку Шварцу, который, схватив знамя в другую, зубами изорвал оное; а Гаммерштет бежал к Россиянам и помог им истребить значную часть Немецкой пехоты. Однако же Плеттенберг устоял на месте. Сражение кончилось: те и другие имели нужду в отдыхе. Прошло два дня: Магистр в порядке удалился к границе и навеки уставил торжествовать 13 Сентября, или день Псковской битвы, знаменитой в летописях Ордена, который долгое время гордился подвигами сей войны как славнейшими для своего оружия. – Заметим, что Полководцы Иоанновы гнушались изменою Гаммерштета: недовольный холодною Россиян, он уехал в Данию, искал службы в Швеции, наконец возвратился в Москву уже при Великом Князе Василии, где Послы Императора Максимилиана видели его в богатой одежде среди многочисленных Царедворцев.

[1503 г.] Несмотря на ревностное содействие и славу Плеттенберга, король

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал Польшский не имел надежды одолеть Россию, сильную многочисленности войска и великим умом ее Государя. Литва истощалась, слабела: Польша неохотно участвовала в сей войне разорительной. Сам Римский Первосвященник, Александр VI, взялся быть посредником мира, и в 1503 году чиновник Короля Венгерского, Сигизмунд Сантай, приехал в Москву с грамотами от Папы и Кардинала Регнуса. Оба писали к великому Князю, что все Христианство приведено в ужас завоеваниями Оттоманской Империи; что Султан взял два города Венецианской Республики, Модон и Корон, угрожая Италии; что Папа отправил Кардинала Регнуса ко всем Европейским Государям склонять их на изгнание Турков из Греции; что Короли Польский и Венгерский не могут участвовать в сем славном подвиге, имея врага в Ибанне; что Святой отец, как Глава Церкви, для общей пользы Христианства молит Великого Князя заключить мир с ними и вместе с другими Государями воевать Порту. Посол вручил ему и письмо от Владислава такого же содержания, требуя, чтобы Иоанн дал опасную грамоту для проезда Вельмож Литовских в Москву. Бояре наши ответствовали, что Великий Князь рад стоять за Христиан против неверных; что он, умея наказывать врагов, готов всегда и к миру справедливому; что Александр, изъявив желание прекратить войну, обманул его: навел на Россию Ливонских Немцев и Хана Ординского; что Государь дозволяет Послам Королевским приехать в Москву.

Послы явились, шесть знатнейших сановников Королевских, из коих главным был Воевода Петр Мишковский. Они предлагали вечный мир, с условием, чтобы Иоанн возвратил Королю всю его отчину, то есть все завоеванные Россиянами города в Литве; освободил пленников, примирился с Ливонским Орденом и с Швециею (где властолюбивый Стур, изгнав Датчан, снова был Правителем Государственным). Великий Князь хладнокровно выслушал и решительно отвергнул столь неумеренные требования. «Отчина Королевская, – сказал он, – есть земля Польская и Литовская, а Русская наша. Что мы с Божиею помощиею у него взяли, того не отдадим. Еще Киев, Смоленск и многие иные города принадлежат России: мы и тех добывать намерены». Возражения Послов остались без действия: Иоанн был непоколебим. Наконец, вместо вечного мира, условились в перемирии на шесть лет, и только из особенного уважения к зятю Государь возвратил Литве некоторые волости, Рудю, Ветлицы, Щучью, Святые Озерища; велел Наместникам, Новгородскому и Псковскому, заключить такое же перемирие с Орденом, а с Правителем Шведским не хотел иметь никаких договоров. Тогда находились в Москве и Послы Ливонские: они в письмах своих к Магистру жаловались на грубость Иоаннову, Бояр наших, а еще более на Послов Литовских, которые не оказали им ни малейшего вспоможения, ни доброжелательства. Епископ Дерптский обязался, за ручательством Магистровым, платить нам какую-то старинную поголовную дань: ибо земля и город его, основанный Ярославом Великим, считались древнею собственностью России. При обнаружении сего условия во Пскове стреляли из пушек и звонили в колокола.

Неприятельские действия прекратились – ибо самая Россия, истощенная наборами многолюдных ополчений, желала на время успокоиться, – но вражда существовала в прежней силе: ибо Александр не мог навсегда уступить нам Витовтовых завоеваний; Великий же Князь, столь счастливо возвратив оные России, надеялся со временем отнять у него и все прочие наши земли. Потому Иоанн, известив Менгли-Гирея о заключенном договоре, предлагал ему для вида также примириться с Александром на 6 лет; но тайно внушал, что лучше продолжать войну; что Россия никогда не будет в истинном, вечном мире с Королем, и время перемирия употребит единственно на утверждение за собою городов Литовских, откуда все худорасположенные к нам жители переводятся в иные места и где нужно сделать укрепления; что союз ее с Ханом против Литвы остается неизменным.

Великий Князь действовал по крайней мере согласно с выгодами своей Державы: напротив чего Александр, внутренне недовольный условиями перемирия, хотя и весьма нужного для его земли, следовал единственно движениям малодушной досады на врага сильного, счастливого: он задержал в Литве наших Бояр и Великих Послов, Заболоцкого, и Плещеева, коим надлежало взять с него присягу в соблюдении договора и требовать уверительной грамоты, за печатью Епископов Краковского и Виленского, в том, что в случае смерти Александра наследники его не будут принуждать Королевы Елены к Римскому Закону. Иоанн, удивленный сим нарушением общих государственных уставов, желал знать предлог оного: Король писал, что Послы остановлены за обиды, делаемые Россиянами Смоленским Боярам; но скоро одумался, утвердил перемирие и с честью отпустил их в Москву. Тогда же схватили в Литве гонца нашего, посланного в Молдавию: Александр не хотел освободить его до решительного мира с Россиею; не хотел еще, чтобы Королева Елена исполнила волю родителя в деле семейственном: Иоанн велел ей искать невесты для брата, Василия, между Немецкими Принцессами; но Елена отвечала, что не может думать о

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал сватовстве, пока Великий Князь не утвердит истинной дружбы с Литвою.

Такими ничтожными способами мог ли Король достигнуть желаемого мира? Скорее возобновил бы кровопролитие, если бы Иоанн для государственной пользы не умел презирать маловажных, безрассудных оскорблений: желая временного спокойствия, он терпел их хладнокровно и готовил средства к дальнейшим успехам нашего величия.

Глава VII

Продолжение государствования Иоаннова. 1503–1505 г. Кончина Софии и болезнь Иоаннова. Завещание. Суд и казнь еретиков. Посольство Литовское. Сношение с Императором. Василий женится на Соломонии. Измена Царя Казанского. Впадение его в Россию. Кончина Великого князя. Тогдашнее состояние Европы. Иоанн – творец величия России. Устроил лучшее войско. Утвердил единовластие. Имя Грозного. Жестокость его характера. Мнимая нерешительность есть осторожность. Название Великого, приписанное ему иностранцами. Сходство с Петром I. Титул Царский. Белая Россия. Умножение доходов. Законы Иоанновы. Городская и земская полиция. Соборы. Постановление Кесарийского Митрополита в Москве. Российский монастырь на Афонской горе. Каплан Августинского Ордена принимает Греческую Веру. Некоторые бедствия Иоаннова века. Древнейшее описание княжеской свадьбы. Путешествие в Индию.

Сей Монарх не слабел ни в пронциании, ни в бодрости, ни в усердии ко благу вверенной ему Небом Державы, вопреки своим уже преклонным летам и сердечным горестям, необходимым в жизни смертного. Он лишился тогда супруги: хотя, может быть, и не имел особенной к ней горячности; но ум Софии в самых важных делах государственных, ее полезные советы и, наконец, долговременная свычка между ими сделала для него сию потерю столь чувствительною, что здоровье Иоанново, дотоле крепкое, расстроилось. Веря более действию усердной молитвы, нежели искусству врачевания, Государь поехал в Лавру Св. Сергия, в Переславль, в Ростов и в Ярославль, где находились знаменитые святостию Обители. Там, сопровождаемый всеми детьми, но без всякого мирского великолепия, он в виде простого смертного умилялся пред Богом, ожидая от него исцеления или мирной кончины; но, вкусив сладость Христианской набожности, спешил возвратиться на престол, чтобы устроить будущую судьбу России.

Он написал завещание в присутствии знатнейших Бояр, князей. Василия Холмского, Даниила Щени, Якова Захарьевича, Казначая Дмитрия Владимировича и Духовника, Архимандрита Андрониковского, именем Митрофана, объявив старшего сына, Василия Иоанновича, преемником Монархии, Государем всей России и меньших его братьев. Тут, в исчислении всех областей Василиевых, в первый раз упоминается о дикой Лапландии; далее сказано, что Старая Рязань и Перевитеск составляют уже достояние Государя Московского, быв отказаны Иоанну умершим его племянником, сыном Великой Княгини Анны, Феодором; именуется также и все города, отнятые у Литвы, Мценск. Белев, Новосиль, Одоев, кроме Чернигова, Стародуба, Новагорода Северского, Рыльска: ибо тамошние князья хотя и поддалися Государю Московскому, но удержали право владетельных. Другим сыновьям Иоанн дал богатые отчины: Юрию Дмитров, Звенигород, Кашин, Рузу, Брянск. Серпейск; Димитрию Углич, Хлепень, Рогачев, Зубцов, Опоки, Мещовск, Опаков, Мологу; Симеону Бежецкий Верх, Калугу, Козельск; Андрею Верею, Вышегород, Алексин, Любутск, Старицу, Холм, Новый Городок. Имея особенных придворных и воинских чиновников, пользуясь всеми доходами своих городов и волостей, братья Василиевы не могли в оных судить душегубства, ни делать монеты, и не участвовали в выгоде откупов государственных; однако ж Василий обязывался уделять им часть некоторых Московских сборов и не покупать земель в их отчинах, которые оставались наследственными для их сыновей и внуков. То есть меньшие сыновья Иоанновы должныствовали иметь права только частных владельцев, а не князей Владетельных. Одна Рязань еще представляла тень вольной Державы: Князь ее, Иоанн, умер в 1500 году, оставив пятилетнего сына, именем также Иоанна, под опекою матери, Агриппины, и бабки его, любимой сестры Великого князя, Анны, которая преставилась в 1501 году, утвердив внука в достоинстве независимого Владетеля, но только именем: ибо государь Московский был в самом деле верховным повелителем Рязани, ее войска и народа. – Исполняя желание отца, Василий и братья его обязались между собою грамотами жить в согласии по родительскому завещанию.

Иоанн хотел утвердить спокойствие нашей Православной Церкви. В сие время возобновилось дело Жидовской ереси, нами описанной. Еще она не пресеклась, хотя

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кага и скрывалась. Иосиф Волоцкий в Москве, Архиепископ Геннадий в Новгороде неумолимо старались истребить сие несчастное заблуждение ума: первый только говорил и писал, второй действовал в своей Епархии, откуда многие из гонимых еретиков бежали в Немецкую землю и в Литву. Убеденный наконец представлениями Духовенства или сам видя упрямство отступников, не исправленных средствами умеренности, ни клятвою церковною, ни заточением, Великий Князь решился быть строгим, опасаясь казаться излишне снисходительным или беспечным в деле душевного спасения. Созвав Епископов, он вместе с ними и с Митрополитом снова выслушал доносы. Иосиф Волоцкий заседал с судьями, гремел красноречием, обличал еретиков и требовал для них мирской казни. Главными из обвиняемых были Дьяк Волк Иван Курицын, посланный к Императору Максимилиану с Юрием Траханиотом, – Дмитрий Коноплев, Иван Максимов, Некрас Рукавов и Кассиан, Архимандрит Юрьевского Новгородского монастыря: они дерзнули говорить откровенно, утверждая мнимую истину своих понятий о вере; были осуждены на смерть и всенародно сожжены в клетке; иным отрезали язык, других заключили в темницы или разослали по монастырям. Почти все изъявляли раскаяние; но Иосиф доказывал, что раскаяние, вынужденное пылающим костром, не есть истинное и не должно спасти их от смерти. Сия жестокость скорее может быть оправдана политикою, нежели Верою Христианскою, столь небесно-человеколюбивою, что она ни в коем случае не прибегает к мечу; единственными орудиями служат ей мирные наставления, молитва, любовь: таков по крайней мере дух Евангелия и книг Апостольских. Но если кроткие наставления не имеют действия; если явный, дерзостный соблазн угрожает Церкви и Государству, коего благо тесно связано с ее невредимостию: тогда не Митрополит, не Духовенство, но Государь может справедливым образом казнить еретиков. Сия пристойность была соблюдена: их осудили, как сказано в летописях, по градскому закону.

Узнав о болезни Иоанна и думая, что приближение смерти легко может ослабить твердость его в правилах внешней Политики, Александр чрез новых Великих Послов, Воеводу Станислава Глебовича, Пана Юрья Зиновьевича и Писаря, или Секретаря Государственного, Богдана Сапегу, предложил Великому Князю купить дружество Литвы уступкою ей наших завоеваний. Король именовав Иоанна отцом и братом: Елена кланялась ему с почтением и нежностью. Сей Монарх, приближаясь ко гробу, без сомнения желал бы провести остаток своих дней в тишине, тем более что спокойствие его любезной дочери зависело от согласия между ее родителем и супругом; но Иоанн знал свою обязанность: еще сидел на троне, следовательно, должен был мыслить только о благоденствии отечества; не измерял веком своим века России, смотрел далее гроба и хотел жить в ее величии. Боярин его, Яков Захарьевич, сказал Послам Литовским: «Великий Князь никому не отдает своего. Желаете ли истинного, прочного мира? уступите России и Смоленск и Киев». По многих прениях Паны уехали, и Король уверился в невозможности заключить вечный мир с Иоанном на условиях, каких ему хотелось. Предметом дальнейших сношений между ими были единственно дела пограничные: жаловались то наши, то Литовские подданные на обиды. С обеих сторон обещали удовлетворение и рождались новые неудовольствия. Знатный Королевский чиновник, Евстафий Дашкович, житель Волянии, Веры Греческой, уехал в Москву с великим богатством и со многими Дворянами: Александр требовал, чтобы мы, согласно с перемирною грамотою, выдали ему сего человека. Иоанн отвечивал, что грамотою определено выдавать татей, беглецов, холопей, должников и злодеев; а Дашкович был у Короля Воеводою, не уличен ни в каком преступлении и добровольно вошел к нам в службу, как то и в старину делалось невозбранно. – Чтобы иметь верные известия о внутренних обстоятельствах Литвы, Государь посылал гонцов к Елене с дарами, приказывая всегда дружески кланяться ее супругу.

[1504–1505 гг.] Мы видели, что Политика Западной Европы уже находилась в связи с нашею: война Литовская, славная для Иоаннова оружия, придавала нам еще более важности и знаменитости. Император Максимилиан вспомнил о России и выгодах ее союза против сыновей Казимировых: он жалел о Венгрии, неохотно им уступленной Владиславу; думал возобновить свои требования на сие Королевство и послал к Великому Князю чиновника, именем Гартингера, который, выехав из Аугсбурга в Августе 1502 года, прибыл в Москву не прежде, как в июле 1504. Слог Максимилианова письма достоин замечания. «Слышу, – говорит Император, – что некоторые соседственные Державы восстали на Россию. Помня клятвенные обеты нашей взаимной любви, я готов помогать тебе, моему брату, советом и делом». Не сказано ни слова о Венгрии; но посол, как надобно думать, говорил о том изустно Иоанновым Боярам. В другом особенном письме Император просит у Великого Князя белых кречетов. Милостиво угостив Гартингера обеденным столом во дворце, Иоанн отвечивал Максимилиану, что Россию воевали Король Польский и Магистр Ордена,

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагалы были наказаны и примирились с нею на время; что если Император, в случае новых неприятельских действий с их стороны, поможет Россиянам, то и Россияне, исполняя договор, помогут Австрии овладеть Венгриєю. Государь извинялся, что не отправляет собственного Посла в Германию: ибо Король Александр и Магистр Ливонский без сомнения остановили бы его на пути. – В следующем году тот же Гартингер, находясь в Эстонии, чрез Иваньгород доставил в Москву новые грамоты от Максимилиана и сына его, Филиппа, Короля Испанского, к Иоанну и юному Василию, Царям России. Гартингер просил ответа на языке Латинском, сказывая, что Делатор умер и что при дворе их нет уже ни одного человека, знающего Русский язык. Дело шло о Ливонских пленниках: Максимилиан и Филипп убеждали Великих Князей освободить сих несчастных, изнуренных долговременною неволею; а Гартингер ручался за безопасность нашего Посольства, если Иоанн велит кому-нибудь из своих придворных ехать в немецкую землю на Ригу, чтобы сделать тем удовольствие Максимилиану. Но Великий Князь не сделал сего; сам писал к Императору, а Василий к Королю Филиппу, учтиво и ласково, с объяснением, что пленники немедленно будут свободны, когда Магистр прервет дружественную связь с Литвою. Одним словом, Иоанн, по-видимому, уже худо верил Максимилиану: платил только ласками за ласки и дарил ему кречетов, но не хотел изменить для него своим правилам и жалел денег на бесполезное Посольство в Австрию.

Сын и наследник Великого Князя, Василий, имел уже 25 лет от рождения и еще не был женат, в противность тогдашнему обыкновению. Политика осуждает брачные союзы Государей с подданными, особенно в правлениях самодержавных: свойственники требуют отличия без достоинств, милостей без заслуг; и сии, так сказать, родовые Вельможи, пользуясь исключительными правами, редко не употребляют оных во зло, думая, что Государь обязан в них уважать самого себя, то есть честь своего дома. Нарушается справедливость, истощается казна, или семейственные доуки вредят драгоценному спокойствию Монарха. Зная сию, как и многие другие важные для единовластия истины по внушению собственного Геня, Иоанн думал женить сына на Принцессе иностранной: будучи союзником Дании, он предлагал ее Королю утвердить их взаимную дружбу свойством: для того, может быть, находился в Москве Датский Посол около 1503 года; но Король – в угождение ли Шведам, коих ему хотелось снова подчинить Дании и которые не любили России, или затрудняясь иноверием жениха – уклонился от чести быть тестем наследника Великокняжеского и выдал дочь свою, Елисавету, за Курфирста Бранденбургского. Видя пред собою близкую кончину, желая благословить счастливый брак сына и не имея уже времени искать невесты в странах отдаленных, Государь решил тогда женить его на подданной. Пишут, что сам Василий хотел того, уважив совет любимого им Боярина, Грека Юрия Малого, у которого была дочь невеста; но жених выбрал иную, будто бы их 1500 благородных девиц, представленных для сего ко Двору: Соломонию, дочь весьма незнатного сановника Юрия Константиновича Сабурова, одного из потомков выходца Ординского, Мурзы Чета. Соломония отличалась, как вероятно, достоинствами целомудрия, красотою, цветущим здравием; но в выборе не участвовала ли и Политика? Может быть, Иоанн хотел вступить в свойство с простым дворянином, нежели с Князем или с Боярином, чтобы иметь более способов наградить родственников невестки без излишней щедрости и не уделяя им особенных прав, несовместных с званием подданного. Отец Соломонии был возвышен на степень Боярина уже в Царствование Василия. Но мудрый Иоанн не предвидел, что сей брак, приблизив Годуновых, ее родственников, ко трону, будет виною ужасных для России бедствий и гибели Царского дома!

В то время, когда двор и столица ликовали, празднуя свадьбу юного Великого Князя, Государь сведал о злобной измене нашего Казанского присяжника, Магмет-Аминя. Сей так называемый Царь всего более любил корысть и лукавую жену свою, бывшую вдову Алегамову, которая несколько лет жила невольницею в Вологде. Ненавидя Россиян как злодеев ее первого мужа, она замышляла кровопролитную месть, тайно беседовала с вельможами Казанскими о средствах и приступила к делу, возбуждая Магмет-Аминя быть истинным, независимым Владетелем. «Что ты? раб Московского тирана, – говорила ему Царица: – ныне на престоле, завтра в темнице и подобно Алегаму умрешь невольником. Цари и народы презирают тебя. Воспряни от унижения к величию: свергни иго или погибни достойным славь». Пленительные ласки ее действовали еще сильнее красноречия: она день и ночь, по словам Летописца, висела на шее у мужа и достигла желаемого. Забыв милости Иоанна, своего названного отца, и присягу, Магмет-Аминь дал ей слово отложиться от России; но еще медлил и послал одного из Вельмож, князя Уфимского, с какими-то представлениями в Москву. Будучи недоволен оными – угадывая, может быть, и злое его намерение, – Иоанн велел ехать в Казань Дьяку Михайлу Кляпику, чтобы объясниться с Царем. Тогда Магмет-Аминь решился действовать явно. Настал

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Васильевича. Николай Михайлович Карамзин кагал праздник Рождества Иоанна Предтечи, день славной ярмонки в Казани, где гости Российские съезжались с Азиатскими меняться драгоценными товарами, мирно и спокойно, не опасаясь ни малейшего насилия: ибо Казань уже 17 лет считалась как бы Московскою областию. В сей день схватили там Посла Великокняжеского и наших купцев: многих умертвили, не щадя ни жен, ни детей, ни старцев; иных заточили в Улусы Ногайские; ограбили всех без исключения. Народы не любят господ чужеземных: Казанцы, обольщенные и свободою и корыстию, служили усердным орудием воли Царской, в исступлении злобы лили кровь Москвитян и радовались отнятыми у них сокровищами. «Магмет-Аминь, – сказано в летописи, – наполнил целую палату серебром Русским, наделал себе золотых венцов, сосудов, блюд; уже перестал есть из медных котлов, или опаниц, являясь на пирах в сиянии драгоценных камней и металлов, в убранстве истинно Царском. Самые бедные Казанские жители разбогатели: носив прежде зимою и летом овчины, украсились тканями шелковыми и в одеждах разноцветных, как павлины, гордо расхаживали пред своими катупами, или домами».

Надменный убиством мирных гостей, Магмет-Аминь вооружил 40000 Казанцев, призвал 20000 Ногаев, вступил в Россию, умертвил несколько тысяч земледельцев, осадил Нижний Новгород и выжег все посады. Воеводою был там Хабар Симский: имея мало воинов для защиты города, он выпустил из темницы 300 Литовских пленников, взятых на Ведроше; дал им ружья и Государевым именем обещал свободу, если они храбростию заслужат ее. Сия горсть людей спасла крепость. Будучи искусными стрелками, Литовцы убили множество неприятелей и в том числе Ногайского князя, шурина Магмет-Аминева, который, стоя близ стены, распоряжал приступом. Видя его мертвого, Ногайские полки уже не хотели биться: сделалась распря между ими и Казанцами; началось даже кровопролитие. Царь едва мог смирить их; снял осаду и бежал восвояси. – Литовские пленники немедленно были освобождены, с честью, благодарностию и дарами.

Великий князь не успел наказать Магмет-Аминя: высланные против него Московские Воеводы худо исполнили свою обязанность; имея около 100000 ратников, не пошли за Муром и дали неприятелю удалиться спокойно. В сие время болезнь Иоаннова усилилась: подобно великому своему деду, Герою Донскому, он хотел умереть Государем, а не Иноком; склоняясь от престола к могиле, еще давал повеления для блага России и тихо скончался 27 октября 1505 года, в первом часу ночи, имея от рождения 66 лет 9 месяцев и властвовав 43 года 7 месяцев. Тело его погребли в новой церкви Св. Архистратига Михаила. Летописцы не говорят о скорби и слезах народа: славят единственно дела умершего, благодаря Небо за такого Самодержца!

Иоанн III принадлежит к числу весьма немногих Государей, избираемых Провидением решить надолго судьбу народов: он есть Герой не только Российской, но и Всемирной Истории. Не теряясь в сомнительных умствованиях Метафизики, не дерзая определять вышних намерений Божества, внимательный наблюдатель видит счастливые и бедственные эпохи в летописях гражданского общества, какое-то согласное течение мирских случаев к единой цели или связь между оными для произведения какого-нибудь главного действия, изменяющего состояние рода человеческого. Иоанн явился на феатре политическом в то время, когда новая государственная система вместе с новым могуществом Государей возникла в целой Европе на развалинах системы феодальной, или поместной. Власть Королевская усилилась в Англии, во Франции. Испания, свободная от ига Мавров, сделалась первою державою. Португалия цвела, приобретая богатства успехами мореплавания и важными для торговли открытиями. Разделенная Италия хвалилась по крайней мере флотами, купечеством, искусствами, науками и тонкою политикою. Беспечность и равнодушие Императора, Фридриха IV, не могли успокоить Германии, волнуемой междоусобиями; но сын его, Максимилиан, уже готовил в уме своем счастливую перемену для ее внутреннего состояния, которой надлежало возвысить достоинство Императорское, униженное слабодоумием Рудольфовых преемников, и поставил дом Австрийский на высшую степень величия. Венгрия, Богемия, Польша, управляемые тогда Гедиминовым родом, составляли как бы одну Державу и вместе с Австриею могли обуздывать ужасное для Христиан властолюбие Баязета. Соединение трех Государств северных, обеща им силу и важность в политической системе Европы, было предметом усилий Короля Датского. Республика Швейцарская, основанная любовью к вольности, безопасная в ограде твердынь Альпийских, но побуждаемая честолюбием и корыстию, хотела славы участвовать в распрях Монархов сильнейших и заслуживала оную храбростию своих Пастырей. Ганза – сей торговый и воинский союз осьмидесяти пяти городов Немецких, беспримерный в летописях и весьма достопамятный в отношении к древней России, – пользовалась всеобщим уважением Государей и народов. Личная слава Плеттенбергова возвысила достоинство Ордена Ливонского и Немецкого. – Кроме

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал
успехов власти Монархической и разумной Политики, которая произвела сношения
между самыми отдаленными Государствами – кроме лучшего гражданского состояния,
если не всех, то по крайней мере многих Держав – век Иоаннов ознаменовался
великими открытиями. Гуттенберг и Фауст изобрели книгопечатание, которое более
всего способствовало распространению знаний, едва ли уступая в важности и в
пользе изобретению букв. Колумб открыл новый мир, привлекательный для хищного
корыстолюбия и торговли, любопытный для испытателей Естества и для философа,
который, видя там человечество в состоянии дикой Природы и все начальные степени
ума гражданского, Историею Америки объяснил для себя Всемирную. Драгоценные
произведения Индии достигали Азова чрез Персию и море Каспийское, путем
многотрудным, медленным, неверным: сия страна, древнейшая населением,
образованием, художествами, скрывалась от европейцев как бы щитом непроницаемым,
и темные об ней слухи рождали басни о несметных ее богатствах. Смелые порывы
некоторых мореплавателей обойти Африку увенчались наконец совершенным успехом, и
Васко де Гама, оставив за собою мыс Доброй Надежды, с таким же восторгом увидел
берег Индии, с каким Христофор Колумб Америку. Сии два открытия, обогатив
Европу, распространив ее мореплавание, умножив промышленность, сведения, роскошь
и приятности гражданской жизни, имели сильное влияние на судьбу Держав. Политика
сделалась хитрее, дальновиднее, многосложнее: при заключении государственных
договоров Министры смотрели на географические чертежи и вычисляли торговые
прибытки, основывая на них государственное могущество; родились новые связи
между народами; одним словом, началась новая эпоха, если не для мирного счастья
людей, то по крайней мере для ума, для силы Правительств и для общественного
духа Государств благоприятная.

Россия около трех веков находилась вне круга Европейской политической
деятельности, не участвуя в важных изменениях гражданской жизни народов. Хотя
ничто не делается вдруг; хотя достохвальные усилия Князей Московских, от Калиты
до Василия Темного, многое приготовили для Единовластия и нашего внутреннего
могущества: но Россия при Иоанне III как бы вышла из сумрака теней, где еще не
имела ни твердого образа, ни полного бытия государственного. Благотворная
хитрость Калиты была хитростию умного слуги Ханского. Великодушный Димитрий
победил Мамаю, но видел пепел столицы и раболепствовал Тохтамышу. Сын Донского,
действуя с необыкновенным благоразумием, соблюл единственно целость Москвы,
невольно уступив Смоленск и другие наши области Витовту, и еще искал милости в
Ханах; а внук не мог противиться горсти хищников Татарских, испил всю чашу стыда
и горести на престоле, униженном его слабостию, и, быв пленником в Казани,
невольником в самой Москве, хотя и смирил наконец внутренних врагов, но
восстановлением Уделов подвергнул Великое Княжество новым опасностям
междоусобия. Орда с Литвою, как две ужасные тени, заслоняли от нас мир и были
единственным политическим горизонтом России, слабой, ибо она еще не ведала сил,
в ее недрах сокровенных. Иоанн, рожденный и воспитанный данником степной Орды,
подобный нынешним Киргизским, сделался одним из знаменитейших государей в
Европе, чтимый, ласкаемый от Рима до Царяграда, Вены и Копенгагена, не уступая
первенства ни Императорам, ни гордым Султанам; без учения, без наставлений,
руководствуемый только природным умом, дал себе мудрые правила в политике
внешней и внутренней: силою и хитростию восстанавливая свободу и целость России,
губя Царство Батыево, тесня, обрывая Литву, сокрушая вольность Новгородскую,
захватывая Уделы, расширяя владения Московские до пустынь Сибирских и Норвежской
Лапландии, избрал благоразумнейшую, на дальновидной умеренности основанную для
нас систему войны и мира, которой его преемники должны были единственно
следовать постоянно, чтобы утвердить величие Государства. Бракосочетанием с
Софиею обратив на себя внимание Держав, раздрав завесу между Европою и нами, с
любопытством обозревая престолы и Царства, не хотел мешаться в дела чуждые;
принимал союзы, но с условием ясной пользы для России; искал орудий для
собственных замыслов и не служил никому орудием, действуя всегда как свойственно
великому, хитрому Монарху, не имеющему никаких страстей в Политике, кроме
добродетельной любви к прочному благу своего народа. Следствием было то, что
Россия, как Держава независимая, величественно возвысила главу свою на пределах
Азии и Европы, спокойная внутри и не боясь врагов внешних.

Совершая сие великое дело, Иоанн преимущественно занимался устройством войска.
Летописцы говорят с удивлением о сильных его полках. Он первый, кажется, начал
давать земли или поместья Боярским детям, обязанным, в случае войны, приводить с
собою несколько вооруженных холопей или наемников, конных или пеших, соразмерно
доходам поместья (от сего умножилось число ратников); принимал в службу и многих
Литовских, Немецких пленников, волею и неволею: сии иноземцы жили за
Москвою-рекою в особенной слободе. С его времени также начинаются Розряды,

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал
которые дают нам ясное понятие о внутреннем образовании войска, состоявшего
обыкновенно из пяти так называемых полков : Большого, Передового, Правого,
Левого и Сторожевого, или запасного. Каждый имел своего Воеводу: но Предводитель
Большого Полку был главным. Не позволяя Вождям считаться между собою в
старейшинстве, Государь ещё менее терпел непослушание воинов: сын
Великокняжеский, Димитрий, возвратясь из-под Смоленска, жаловался, что многие
Дети Боярские без его ведома приступали к городу, отлучались из стана и ездили
грабить: Иоанн наказал их всех, темницею или торговою казнию. Силою,
устройством, мужеством рати и Воевод побеждая от Сибири до Эмбаха и Десны, он
лично не имел духа воинского. «Сват мой, – говорил о нем Стефан Молдавский, –
есть странный человек: сидит дома, веселится, спит спокойно и торжествует над
врагами. Я всегда на коне и в поле, а не умею защитить земли своей». То есть
Иоанн родился не воином, но Монархом; сидел на троне лучше, нежели на ратном
коне, и владел скиптром искуснее, нежели мечем. Имея выпрениый ум для
государственной науки, он имел слуг для победы: Холмский, Стрига, Щеня вели к
ней его легионы. Воин на престоле опасен: легко может обмануть себя и начать
кровапролитие только для своего личного славолубия; легко может одною несчастною
битвою утратить плоды десяти счастливых. Ему трудно быть миролюбивым: а народы
желают сего качества в Венценосцах. Одна необходимая для государственной целости
и независимости война есть законная: так Иоанн воевал с Ахматом и Литвою, среди
успехов не отвергая мира, согласного с нашим благом.

Внутри Государства он не только учредил единовластие – до времени оставив права
Князей Владетельных одним Украинским или бывшим Литовским, чтобы сдержать слово
и не дать им повода к измене, – но был и первым, истинным Самодержцем России,
заставив благоговеть пред собою Вельмож и народ, восхищая милостию, ужасая
гневом, отменив частные права, несогласные с полновластием Венценосца. Князья
племени Рюрикова и Св. Владимира служили ему наравне с другими подданными и
славилась титлом Бояр, Дворецких, Окольничих, когда знаменитою, долговременною
службою приобретали оное. Василий Темный оставил сыну только четырех
Великокняжеских Бояр, Дворецкого, Окольничего: Иоанн в 1480 году имел уже 19
Бояр и 9 Окольничих, а в 1495 и 1496 годах учредил сан Государственного
Казначея, Постельничего, Ясельничего, Конюшего. Имена их вписывались в особенную
книгу для сведения потомков. Все сделалось чином или милостию Государевою. Между
Боярскими Детьми придворными или младшими Дворянами находились сыновья князей и
Вельмож. – Председательствуя на соборах церковных, Иоанн всенародно являл себя
Главою Духовенства; гордый в сношениях с Царями, величавый в приеме их
Посольств, любил пышную торжественность; оставил обряд целования Монаршей руки в
знак лестной милости; хотел и всеми наружными способами возвышаться пред людьми,
чтобы сильно действовать на воображение; одним словом, разгадав тайны
Самодержавия, сделался как бы земным Богом для Россиян, которые с сего времени
начали удивлять все иные народы своею беспредельною покорностию воле Монаршей.
Ему первому дали в России имя Грозного, но в похвальном смысле: грозного для
врагов и строптивых ослушников. Впрочем, не будучи тираном подобно своему внуку,
Иоанну Василиевичу Второму, он, без сомнения, имел природную жестокость во
нраве, умеряемую в нем силою разума. Редко основатели Монархии славятся нежною
чувствительностию, и твердость, необходимая для великих дел государственных,
граничит с суровостию. Пишут, что робкие женщины падали в обморок от гневного,
пламенного взора Иоаннова; что просители боялись идти ко трону; что Вельможи
трепетали и на пирах во дворце, не смели шепнуть слова, ни тронуться с места,
когда Государь, утомленный шумною беседою, разгоряченный вином, дремал по целым
часам за обедом: все сидели в глубоком молчании, ожидая нового приказа веселить
его и веселиться. – Уже заметив строгость Иоаннову в наказаниях, прибавим, что
самые знатные чиновники, светские и духовные, лишаемые сана за преступления, не
освобождались от ужасной торговой казни: так (в 1491 году) всенародно секли
кнотом Ухтомского Князя, Дворянина Хомутова и бывшего Архимандрита Чудовского за
подложную грамоту, сочиненную ими на землю умершего брата Иоаннова.

История не есть похвальное слово и не представляет самых великих мужей
совершенными. Иоанн как человек не имел любезных свойств ни Мономаха, ни
Донского, но стоит как Государь на вышней степени величия. Он казался иногда
боязливым, нерешительным, ибо хотел всегда действовать осторожно. Сия
осторожность есть вообще благоразумие: оно не пленяет нас подобно великодушной
смелости; но успехами медленными, как бы неполными, дает своим творениям
прочность. Что оставил миру Александр Македонский? – Славу. Иоанн оставил
Государство, удивительное пространством, сильное народами, еще сильнейшее духом
правления, то, которое ныне с любовию и гордостию именуем нашим любезным
отечеством. Россия Олегова, Владимирова, Ярославова погибла в нашествии Моголов:

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин каг
Россия нынешняя образована Иоанном; а великие Державы образуются не механическим сцеплением частей, как тела минеральные, но превосходным умом Державных. Уже современники первых счастливых дел Иоанновых возвестили в истории славу его: знаменитый Летописец Польский, Длугош, в 1480 году заключил свое творение хвалою сего неприятеля Казимира. Немецкие, Шведские Историки шестого-надесять века согласно приписали ему имя Великого; а новейшие замечают в нем разительное сходство с Петром Первым: оба без сомнения велики; но Иоанн, включив Россию в общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованных народов, не мыслил о введении новых обычаев, о перемене нравственного характера подданных; не видим также, чтобы пекся о просвещении умов науками: призывая художников для украшения столицы и для успехов воинского искусства, хотел единственно великолепия; силы; и другим иноземцам не заграждал пути в Россию, но единственно таким, которые могли служить ему орудием в делах Посольских или торговых; любил изъявлять им только милость, как пристойно великому Монарху, к чести, не к унижению собственного народа. Не здесь, но в истории Петра должно исследовать, кто из сих двух Венценосцев поступил благоразумнее или согласнее с истинною пользою отечества. – Между иноземцами, которые искали тогда убежища и службы в Москве, достойны замечания князь Таманский, Гуйгурсис, жертва Султанского насилия, и Кафинский Еврей Скарья: Государь милостивыми грамотами, скрепленными золотою печатю, дозволив им быть к себе, уверял их в особенном покровительстве и в совершенной свободе выехать из России, если не захотят в ней остаться.

Петр думал возвысить себя чужеземным названием Императора: Иоанн гордился древним именем Великого князя и не хотел нового; однако ж в сношениях с иностранцами принимал имя Царя как почетное титуло Великокняжеского сана, издавна употребляемое в России. Так Изяслав II, Димитрий Донской, назывались Царями. Сие имя не есть сокращение Латинского Caesar, как многие неосновательно думали, но древнее Восточное, которое сделалось у нас известно по Славянскому переводу Библии и давалось Императорам Византийским, а в новейшие времена Ханам Могольским, имея на языке Персидском смысл трона, или верховной власти; оно заметно также в окончании собственных имен Монархов Ассирийских и Вавилонских: Фаллаа, Набонаш и проч. – Исчисляя в титуле своем все особенные владения Государства Московского, Иоанн наименовал оное Белою Россиею, то есть великою или древнею, по смыслу сего слова в языках Восточных.

Он умножил государственные доходы приобретением новых областей и лучшим порядком в собирании дани, расписав земледельцев на сохи и каждого обложив известным количеством сельских хозяйственных произведений и деньгами: что записывалось в особенные книги. Например, два земледельца, высевая для себя 6 коробей, или четвертей ржи, давали ежегодно Великому князю 2 гривны и 4 деньги (около нынешнего серебряного рубля), 2 четверти ржи, три овса, осьмину пшеницы, ячменя, так, что с тягла сходило по нынешним умеренным ценам более двадцати рублей нашими ассигнациями. Некоторые крестьяне представляли в казну пятую или четвертую долю собираемого хлеба, баранов, кур, сыр, яйца, овчины и проч. Одни давали более, другие менее, смотря по изобилию или недостатку в угодьях. – Торговля также обогащала казну более прежнего. Россия сделалась извне независимую, внутри спокойною: Государь любил пышность, дотоле неизвестную, и купцы наши вместе с иноземными стремились удовлетворить новым потребностям Москвы, где находилось для них несколько гостиных казенных дворов и где собиралась пошлина с товаров и с лавок. Иоанн перевел древнюю ярмонку из Холопьяго города в Мологу, поместье сына его, Димитрия, и велел ему довольствоваться там старыми купеческими сборами, не умножать их, не вымышлять новых, предписав его братьям, чтобы они не запрещали своим людям ездить на сию важную для России ярмонку. Вероятно, что казна имела также немалый доход от внешней торговли: недаром Великий князь столь ревностно заботился об ее безопасности в Азове и в Кафе; недаром Послы его обыкновенно езжали туда с обозами купеческими, нагруженными пушным драгоценным товаром, мехами собольими, лисьими, горностаевыми, зубами рыбьими, Лунскими (Немецкими, Лондонскими) однорядками, холстом, юфтью: на что Россияне выменивали жемчуг, шелк, тафту. Богатство древних наших Государей известно более по сказкам, нежели по действительным историческим свидетельствам. Не говоря о дани, взятой Олегом с греков, знаем только, что Византийский Император Никифор дал Святославу 15 центнеров золота, если верить Льву Диакону, и что Мономах (как означено буквою в рукописи его Поучения) привез отцу триста гривен сего металла. По крайней мере новейшие Великие князья не могли равняться богатством с Иоанном. «Каждому из сыновей моих, – говорит он в завещании, – оставляю по несколько ларцев с казною, за их и мою печатями, у Государственного Казначея, Печатника и Дьяков. Все иные

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал сокровища, лалы, яхонты, жемчуг, драгоценные иконы, сосуды, деньги, золото и серебро, соболи, шелковые ткани, одежды – все, что находится в моей казне постельной, у Дворецкого, Коношешого, Ясельничих, Прикащиков в Москве, в Твери, Новегороде, Белеозере, Вологде и везде – то все сыну моему Василию». – Вспомним, что кроме умножения обыкновенных, поземельных и таможенных доходов, открытие и произведения Пермских рудников служили новым источником богатства для государствования Иоаннова.

Сей Монарх, оружием и политикою возвеличив Россию, старался, подобно Ярославу I, утвердить ее внутреннее благоустройство общими гражданскими законами, в коих она имела необходимую нужду, быв долгое время жертвою разновластиа и беспорядка. Митрополит Геронтий, в 1488 году отсылая некоторых лишенных сана Иереев к суду Государева Наместника, пишет в своей грамоте, что они должны быть судимы, как уставил Великий Князь, по Царским правилам, или по законам Царей Греческих, внесенным в Кормчую книгу: следственно, сия книга служила тогда для нас и гражданским уложением в случаях, не определенных Российским правом. Но в 1491 году Иоанн велел Дьяку Владимиру Гусеву собрать все наши древние судные грамоты, рассмотрел, исправил, и выдал собственное Уложение, писанное весьма ясно, основательно. Главным судиею был Великий Князь с детьми своими: но он давал сие право Боярам, Окольничим, Наместникам, так называемым Волостелям и поместным Детям Боярским, которые, однако ж, не могли судить без Старосты, Дворского и лучших людей, избираемых гражданами. Судьям воспрещалось всякое пристрастие, лихоимство; но осужденный платил им и дьякам их десятую долю иска, сверх пошлины за печать, за бумагу, за труд. Все решилось единоборством: самое душегубство, зажигательство, разбой; виновного, то есть побежденного, казнили смертью: всю собственность его отдавали истцу и судьям. За первую татьбу, кроме церковной и головной (то есть похищения людей), секли кнутом и лишали имения, делимого между истцом и судьей; преступник бедный выдавался истцу головою. За вторую татьбу казнили смертью, и даже без суда, когда пять или шесть добрых граждан утверждали клятвенно, что обвиняемый есть вор известный. Человека подозрительного, оговоренного татем, пытали; но беспорочного не касались и требовали от него только поруки до объяснения дела. Несправедливое решение судей уничтожалось Великим Князем, но без всякого для них наказания. С жалобою, с доносом надлежало ехать в Москву, или к Наместнику, или к Боярину, имевшем судную власть в той области, где жил ответчик, за коим посылали Недельщика, или Пристава. Являлись свидетели. Судья спрашивал: «Можно ли им верить?» Допросите их, как закон и совесть повелевают, – ответствовали судимые. Свидетели начинали говорить: обвиняемый возражал, заключая обыкновенно речь свою так: «Требую присяги и суда Божия; требую поля и единоборства». Каждый вместо себя мог выставить бойца. Окольничий и Недельщик назначали место и время. Избирали любое оружие, кроме огнестрельного и лука; сражались обыкновенно в латах и в шлемах, копьями, секирами, мечами, на конях или пешие; иногда употреблялись и кинжалы. Пишут, что в Москве был славный, искусный и сильный боец, с которым уже никто не смел схватиться, на которого убил один литвин. Иоанн оскорбился; хотел видеть победителя, взглянул гневно, плюнул на землю и запретил судные поединки между своими и чужестранцами: ибо последние, зная превосходную силу Россиян, одолевали их всегда хитростию.

Сие Уложение, древнейшее после Ярославова, не должно удивлять нас своею краткостию: где все затруднения в тяжбах решились острым железом; где законодатель, так сказать, не распутывал их узла глубокомысленными соображениями, а рассекал его столь чудным уставом: там надлежало единственно дать правила для судебных поединков. Видим, как и в первобытных наших законах, великую доверенность к присяге, к совести людей. Телесные наказания унижали человечество в преступниках; но имя доброго гражданина, без всякого иного титула, было правом на государственное уважение; кто имел его, тот в случае свидетельства одним словом спасал невинного или губил виновного. – Несогласные с рассудком, поединки судебные могли однако ж утверждать безопасность Государства: они питали воинский дух народа.

В Уложении Иоанновом находятся весьма немногие постановления о купле, займе, наследстве, землях, межах, холопах, земледельцах. Например: 1) «кто купил вещь новую при двух или трех честных свидетелях, тот уже не лишается ее, хотя бы она была и краденая; но кроме лошади», следственно, лошадь возвращалась хозяину. – 2) «Если деньги или товары, взятые купцом, будут у него в пути отняты, сгорят или утратятся без его вины: то ему дать время для платежа, и без всякого росту; в противном же случае он, как виновный, отвечает всем имением и головою». Сей закон есть древний Ярославов. – 3) «кто умрет без духовной грамоты, не имея

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал сына: того имение и земли принадлежат дочери; а буде нет и дочери, то ближайшему родственнику». – 4) «Между селами и деревнями должны быть загороды: в случае подтравы взыскать убыток с того, в чью загороду прошел скот. Кто уничтожит между или грань, того бить кнутом и взять с него рубль в удовлетворение истцу» (закон Ярославов). – 5) «Кто три года владеет землею, тому она уже крепка; но если истец – Великий Князь, то сроку для иска полагается шесть лет: далее нет суда о земле. – 6) Крестьяне (или свободные земледельцы) отказываются из волости в волость, из села в село (то есть переходят от одного владельца к другому) за неделю до Юрьева дня и через неделю после оногo. Пожилого за двор назначается рубль в степных местах, а в лесных 100 денег. – 7) Холоп или раб, с женою и детьми, есть тот, кто дает на себя крепость, кто идет к господину в Тиуны» (закон Ярославов) «и ключники сельские (но если дети служат другому господину или живут сами собою, то они не участвуют в судьбе отца); кто женится на рабе; кто отдан в приданое или отказан по духовному завещанию. Если холоп, взятый в плен Татарами, уйдет от них: то он уже свободен и не принадлежит своему бывшему господину. Если отпускная, данная рабу, писана рукою господина, то она всегда действительна: иначе должна быть явлена Боярам и Наместникам, имеющим судное право, и подписана Дьяком. – 8) Попа, Дякона, Монаха, Монахиню, старую вдову (которая питается от церкви Божией) судит Святитель; а мирянину с церковным человеком суд общий». – Сии законы, с помощью Греческих, или Номоканона, были достаточны. Древние обычаи служили им дополнением.

Иоанн учредил лучшую городскую Исправу, или Полицию: он велел поставить на всех Московских улицах решетки (или рогатки), чтобы ночью запирать их для безопасности домов; не терпя шума и беспорядка в городе, указом запретил гнусное пьянство; пекся о дорогах: завел почту, ямы, где путешественникам давали не только лошадей, но и пищу, если они имели на то приказ Государев. Здесь же вместили одну любопытную черту его заботливости о физиологическом благосостоянии народа. Открытие Америки доставило Европе золото, серебро и болезнь, которая донныне свирепствует во всех ее странах, искажая человечество, и которая с удивительною быстротою разлила свой яд от Испании до Литвы. Сперва не знали ее причины, и лицемеры нравственности не таились с нею во мраке. Историк Литовский пишет следующее: «В 1493 году одна женщина привезла из Рима в Краков болезнь французскую. Сия ужасная казнь вдруг постигла многих: в числе их находился и Кардинал Фридерик». Слух о том дошел до Москвы: Великий Князь, в 1499 году посылая в Литву Боярского сына, Ивана Мамонова, в данном ему наставлении говорит: «Будучи в Вязьме, разведай, не приезжал ли кто из Смоленска с недугом, в коем тело покрывается болячками и который называют французским?» Иоанн хотел предохранить свой народ от нового бича Небесного.

Мы говорили о важнейших делах церковных. Кроме суда над еретиками, было еще три Собора: первый для уложения Церковной Пасхалии на осьмое тысячелетие, которое настало в 31 год Иоаннова государствования. Суеверные успокоились; увидели, что земля стоит и небесный свод не колеблется с исходом седьмой тысячи. Митрополит Зосима созвал Епископов и поручил Геннадию Новгородскому сделать исчисления Церковного круга. Сей разумный Святитель написал введение, где свидетельствами Апостолов и правилами истинного Христианства опровергает все мнимые предсказания о конце мира, известном Единому Богу. «Нам должно, – говорит он, – не искать таинств, сокровенных от мудрости человеческой, но молить Вседержителя о благоустройстве мира и церкви, о здравии и спасении великого Государя нашего, да цветет его держава силою и победою». Сперва изложили Пасхалию только на 20 лет и дали рассмотреть оную Пермскому Епископу Филофею, которого вычисления утвердили ее верность: после того Геннадий означил на больших листах круги солнечные, лунные, Основания, Эпакты, в руце лето и ключи границ от 533 до 7980 года. Сей Собор утвердил, что год начинается в России вместе с индиктом 1 Сентября.

Второй Собор был при Симоне Митрополите. В 1500 году раздав Новгородские церковные земли Детям Боярским, Великий Князь мыслил, что Духовенству, и в особенности Инокам, непристойно владеть бесчисленными селами и деревнями, которые возлагали на них множество мирских забот. Сие важное дело именем Государя было предложено Митрополиту и всем Епископам в общем их совете. Иоанн не присутствовал в оном. Митрополит послал к нему Дьяка Леваша с такими словами: «Отец твой, Симон Митрополит всея Руси, Епископы и весь Освященный Собор говорят, что от Равноапостольного Великого Царя Константина до позднейших времен везде Святители и монастыри держали грады, власти и села: никогда Соборы Св. Отцов не запрещали сего; запрещали им единственно продавать недвижимое достояние. При самых предках твоих, Великом Князе Владимире, Ярославле, Андрее Боголюбском, брате его Всеволоде, Иоанне Даниловиче, внуке блаженного

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал Александра, современнике Чудотворца Петра Митрополита, и до нашего времени святители и монастыри имели грады и власти, слободы и села, управы, суды, пошлыны, оброки и дани церковные. Не Святой ли Владимир, не Великий ли Ярослав сказали в уставе своем: кто преступит его из детей или потомков моих; кто захватит церковное достояние и десятины Святительские, да будет проклят в сей век и будущий? Самые злочестивые Цари Ординские, боясь Господа, щадили собственность монастырей и Святительскую: не смели двигнути вещей недвижимых ... И так не дерзаем и не благоволим отдать церковного стяжания: ибо оно есть Божие и неприкосновенно». Великий Князь не захотел упорствовать; мыслил, но не совершил того, что в самом осьмом-надесять веке еще казалось у нас смелостию. Екатерина II чрез 265 лет исполнила мысль Иоанна III, присоединив земли и села церковные к государственному достоянию и назначив Духовенству денежное жалованье.

На третьем Соборе (в 1503 году) Иоанн уставил с Митрополитом, следуя правилам Апостольским и Св. Петра Чудотворца, чтобы ни Иереи, ни Диаконы вдовы не священнодействовали. «Забыв страх Божий, – сказано в сем приговоре, – многие из них держали наложниц, именуемых полупопадьями. Отныне дозволяем им только, буде ведут жизнь непорочную, петь на крылосах и причащаться в олтарях, Иереям в епитрахиях, а Диаконам в стихарях, и брать четвертую долю из церковных доходов: уличенные же в пороке любострастия да живут в мире и ходят в светской одежде. Еще уставляем, чтобы Монахам и Монахиням не жить никогда вместе, но быть в особенности монастырям женским и мужеским», и проч. – Грамотою сего же Собора, скрепленную подписями Святителей, запрещалось всякое церковное мздоимство. Несмотря на то, Архиепископ Геннадий дерзнул явно брать деньги с посвящаемых им Иереев и Диаконов: строгий Иоанн, свергнув его с престола Святительского, запер в Чудове монастыре, где он и кончил дни свои в горести.

Ревностный ко благу и достоинству Церкви, Великий Князь с удовольствием видел новую честь Духовенства Российского. Прежде оно искало милости в Византийских Святителях: тогда Москва сделалась Византиею, и Греки приходили к нам не только за дарами, но и за саном Святительским. В 1464 году Митрополит Феодосий поставил в Москве Митрополита Кесарии. Патриарх Иерусалимский, угнетаемый тиранством Египетского Султана, оставил Святые места и скончался на пути в Россию. Она была утешением бедных Греков, которые хвалились ее Православием и величием как бы их собственным. Знаменитые монастыри Афонские существовали нашими благодеяниями, в особенности монастырь Пантелеимона, основанный древними Государями Киевскими.

Соглашая уважение к Духовенству с правилами всеобщей монаршей власти, Иоанн в делах Веры соглашал терпимость с усердием ко Православию. Он покровительствовал в России и Магометан и самых Евреев, но тем более изъявлял удовольствия, когда Христиане Латинской церкви добровольно обращались в наше исповедание. Вместе с братом Великой Княгини Софии, с Италианскими и с Немецкими художниками в 1490 году приехал в Москву Каплан Августинского Ордена, именуемый в летописи Иваном Спасителем, он торжественно принял Греческую Веру, женился на Россиянке и получил от Великого Князя богатое село в награду.

Описав государственные и церковные деяния, упомянем о некоторых бедствиях сего времени. В 1478 и 1487 годах возобновлялся мор в северо-западных областях России, Устюге, Новгороде, Пскове. Были неурожаи, голые зимы, чрезвычайные разлития вод, необыкновенные бури, и в 1471 году, Августа 29, землетрясение в Москве. Целые города обращались в пепел, а столица несколько раз. В сих ужасных пожарах, днем и ночью, Великий Князь сам являлся на коне с Дети́ми Боярскими, оставляя трапезу и ложе: указывал, распоряжал, тушил огонь, ломал дома и возвращался во дворец уже тогда, как все угасало.

Наконец заметим еще две достопамятности: первая относится к истории наших старинных обычаев; вторая к ученой истории древних путешествий.

Иоанн, особенно любя свою меньшую дочь, не хотел расстаться с нею и не искал ей женихов вне России. Горестные следствия Еленина супружества, хотя и блестящего, тем более отвращали его от мысли выдать Феодосию за какого-нибудь иноземного Принца. В 1500 году он сочетал ее с Князем Василием Холмским, Боярином и Воеводою, сыном Даниила, славного мужеством и победами, который умер чрез шесть лет по завоевании Казани. Сия свадьба описана в прибавлении разрядных книг с некоторыми любопытными обстоятельствами. Знаменитый противник Ливонского Магистра, Героя Плеттенберга, Боярин и Полководец, Князь Даниил Пенко-Ярославский, был в Тысяцких, а Князь Петр Нагой-Оболенский в Дружках с их женами. В поезде с женихом находилось более ста князей и знатнейших Детей

ства Российского. Том VI. Государствование Иоанна III Василиевича. Николай Михайлович Карамзин кагал Боярских. У саней Великих княгинь, Софии и Елены, шли Бояре, Греческие и Российские. Свадьбу венчал Митрополит в храме Успения. Не забыли никакого обряда, нужного, как думали, для счастья супругов; все желали его и предсказывали молодым; веселились, пировали во дворце до ночи. – Счастливые предсказания не сбылись: Феодосия ровно через год скончалась.

Доселе Географы не знали, что честь одного из древнейших, описанных Европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века. Некто Афанасий Никитин, Тверский житель, около 1470 года был по делам купеческим в Декане и в Королевстве Голькондском. Мы имеем его записки, которые хотя и не показывают духа наблюдательного, ни ученых сведений, однако ж любопытны, тем более что тогдашнее состояние Индии нам почти совсем неизвестно. Здесь не место описывать подробности. Скажем только, что наш путешественник ехал Волгою из Твери до Астрахани, мимо Татарских городов Услана и Берекзаны, из Астрахани в Дербент, Бокару, Мазандеран, Амоль, Кашан, Ормус, Маскат, Гузурат и далее, сухим путем, к горам Индейским, до Бедера, где находилась столица Великого Султана Хоросанского, видел Индейский Иерусалим, то есть славный Элорский храм, как вероятно; именует города, коих нет на картах; замечает достопамятное; удивляется роскоши Вельмож и бедности народа; осуждает не только суеверие, но и худые нравы жителей, исповедующих Веру Брамь; везде тоскует о Православной Руси, сожалея, если кто из наших единоземцев, прельщенный славою Индейских богатств, вздумает ехать по его следам в сей мнимый рай купечества, где много перцу и красок, но мало годного для России, наконец возвращается в Ормус и, чрез Испагань, Султанью, Требизонт прибыв в Кафу, заключает историю своего шестилетнего путешествия, которое едва ли доставило ему что-нибудь, кроме удовольствия описать оное: ибо Турецкие Паши отняли у него большую часть привезенных им товаров. Может быть, Иоанн и не сведал о сем любопытном странствии: по крайней мере оно доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей, менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых; что Индейцы слышали об ней прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время, как Васко де Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш Тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара и беседовал с жителями о Догматах их Веры.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://karamzinnikolai.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!